

ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
INNOVATIVE DEVELOPMENT CENTER OF EDUCATION AND SCIENCE

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

**Сборник научных трудов по итогам
международной научно-практической конференции
(7 октября 2014г.)**

**г. Волгоград
2014г.**

УДК 34(06)
ББК 67я43

Основные проблемы и тенденции развития в современной юриспруденции/Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Волгоград, 2014. 77 с.

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук, профессор Быкова Анастасия Геннадьевна (г. Омск), кандидат юридических наук, доцент Закиров Радик Юрьевич (г. Казань), доктор юридических наук, профессор Кириченко Александр Анатольевич (г. Николаев), кандидат исторических наук, доцент Кружалова Людмила Валерьевна (г. Санкт-Петербург), кандидат юридических наук, доцент Павлова Арзулана Акрамовна (г. Якутск), кандидат юридических наук, доцент Трунина Екатерина Владимировна (г. Саранск)

В сборнике научных трудов по итогам международной научно-практической конференции «Основные проблемы и тенденции развития в современной юриспруденции» (г. Волгоград) представлены научные статьи, тезисы, сообщения студентов, аспирантов, соискателей учёных степеней, научных сотрудников, докторантов, практикующих юристов Российской Федерации, а также коллег из стран ближнего и дальнего зарубежья.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, статистических данных, не подлежащих открытой публикации. Мнение редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов. Материалы размещены в сборнике в авторской правке.

© ИЦРОН, 2014 г.
© Коллектив авторов

Оглавление

СЕКЦИЯ №1.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.01)	6
ОСОБЕННОСТИ РЕЦЕПЦИИ И ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ПАРАДИГМЫ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ИМПЕРСКОГО НАСЛЕДИЯ Федоренко С.П.	6
СТАНОВЛЕНИЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА АДВОКАТОВ И ИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Шунаев Д.М., Галкина Д.Д.	8
ЭТНОСОСЛОВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XIX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛАХ ВОЛГО-ДОНСКОГО РЕГИОНА) Фалалеева И.Н.	11

СЕКЦИЯ №2.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.02)	14
ИНСТИТУТ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА В КОНТЕКСТЕ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА Самойлова И.Н.	14
ОКАЗАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ НАСЕЛЕНИЮ В КОНТЕКСТЕ ОСОБЕННОСТЕЙ РОССИЙСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА Курилкина О.А.	16
О ПРОБЛЕМАХ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛНОМОЧИЙ ОРГАНАМИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ Гонтарь С.Г.	17

СЕКЦИЯ №3.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.03)	19
К ВОПРОСУ О ПРАКТИКЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ФИКТИВНЫХ БРАКОВ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ИНОСТРАННЫМИ ГРАЖДДАНАМИ Дадаян Е.В., Сторожева А.Н.	19
К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОЛЛЕКТИВНОГО ДОМИНИРОВАНИЯ Шахаева А.М.	21
ПОНЯТИЕ И ОБЩИЕ ПРИЗНАКИ БИРЖЕВОЙ СДЕЛКИ Вашкевич С.В.	23

СЕКЦИЯ №4.

ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.05)	25
РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА МАЛОИМУЩИХ ГРАЖДАН НА СОЦИАЛЬНУЮ ЗАЩИТУ В УСЛОВИЯХ БЮДЖЕТНОЙ ПОЛИТИКИ Егорова З.А., Чаплыгина М.И.	25

СЕКЦИЯ №5.

ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО; АГРАРНОЕ ПРАВО; ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.06)	27
ПОНЯТИЯ «ЗАГРЯЗНЕНИЕ НЕДР» И «ПОВРЕЖДЕНИЕ НЕДР» Куделькин Н.С.	27

СЕКЦИЯ №6.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.08)	30
ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В РФ Быстрова Ю.В.	30
ЗАКОНОПРОЕКТ О САМООБОРОНЕ: ХАРАКТЕРИСТИКА И ПОПРАВКИ Гамаюнова А.В.	32
К ВОПРОСУ О МОТИВАЦИИ И ЦЕЛИ В МЕХАНИЗМЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ СОУЧАСТНИКОВ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ (СТ.СТ. 204, 289, 290, 291, 291.1 УК РФ) Икрянникова А.С.	34
К ВОПРОСУ О НАЗНАЧЕНИИ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ШТРАФА РОССИЙСКИМИ СУДАМИ Баженов О.Н.	37

К ВОПРОСУ О РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ОСУЖДЕННОГО ПОСЛЕ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ Тусупов М.Р.	39
КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ СОТРУДНИКА ОВД: ТЕОРЕТИКО – МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЕКЦИИ Машекуашева М.Х.	41
О КАТЕГОРИИ «СПЕЦИАЛЬНАЯ ВМЕНЯЕМОСТЬ» КАК ПРЕДПОСЫЛКИ ВИНОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ Мирошниченко Н.В.	43
СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РЕФОРМИРОВАНИЯ УГ ОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА Поликарпова И.В.	45
СОЦИАЛЬНЫЕ И ПРАВОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ УКРФ 1996 Г Хутов К.М.	49
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ИЗНАСИЛОВАНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И В ГОСУДАРСТВЕ ИЗРАИЛЬ Майданович Н.В.	51
СЕКЦИЯ №7.	
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА; ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.09).....	54
НАРУШАЕТСЯ ЛИ ПРАВО ПОТЕРПЕВШЕГО НА ДОСТУП К ПРАВОСУДИЮ ПРИ ОСОБОМ ПОРЯДКЕ ПРИНЯТИЯ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ Михайлов А.Д.	54
УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ НА НАЧАЛЬНЫХ СТАДИЯХ УГ ОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА Пономаренко С.И.	56
УМЫСЕЛ И ЕГО ВИДЫ В УГ ОЛОВНОЙ ПРАКТИКЕ Лебедева В.С.	58
СЕКЦИЯ №8.	
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.10).....	59
СЕКЦИЯ №9.	
СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР, ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.11).....	59
СЕКЦИЯ №10.	
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО, ФИНАНСОВОЕ ПРАВО, ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.14).....	60
ВЗАИМООТНОШЕНИЕ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ С РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВЬЮ Шак Ю.П.	60
ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Шак Ю.П.	62
ОСНОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ТАМОЖЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА Шак М.П.	63
ПРАВОВЫЕ И НЕПРАВОВЫЕ ФОРМЫ И МЕТОДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ Коженко Я.В.	65
ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ БЮДЖЕТНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Шефрукова С.Т.	68
СООТНОШЕНИЕ ИНСТИТУТОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Пашковский П.В.	70
СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТАМОЖЕННОГО ДЕЛА В РФ Шак М.П.	72

СЕКЦИЯ №11.	
ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС; АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.15).....	74
ПЛАН КОНФЕРЕНЦИЙ НА 2014 ГОД	75

СЕКЦИЯ №1.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.01)

ОСОБЕННОСТИ РЕЦЕПЦИИ И ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ПАРАДИГМЫ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ИМПЕРСКОГО НАСЛЕДИЯ

Федоренко С.П.

Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) ФГБОУ ВПО «РГЭУ (РИНХ)», г.Таганрог

В настоящее время в российской государственности протекает не просто процесс реформирования, а системного преобразования. Продолжается становление новой для России либерально-демократической парадигмы. Она коренным образом отличающейся от советской и предшествующей ей имперской российской парадигм и тем более парадигмы Святой Руси. Ее принципиальное концептуальное отличие предопределило глубокие перемены в структуре и содержании всех сфер жизни, в том числе и в правовой, и в государственной сферах. Отечественная политическая история указывает, что в монархической парадигме Россия существовала 1055 лет (с 862 года – призвание князя Рюрика по 1917 год – февральская буржуазная революция). Данный факт во многом объясняет трудности, препятствующие эффективному функционированию государственного аппарата и системы местного самоуправления, который закреплены в Конституции РФ 1993 года [1]. Аналогичным образом можно определить ситуацию не только в системе законодательства, так как орган законодательской власти также входит в систему государственных органов, но и в системе практической реализации правовых идей и принципов.

Так же особенностью реализации принципов государственной власти и правовой системы выступает контекст этнополитических процессов России. Он обусловлен географическим фактором и этнической поливариантностью, обуславливающей наличие различных традиций, религий и культур у народов, проживающих на территории одной страны. По сути, современный вид страны есть результат становления территориально-расширительной подсистемы Российской империи, прошедшей соответствующую трансформацию в советский период.

Так, Г.С. Денисова и В.П. Уланов, поддерживая мнение ряда отечественных и зарубежных историков и политологов о том, что «Советский Союз на протяжении своего исторического существования сохранил и развил базовые характеристики государственной организации имперского типа» [2], указывают на признаки рецепции Советским Союзом элементов государственности у Российской империи: «...безграничность универсалистской идеи, подкрепляемой мощью государственной организации; сближение разнородных в этнокультурном плане элит и образование единого правящего класса»; «процесс постепенного выравнивания центра и периферии, происходящий во всех областях социального взаимодействия»[3]. К имперским признакам, присущим Советскому Союзу, с нашей точки зрения, также можно отнести:

– тенденциозность глобального расширения, генерируемая коммунистической идеологией, закреплённой в конституциях РСФСР с СССР;

– создание вокруг Советского Союза буферных зон безопасности и проведение активной агитации на территориях, представляющих собой смысловой горизонт дальнейшего расширения территорий.

В этом контексте возникает вопрос о современной расстановке политических и правовых приоритетов, о степени их преемственности в отношении российского имперского принципа, требующий, безусловно, дополнительного исследования смысловых рамок, в которых он раскрывает свое содержание и актуальность научного дискурса.

Исследования имперской российской парадигмы проводились по нескольким направлениям: в разделе исторических, политических, демографических, а также правовых наук, что указывает на межотраслевой характер предметного поля имперской проблематики. Необходимо отметить, что хотя и был выработан целый ряд весьма ценных научных методов, но до настоящего времени не предложено ни интегральной концепции империй, принятой всем научным сообществом, ни комплексного политико-правового анализа российской государственности как системы имперского типа.

В современной государственно-правовой отечественной науке количество работ, посвященных анализу либерально-демократической парадигмы, конституционализма и федерализма, и число исследований, касающихся имперско-монархической парадигмы, имперских систем, рецепции политико-правовых традиций

современной Россией через трансформационную призму советской «имперскости» от реципиента – Российской империи, являются несопоставимыми. В некоторой степени данная пробельность восполнена трудами С.И. Каспэ, который дал свою оценку сложившейся расстановке научного внимания: «Представляется, что такая ситуация может быть объяснена слабостью взаимодействия двух уровней научного дискурса о российской государственности: замкнутых на фактологии исследований конкретных сюжетов и более или менее спекулятивных теоретических построений. Их объединение должно существенно обогатить возможности политической науки и создать более прочную базу для выработки ею рекомендаций, адресованных непосредственно действующим политическим субъектам» [4]. Указание на практическую значимость исследований данного характера не только подчеркивает их актуальность, но и определяет необходимость скрупулезной оценки эвристической составляющей. Современный «действующий политический субъект» действительно нуждается в корректных рекомендациях политического и правового характера, что обусловлено прочной взаимосвязью «политического» и «правового». Эти две сферы, имеющие сектор совпадения предметных полей, характеризуются не только взаимосвязью и взаимопроникновением, но и взаимозависимостью. Важность точного определения перехода политической власти в статус государственной имеет и научный, и практический характер. Этот переход должен отражаться как в отслеживании одного из его элементов – замены политических технологий на государственные механизмы, реализуемые государственными аппаратами, так и в преобразовании «действующего политического субъекта» в государственного деятеля. Это важно, в том числе и для дифференциации статусов указанных субъектов, потому что они прямо влияют на качество функциональной составляющей, обусловленное целью деятельности. Цель деятельности действующего политического субъекта – приобретение как можно большего объема политической власти, в идеале – для получения государственной власти; субъекта государственной власти – обеспечение благосостояния и процветания страны, национальной безопасности, соблюдение национальных интересов, что достигается через манипуляцию системой государственных аппаратов[5]. В «стыковом месте» перехода от действующего политического субъекта к государственному деятелю наблюдается явление инерционности «политического». Это значит, что действующий политический субъект, функциональной и онтологической составляющими которого является перманентное увеличение объема политической власти (либо стремление к увеличению такого объема), получив статус государственного деятеля, стремится, как бы по инерции, наращивать объем государственной власти вместо того, чтобы максимально использовать свой статус и административно-распорядительный потенциал для соблюдения государственных и национальных интересов. Данная негативная тенденция проявляется не только в политико-правовой сфере, но и проецируется на другие. На наш взгляд, исправление такого положения возможно путем принятия комплекса мер, направленных на правовую регламентацию деятельности субъектов государственной власти, а также апелляции к моральной и духовной составляющей субъектов административно-распорядительной деятельности. Данная проблема характерна как для либерально-демократической, так и для имперской парадигмы, но в последней она исчерпывается на замыкании идеократического комплекса – то есть на императоре, хотя может стоять довольно остро.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ).
2. Денисова Г.С., Уланов В.П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов-на-Дону, 2003. С. 12.
3. Каспэ С.И. Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика. М., 2001. С. 12.
4. Овчинников А.И. «Конституционное обеспечение социального государства: российский и зарубежный опыт». Юрист-Правовед. №1. 2014. С. 34.

СТАНОВЛЕНИЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА АДВОКАТОВ И ИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Шунаев Д.М., Галкина Д.Д.

Нижегородский филиал Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»,
г. Нижний Новгород

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы исторического развития института адвокатуры в Российской Федерации. Освещены вопросы преемственности в развитии российской адвокатуры, правового статуса адвокатов, отражено восприятие идеи адвокатуры и судебного представительства в общественном сознании народа.

Ключевые слова: адвокатура, адвокатская деятельность, адвокатские объединения, история адвокатуры, присяжные поверенные, судебная реформа 1864 года, судебное представительство.

DEVELOPMENT OF THE LEGAL STATUS OF ATTORNEYS AND THEIR PROFESSIONAL ASSOCIATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Shunaev D.M., Galkina D.D.

Nizhny Novgorod Branch of the National Research University «Higher School of Economics»,
Nizhny Novgorod

Abstract

The article is devoted to the problem of development of advocacy in Russia. Points such as continuity of its' development, legal status of attorneys and perception of the ideas of advocacy and legal representation in public conscience are covered.

Key words: advocacy, practice of law, firms of attorneys, history of advocacy, jurymans, judicial reform of 1864, legal representation.

Адвокатура (название происходит от латинского слова «advocatus», что значит «призванный») как социально-правовое явление зародилась ещё очень давно. Наибольшее развитие адвокатура получила в античном мире: в древней Греции и древнем Риме. Множество выдающихся людей того времени (как, например, всем известные Демосфен и Цицерон) являлись адвокатами; данная профессия считалась почетной.

В правовых источниках Древней Руси (например, в Псковской судной грамоте (далее – ПСГ)) уже упоминается институт судебного представительства. Так, по ПСГ использовать поверенных мог довольно ограниченный круг лиц (женщины, дети, монахи и монахини, дряхлые старики и глухие), что было обусловлено, во-первых, существовавшими обычаями, а во-вторых, объективной неспособностью лица самостоятельно участвовать в процессе. С другой стороны, Новгородская судная грамота позволяла использовать поверенных всем категориям лиц без исключений. В источниках более позднего времени также упоминается фигура частного поверенного (ходатая); следовательно, адвокатура как институт уже функционировала.

По учреждению о губерниях 1775 года стряпчие признавались помощниками прокурора и защитниками казенных интересов. В Своде Законов были обозначены категории лиц, которые не могли осуществлять судебное представительство, в остальном заниматься данного рода деятельностью могло любое лицо, из-за чего адвокатура была абсолютно свободной профессией¹. По отношению к этим «адвокатам» не существовало практически никаких требований, равно как и у них не было практически никаких прав; они очень сильно зависели от судей. Стоит также отметить, что в силу доминирования после Петра I и вплоть до 1864 года розыскного типа процесса развитие адвокатуры было сильно ограничено. На это также повлияло и отрицательное отношение некоторых правителей России к адвокатуре, во многом обусловленное Великой Французской революцией, в которой ведущую роль играли адвокаты (те же Мирабо и Робеспьер).

¹ Более подробно см.: Васильковский Е.Г. Организация адвокатуры. Т. 1. СПб, 1893. С. 307-309.

В связи с нежеланием власти (например, Николая I: «... пока я буду царствовать, России не нужны адвокаты, проживём и без них»²) менять обстановку в стране, адвокатура попросту не могла развиваться. Печальный опыт функционирования адвокатуры в виде т.н. «аблакатуры» (стряпчих и ходатаев) также во многом препятствовал объективному восприятию явления адвокатуры. Более того, даже учреждение института присяжных поверенных (см. ниже) полностью не разрешило данную проблему: «аблакатура», например, расцветала в Сибири, где Уставы 1864 года были введены в действие лишь в 1897 году³. Данного рода адвокаты любыми, в т.ч. и мошенническими, противозаконными мерами пытались достичь своих целей, чем зачастую мешали функционированию как государственных органов, так и другого рода адвокатуры (присяжной), подрывая авторитет последней.

Тем не менее, со вступлением на престол Александра II ситуация изменилась, и попытки установления нормальной организации адвокатуры уже не были обречены на безусловный провал. Четкое правовое оформление адвокатура как социально-правовой институт (в виде института присяжных поверенных) впервые получила 20 ноября 1864 года – после утверждения императором Александром II Учреждения судебных установлений (а также уставов гражданского и уголовного судопроизводства).

Появившаяся после судебной реформы присяжная адвокатура во многом заимствовала своё устройство из австро-германской системы адвокатуры. Кандидаты в присяжные поверенные должны были удовлетворять некоторым условиям: e.g., являться подданными Российской Империи, иметь юридическое образование, пр.; кроме того, устанавливались условия, при которых лицо не могло получить статус присяжного поверенного (банкроты, государственные служащие). Присяжные поверенные имели право заниматься делами во всех судебных местах того округа, к которому они были приписаны. Вознаграждение присяжных поверенных определялось либо по соглашению с клиентом, либо по таксе⁴.

Присяжные поверенные были обязаны по первому требованию предоставлять информацию о положении дела своим доверителям, соблюдать адвокатскую тайну – как во время производства по делу, так и после его окончания. За умышленные действия против доверителя присяжным поверенным грозила уголовная ответственность. Присяжные поверенные не могли выступать в суде против своих родителей, жены, детей, дядей, а также как родных, так и двоюродных братьев и сестер. Кроме того, они обязаны были вести список дел, порученных им, дабы иметь возможность предоставить его по первому требованию в совет присяжных поверенных.

В целом, только что упомянутому нами совету присяжных поверенных (далее – совет) следует уделить особое внимание. По существу, данный совет являлся органом самоуправления присяжной адвокатуры, имевшим в отношении её представителей определенные контрольные полномочия (e.g., по привлечению к ответственности вплоть до исключения из числа присяжных поверенных). Совет присяжных поверенных был достаточно демократическим и эффективным органом адвокатуры, однако на протяжении 40 лет существования присяжной адвокатуры на территории Российской Империи было создано всего три таких совета (в Москве, Петербурге и Харькове)⁵. В остальных же регионах функции Совета присяжных поверенных исполнялись окружным судом⁶. Учитывая этот факт⁷, очевидно, следует сделать вывод о постепенном ограничении самостоятельности российской адвокатуры как органа гражданского общества еще в дореволюционный период.

Несмотря на контрреформационное сдерживание развития российской адвокатуры, она, тем не менее, просуществовала практически без изменений вплоть до революции 1917 года. 22 ноября 1917 года адвокатура в виде института присяжных поверенных была упразднена Декретом Совнаркома «О суде». Затем, 7 марта 1918 года были созданы так называемые «коллегии правозащитников», а в ноябре 1918 они были заменены на коллегии обвинителей, защитников и представителей сторон, члены которых являлись государственными служащими. Было запрещено обращаться за услугами непосредственно к адвокату, оплата услуг защитников или представителей производилась через комиссариат юстиции. Из названия данных коллегий явствует, что их члены

² Цит. по: Черкасова Н.В. Формирование и развитие адвокатуры в России 60-80 гг. XIX в. М., 1987. С. 16.

³ См.: Крестьянников Е. А. «Подпольная адвокатура» и консультации поверенных в дореволюционной России: из сибирского опыта // Российская история. 2010. № 4. С. 167.

⁴ Данная такса была установлена в 1868 году и формально должна была пересматриваться раз в три года, но в действительности не менялась в течение всего периода функционирования присяжной адвокатуры.

⁵ Это обусловлено тем, что 5 декабря 1874 года был издан Указ о временной приостановке открытия новых Советов, который, тем не менее, сохранял свою силу до 1904 года. См.: История русской адвокатуры. Т. 1: Адвокатура, общество и государство, 1864-1914. М., 1914. С. 239-240.

⁶ См.: Троицкий Н.А. Адвокатура в России и политические процессы 1864-1904 гг. Тула: Автограф, 2000. С. 37-38.

⁷ Исполнение контрольно-надзорных полномочий Совета окружным судом, постепенно терявшим свою независимость в ходе судебной контрреформы.

исполняли не только адвокатские функции, но выступали также и обвинителями, причем зачастую одни и те же лица, по назначению⁸.

26 мая 1922 года было утверждено новое положение о коллегиях защитников, создававшихся при губернских судах: они имели определенную автономию, а труд адвоката оплачивался по соглашению сторон. Коллегией руководил президиум, надзор за её деятельностью осуществлялся советами, прокурорами и губернскими судами. Очевидно, изначальные порывы советской власти искоренить адвокатуру не увенчались успехом: воссоздание адвокатуры – в той или иной форме – являлось объективной необходимостью; без неё должное функционирование судебной системы было бы попросту невозможным.

В 1939 году был издан новый Закон об адвокатуре. Коллегии защитников были заменены коллегиями адвокатов. Всех адвокатов переводили в юридические консультации, которые были непосредственно подчинены президиуму коллегии адвокатов. Права и обязанности адвокатов были схожи с дореволюционными, но имелись и отличия. Во-первых, такса, устанавливаемая Министерством юстиции, была общеобязательна⁹. Во-вторых, больше не разрешалась частная практика, а юрисконсульты не могли быть членами коллегии адвокатов. В-третьих, было ограничено право на защиту лиц, обвиняемых в совершении «антигосударственной деятельности». Ну и, наконец, в-четвертых, социальный статус адвоката был далеко не тем, каким он являлся до революции, в силу советского правового нигилизма.¹⁰

В остальном же, по сути, была восстановлена дореволюционная структура «адвокатского сословия», в т.ч. и требования к адвокатам.

В конце 50-х годов, в период т.н. «оттепели», права адвокатов были расширены: было разрешено представлять интересы несовершеннолетних, инвалидов и людей, не владеющих языком судопроизводства; в 1961 году был принят указ, в соответствии с которым защите давалось больше времени для подготовки к процессу. Обязанности адвокатов в области хозяйственного права были также расширены.

Достаточно важные изменения относительно статуса адвокатуры произошли в 1970-х годах. Так, в Конституции 1977 года содержалась ст. 161¹¹, посвященная коллегиям адвокатов, что означало конституционное признание адвокатуры как действующей организации. Коллегией адвокатов признавались добровольные объединения лиц, занимающихся адвокатской деятельностью. В развитие данной конституционной нормы в 1979 году был принят закон «Об адвокатуре в СССР» и закон РСФСР от 20 ноября 1980 года¹² «Об утверждении Положения об адвокатуре РСФСР»¹³.

Перестройка, переход от социалистического планирования к рыночной экономике, изменение самих основ государственного устройства требовали также и изменений в правовом статусе адвокатуры и адвокатских объединений. Нового же закона, посвященного адвокатуре, который бы соответствовал реалиям общественных отношений, сложившихся в постсоветской России, не последовало – Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» был принят лишь в 2002 году. Во многом в данном законе сохранялась (и сохранилась) преемственность по отношению к аналогичному закону СССР¹⁴. В то же время в законе устанавливались и принципиально новые положения. Так, на государство возложена обязанность не контролировать деятельность адвокатуры, а наоборот, обеспечивать гарантии её независимости. Нам это представляется достаточно принципиальным моментом, поскольку развитие института адвокатуры всегда связано с определенной (как правило, высокой) степенью свободы адвокатов. Обеспечение же независимости адвокатуры в таком случае может являться средством гарантирования устойчивого её развития, что в нынешних условиях интеграции российской экономики в общемировую экономическую систему (а соответственно, унификации определенных норм, регулирующих экономические отношения) является очень важным, если не

⁸ В то же время никаких иных институтов, которые можно было бы сопоставить с классической моделью адвокатуры, в тот период не существовало.

⁹ В этом проявилось некоторое ограничение свободы договора – а следовательно, и свободы адвокатуры осуществлять свою деятельность за такую плату, которая была бы признана справедливой обеими сторонами. Это, как и иные ограничения (и, впрочем, весь советский политический режим), серьезно сдерживало развитие адвокатуры, обрекая последнюю на вынужденную стагнацию.

¹⁰ Этот момент, безусловно, характеризует не правовой статус адвоката как таковой, но восприятие обществом адвокатуры как социально-правового института. Впрочем, и до революции множество наших соотечественников, среди которых были и именитые писатели-классики, негативно отзывались о присяжных поверенных – в частности, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой и М.Е. Салтыков-Щедрин. Так, Достоевский описал одного из героев своего романа Братья Карамазовы – блестящего адвоката – следующим образом: «длинный, сухой человек, с длинными, тонкими ногами, с чрезвычайно длинными, бледными, тонкими пальцами, с обритым лицом, с тонкими, изредка кривившимися я не то насмешкой, не то улыбкой губами». См.: *Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы*. М.: Эксмо, 2009. С. 676.

¹¹ См.: Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М.: Политиздат, 1977. С. 47.

¹² Данная дата носит в определенной степени символический характер, ведь «днём рождения» российской адвокатуры можно считать также 20 ноября, но не 1980, а 1864 года.

¹³ См.: Стецовский Ю.И. Советская адвокатура. Учебное пособие. М.: Высш. шк., 1989. С. 187.

¹⁴ Вообще, изучение исторического развития явления адвокатуры позволяет достаточно «рельефно» увидеть наличие преемственности в её развитии в течение всего периода её существования – даже в революционные годы.

основополагающим моментом. Остается надеяться, что дальнейшее развитие российской адвокатуры снова даст нам таких корифеев юридической мысли, как, например, Ф.Н. Плевако, А.Ф. Кони, В.П. Спасович и пр. И, как представляется, принципы самоорганизации и самоуправления – единственные, на основе которых можно построить эффективную систему адвокатуры, судебного представительства и предоставления юридической помощи гражданам и организациям.

Список литературы

1. Барщевский М.Ю. Организация и деятельность адвокатуры в России. Научно-практическое пособие. М., 2000.
2. Васильковский Е.Г. Организация адвокатуры. Т. 1. СПб., 1893.
3. Демидова Л.А. Адвокатура в России. М.: Юстицинформ, 2006.
4. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. М.: Эксмо, 2009.
5. История русской адвокатуры. Т. 1: Адвокатура, общество и государство, 1864-1914. М., 1914.
6. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М.: Политиздат, 1977.
7. Стецовский Ю.И. Советская адвокатура. Учебное пособие. М.: Высш. шк., 1989.
8. Троицкий Н.А. Адвокатура в России и политические процессы 1864-1904 гг. Тула: Автограф, 2000.
9. Черкасова Н.В. Формирование и развитие адвокатуры в России 60-80 гг. XIX в. М., 1987.

ЭТНОСОСЛОВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XIX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛАХ ВОЛГО-ДОНСКОГО РЕГИОНА)

Фалалеева И.Н.

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ №: 14-13-34010 «Этнокультурная правосубъектность народов Волго-Донского региона в исторической ретроспективе (XIX - XX века)»

Вопросами изучения политико-правовых механизмов регионального управления в Российской империи исследователи занимаются давно и продуктивно. По верному замечанию саратовских ученых, региональная историография призвана осуществлять преодоление традиционно сложившейся техники исторической реконструкции и поиск дополнительных по отношению к истории практик исследования [2; с. 40]. Вместе с тем, следует согласиться с А.И. Миллером в том, что, если мы говорим об анализе империи как полиэтнической структуры, то логичнее мыслить в категориях не регионального, а ситуационного подхода. Это позволит лучше понять логику акторов, реконструировать ситуацию взаимодействия в возможной полноте. В таком случае определение границ изучаемого пространства становится вторичным и условным. К тому же, ситуационный подход предполагает отказ от концентрации на каком-то одном акторе, что так характерно как для историков национальных движений, так и традиционного централистского подхода к политике имперских властей [12; с.28-29]. Также уместным представляется опираться на методологию, П. Бурдьё, учитывающую дискурсивные смыслы терминов для обозначения юридического кода этнических и сословных групп Российской империи в XIX веке. В своей теории символического эффекта кодификации П. Бурдьё утверждает, что оформление правового статуса группы обозначает легитимацию её существования. Закрепляя правовой статус группы, законодатель присваивает ему определенный юридический код – происходит поименование определенных прав и обязанностей. Следовательно, сам факт фиксации в юридических актах любого уровня конкретных обязанностей, прав и привилегий, соотносенных с этнической принадлежностью, можно рассматривать как признание существования субъектности этнических групп и легитимацию их правового статуса.

Проблема взаимоналожения, пересечения статуса этнических и сословных групп населения Российской империи исторически порождена самим способом формирования её территории. Уже в девятом томе Свода законов Российской империи классификация М.М. Сперанского определяет инородцев как сословие наряду с дворянством, духовенством, городскими и сельскими обывателями (ст. 2), хотя и определяет их особый юридический статус. В научной литературе, вопрос, вынесенный в заглавие статьи, имеет свою историографию, начинать которую можно с трудов М.М. Сперанского, но в рамках данного выступления упомянем лишь последние работы, касающиеся этой проблемы. Так, Н.А. Иванова и В.П. Желтова в своей монографии ставят

вопрос о взаимоналожении статуса различных сословий Российской империи, при этом они приходят к выводу, что сословный строй, отмененный в 1917 г., объективно себя не изжил [6]. Ж. Кадио полагает, что «близость двух понятий - этнического и сословного - с особой яркостью проявилась в институализации этнических обществ в качестве сословий. Автономия целых народов была обеспечена путем их превращения в отдельные сословия, как это произошло в случае военного сословия башкир, казаков, части населения Великого княжества Финляндского, а также немецких, греческих, итальянских колонистов, привлеченных в Россию налоговыми льготами» [7; с.83]. Ряд исследователей сегодня на новых материалах переподтверждают вывод о том, что казаки Области Войска Донского являлись одновременно и сословием и этнической группой [11; 13; 15].

Внутри сословий, понимаемых как юридически оформленные группы с правами, обязанностями и привилегиями, передающимися по наследству, нарастала иерархизация. Одновременно, внутри присоединенных народов происходило политическое становление и юридическое оформление сословных групп. Наблюдаются два разнонаправленных процесса: доктринально понятие сословия оформляется тогда, когда законодательно уже размывается сословность. К тому же, после реформ Александра II критерием определения принадлежности к тому или иному сословию все чаще выступает признак профессиональной деятельности [5; с.16.]. Интересно заметить, что на протяжении всего XIX века словосочетания «адвокатское», «морское», наконец, «ученое сословие» используются не только как метафоры, но и как юридические понятия. Например, п. 1 Устава Российской Императорской Академии от 29 мая 1818 г. гласит: «Академия есть сословие свободное, состоящее из членов разного звания...». Сложность ситуации в XIX веке была опосредована также тем, что для обозначения юридически значимых свойств группы, в силу своего непреходящего культурного значения, одновременно использовались такие маркеры (коды), как этнический - «инородцы» и конфессиональный - «иноверцы». В законодательстве и научной литературе эти понятия использовались несистемно, так что, легальное и доктринальное значение этих терминов не всегда совпадало. Именно поэтому, на наш взгляд, больше внимания должно быть уделено исследованию дискурсивных смыслов терминов, имеющих отношение к выявлению этнической правосубъектности. Она часто выделялась «по умолчанию», была синкретична с конфессиональной, формулировалась в отрицательном смысле, проявляясь только при нарушении прав другой группы (например, закон устанавливал коллективную ответственность еврейской общины за укрывательство дезертира [4; с.220], запрет русским самовольно селиться на землях туземцев [16] или казачьих войсковых землях [3; с.117]). Точно также юридически значимые состояния здоровья человека определяются законом в негативном смысле как состояния нездоровья (слепота, немота, душевная болезнь), выступающие исключениями из общей презумпции о здоровье каждого человека. Этот синкретизм и охватывался понятием «прав состояния», которое, по мнению М.М. Сперанского, включало в себя все исторически обусловленные противоречия: «Из различия прав гражданских, общих и особенных возникает различие, которое по самой необходимости допустить должно» [14; с.58].

Неоинституциональный подход П. Бурдые также предполагает, что восприятие субъекта управления формируется им самим и опосредованно влияет на встречную политику законодателя. Например, известен факт запрета Николаем I упоминать поляков в законодательных актах после восстания 1830 г. В административной номенклатуре этнические термины «польский», «литовский», «белорусский» по Высочайшему распоряжению заменялись на территориальные названия: «западные губернии», «Западный край» [8; с.14]. И наоборот, само написание с большой буквы «Земля Войска Донского» до 1869 г. содержало в себе этнополитический дискурс. Современники часто подчеркивали, что Войско и в XIX веке продолжало оставаться своеобразным государством в государстве. По меткому наблюдению Н.Г. Карнишиной, даже после включения той или иной народности в более общую социальную группу, например, крестьянство, в законодательных актах она по-прежнему фигурировала под своим этнонимом. Например, в Законах о состояниях под категорией «крестьяне» упоминаются «инородцы, известные под именами татар, вотяков, мордвы, чувашей, черемисов и др.» [8; с.20]. Тем более, в период так называемых контрреформ, при неизбежности возникновения проблем, возникших с расширением прав сословий (прежде всего, крестьян) и подготовкой к переписи населения 1897 г., Законодатель вынужденно апеллирует к этничности общин, чтобы оптимизировать управление ими. Это касается также казаков и калмыков, которым подтверждаются не только сословные, но и этнокультурные права. К примеру, было законодательно подтверждено, что свобода вероисповедания калмыцкого народа и все связанные с этим обряды неприкосновенны; к концу века калмыки ОВД имели окружную школу и семь станичных начальных школ, где преподавание велось на родном языке. У казаков Области Войска Донского была собственная пресса [1]. Из данных примеров следует, что политизация этничности возникает не только по инициативе групповых элит, но и по инициативе законодателя с прагматическими целями. Более того, при подготовке очередной переписи населения в 1910-е годы был поставлен вопрос о включении в нее сословного критерия. Было решено сохранить категорию «сословие», подразумевая культурно-бытовой аспект, тем самым сближая понятия этноса и сословия.

Последнее рассматривалось как «социальная группа, определяемая на основе своей культуры и стиля жизни» [9;с.28].

Таким образом, этнические и сословные характеристики страт населения в Российской империи противопоставлять некорректно, так как наблюдается их не линейное, а многомерное взаимодействие. Для эффективного управления социумом монархия использует оба эти измерения.

Список литературы

1. Ахмадулин Е.В., Дегтярева Т.С. Сословные и этнические характеристики донских казачьих изданий дореволюционной России//Международный научно-исследовательский Журнал. 2014. № 3-1 (22). - С. 104-106.
2. Васильев А., Соловьев В. Этноконфессиональная идентичность: исторический анализ роли этнокультурных факторов в жизнедеятельности российского общества (на примере Саратовской губернии)//Власть. 2013.№ 11. – С. 40-43.
3. Герман О.Б. Роль закона в правовой жизни российского казачества во второй половине XIX – начале XX веков// Юристы-Правоведы. - Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. юрид. ин-та МВД России, 2011, № 2. - С. 116-118.
4. Дорская А.А. Правовой статус подданного Российской империи в начале XX века: вероисповедный аспект // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Вып. № 2. 2002. – С. 215-223.
5. Дятлова О.Г. Корпоративные организации городского населения Российской провинции во второй половине XIX в.//Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2013. - №3(27). – С. 16-22.
6. Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). М.: Новый хронограф, 2009. – 752 с.
7. Кадио Ж. Лаборатория империи: Россия/СССР. 1860-1940 / Пер. с фр. Э. Кустовой. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. - 336 с.
8. Карнишина Н.Г. Западные губернии Российской империи: проблемы государственно-правового устройства// Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2012. № 3(23). - С. 14-20.
9. Карнишина Н.Г. Национальные окраины Российской империи в середине XIX – начале XX вв.// Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2011. №2(18). – С. 22-28.
10. Краснов С.Ю. Обычное право донских казаков во второй половине XIX века. Функционирование органов территориального общественного самоуправления. Волгоград, Изд-во ВолГУ. 2011. – 142 с.
11. Мациевский Г.О. Рассказывание как историческая проблема//Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012, №5(13) www.sisp.nkras.ru дата вхождения 15.08.14.
12. Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 248 с.
13. Сопов А.В., Сопов М.А. Казачество: этнический и социальный статус//APRIORI. Серия Гуманитарные науки. 2014. №2/<http://cyberleninka.ru/article/n/kazachestvo-etnicheskiy-i-sotsialnyy-status> ; дата вхождения 20.08.14.
14. Сперанский М.М. План государственного преобразования графа М.М. Сперанского (введение к Уложению государственных законов 1809 г.). М.: Русская мысль. 1905.
15. Фалалеев А.В. Земля Войска Донского и Империя: монография в 3-х тт. Т.1: Государственные начала донских казаков (политогенез на территории Поля – Подонья. Конец XIV – XVII вв.) Волгоград: Издатель, 2011. – 248 с.; Т.2: Государственно-правовое положение Земли Войска Донского (государственная организация и право Поля – Подонья, 1613-1723). Волгоград: Издатель, 2012. – 424 с.
16. Ч.1, гл.V, § 31 Устава об управлении инородцев. 22 июля 1822 (№ 29.126) // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Том XXXVIII. СПб.: Типография II Отделения С.е.и.в. канцелярии. 1830.

СЕКЦИЯ №2.
КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.02)

ИНСТИТУТ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА В КОНТЕКСТЕ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

Самойлова И.Н.

Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) ФГБОУ ВПО «РГЭУ (РИНХ)», г.Таганрог

Классификация юридических лиц во всем мире происходит по нескольким основаниям: учреждения и общества; юридические лица частного и публичного права и т.д. Критериями последнего деления можно назвать наделение юридического лица властными полномочиями, основания и порядок возникновения юридического лица и другие. По мнению Л. Эннексеруса, «...критерием деления является порядок возникновения юридического лица»[1]. Для более тщательного рассмотрения правового статуса юридических лиц публичного права, необходимо обратиться к основам римского права.

В настоящее время частное право противопоставляется публичному, все правоотношения делятся на частноправовые и публичные и регулируются соответствующими нормативно-правовыми актами. Древние же римляне рассматривали правовую систему в синкретичном единстве, выделяя различные аспекты юридических институтов в зависимости от той социальной роли, в которой выступали субъекты правоотношений, и от того, какой общественный авторитет обеспечивал нормативный характер типичных связей между людьми[2]. Если речь шла об отношениях между отдельными лицами, отставившими свои индивидуальные или семейные интересы, то такие отношения трактовались как частные. И соответственно формализованная воля субъектов, определявшая режим их связей, считалась частным законом. Если же отношение затрагивало интересы римского народа, то оно рассматривалось с точки зрения публичных интересов, а его нормативной основой выступала формализованная воля всего народа – публичный закон[3]. Так, Германское гражданское положение (ГГУ) дает лишь косвенное определение правового положения юридических лиц публичного права, упоминая о них только в §89, предусматривающем одинаковую гражданско-правовую ответственность юридических лиц как публичного, так и частного права. Такой пробел устраняется рядом специальных законов ФРГ[4]. Примером может служить §48 Закона о бюджетных правах союза и земель от 19 августа 1969 г., предусматривающий равное положение юридических лиц публичного права, основанных на союзном или земельном имуществе, с другими лицами с точки зрения их места в бюджетном процессе. Статья 298 ГК Квебека проводит различие между юридическими лицами частного и публичного права. Однако указано лишь, что юридические лица публичного права создаются непосредственно законом или в силу закона. Более детальной регламентации юридических лиц публичного права ГК Квебека не содержит.

Французский гражданский кодекс напротив относит все государственные учреждения к субъектам гражданских правоотношений, приравнивая их к частным лицам. Например, в ст. 1712 ФГК говорится о государстве, коммунах и государственных учреждениях как наймодателях по договору имущественного найма, в ст. 2227 – о подчинении указанных лиц такой же давности, как и частные лица. В английском праве отсутствует четкое деление на юридические лица публичного права и юридические лица частного права. Французский юрист Ж. ле ла Модандьер, называет юридическими лицами публичного права государство в целом, департаменты, общины, государственные учреждения. В числе государственных учреждений он указывает такие центральные государственные учреждения, как академии, университеты; учреждения департаментов; учреждения общин – больницы, приюты и т.д. [5]. Исходя из сказанного, нет смысла отрицать существование юридических лиц публичного права. Тем не менее, их точного легального определения, как и качественных характеристик, нет ни в одном, из указанных законодательствах. Российская Федерация, к сожалению, в этом случае не исключение. Причин такому положению несколько.

Во-первых, постсоветское гражданское законодательство во многом следует традициям и нормам, выработанным еще социалистическим советским правом, которое, как известно, полностью отрицало частное право.

Во-вторых, многие ученые полагают, что даже юридические лица публичного права, т.е. государственные учреждения должны быть созданы по правилам гражданского права, являются равными участниками частноправовых отношений, поэтому нет необходимости введения специального понятия юридических лиц публичного права[6].

Продолжением вышеуказанному мнению и то, что категория «юридическое лицо» характерно только для гражданского права, поэтому словосочетание «публичное юридическое лицо» само по себе несет противоречие [7].

В этой связи полезным может показаться опыт грузинского законодателя, дающего точное определение интересующему нас институту. Согласно Закону о юридических лицах публичного права – это созданная на основе соответствующего закона, указа президента страны, либо административного акта органа государственного управления организация, которая под контролем государства независимо осуществляет политическую, государственную, социальную, просветительную, культурную и иную публичную деятельность [8]. В современной юридической литературе все чаще встречаются ученые, исследующие правовой статус юридических лиц публичного права, сравнивая их с юридическими лицами частного права [9].

Так, наглядно доказано, что в государственном и административном праве существует большое количество юридических лиц, но это «совсем другие юридические лица, чем те, с которыми привыкла иметь дело цивилистика». Основным отличием здесь можно считать тот факт, что юридические лица частного права возникают на основании согласованной воли учредителей, ограниченной предусмотренными гражданско-правовым законодательством организационно-правовыми формами юридических лиц. В то время как юридические лица публичного права возникают, как правило, на основании правового акта государственного органа, для осуществления определенных государственных функций и задач. Что касается организационно-правовой формы юридического лица, то государство правомочно изобретать и другие формы, не предусмотренные ГК РФ, но необходимые для достижения определения целей.

Другим не менее важным основанием для отличия «публичных» юридических лиц от «частных» является их правоспособность. Юридические лица публичного права создаются государством для осуществления конкретной цели или функции государства, поэтому и правоспособность их можно назвать специальной. В то время как среди юридических лиц частного права большинство обладает общей правоспособностью, и могут осуществлять любой вид деятельности, не противоречащей закону.

Таким образом, наглядно доказано, что юридические лица публичного права не только встречаются в реальности, но и обладают свойственными только им качественными характеристиками. Что же касается особенностей юридических лиц публичного права, проявляющихся при непосредственном осуществлении публичных функций и задач, то они предопределены и регулируются Конституцией или другими законами, определяющими компетенцию государства и его органов. Как известно, исследование сущности государства и государственно-подобных организаций не входит в предмет частного права. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что юридические лица публичного права подлежат гражданско-правовому регулированию только в том случае, если они вступают в обязательственные отношения в качестве стороны договора. Во всех же иных случаях юридические лица публичного права становятся предметом регулирования государственного права (конституционного и административного).

Список литературы

1. Гражданское и торговое право зарубежных стран: Учебное пособие / Под общей редакцией В.В. Безбаха и В.К. Пучинского. – М.: МЦФЭР, 2009. – С. 105.
2. Дождев Д.В. Римское частное право. Учебник для вузов. Под редакцией члена-корр. РАН, профессора В.С. Нерсесянца. – М.: Издательская группа ИНФРА М – НОРМА, 1997. С.1-2.
3. Ибрагимова Т.А. Юридические лица в Кыргызской Республике. IV 2 (<http://www.sac-civillam.org/beitraege/beitraege.html>).
4. Коженко Я.В. Проблемы и перспективы развития сервисного подхода в системе государственного управления на примере электронного правительства // Юрист- Правовед. 2011. №2. С. 12-16.
5. Курилкина О.А. Юридические лица публичного права: институт частного или публичного права? // Юрист – Правовед. 2009. №3. С. 26.
6. Чантурия Л.Л. Юридические лица публичного права: их место в гражданском праве и особенности правового регулирования // Государство и право. 2008. №3. С. 42.
7. Чиркин В.Е. Необходимо ли понятие юридического лица публичного права // Государство и право. 2006. №5. С. 25.
8. Шонасридинов Н. Юридические лица в Республике Таджикистан. IV 2 (<http://www.sac-civillam.org/beitraege/beitraege.html>).
9. Эннексерус Л. Курс германского гражданского права. М., 1949. Т.1, полутом 1. С. 357.

ОКАЗАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ НАСЕЛЕНИЮ В КОНТЕКСТЕ ОСОБЕННОСТЕЙ РОССИЙСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА

Курилкина О.А.

Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) ФГБОУ ВПО «РГЭУ (РИНХ)», г.Таганрог

Целесообразность и перспективность использования достижений научно-технического прогресса в сфере защиты прав отмечается на протяжении уже не одного десятка лет. Первые публикации о возможности применения ЭВМ и кибернетических методов в правоприменительной практике появились в середине 60-х гг. прошлого столетия. Но в последующие 30 лет данная проблематика, в силу причин объективного характера, не привлекла достаточного внимания исследователей и не получила должного развития.

Реальность высокотехнологического XXI века диктует свои собственные правила развития современного общества, в том числе и в сфере права. Современные тенденции позволяют говорить о начале формирования единой системы общественных отношений в сфере использования информационных технологий, получивших свое закрепление в ряде нормативно-правовых актов [1].

В качестве основных информационных технологий можно выделить: обеспечение сбора первичной информации с использованием телекоммуникационных систем (средств «электронная почта», «видеоконференцсвязь» и др.); регистрация и передача информации в электронной форме, оформление и обработка документов; автоматизированный сбор и обработка данных, архивное хранение электронных документов по единым правилам хранения, поиска и представления в системе органов государственной власти и т.д.[2]

Конечно, не все из представленных выше информационных технологий, подлежат практической реализации в настоящее время или в скором будущем. В условиях российской действительности объяснением этого обстоятельства может служить присутствие малых и средних городов, их общегосударственное значение в экономическом и социальном развитии страны, масштабность и острота неотложных проблем их развития, слабая социально-экономическая база и недостаточная защищенность их жителей.

Классификация городов по величине широко распространена. От величины города зависят многие его признаки - темпы роста, элементы рынка труда, демографической, функциональной и планировочной структуры и т.д. В зависимости от численности населения, в официальных статистических источниках и градостроительной практике, выделяют следующие группы городов: малые - до 50 тыс. жителей, средние - 50-100 тыс., крупные - 100-500 тыс., крупнейшие - 500 тыс. жителей и выше, наконец, города - миллионеры. При группировке городов по величине классификация в известной мере совпадает с типологией: можно говорить о малых, средних, больших, городах-миллионерах как об определенных типах поселений [3].

В России важнейшей проблемой развития страны, ее безопасности и приобретения устойчивого будущего, становится проблема развития малых городов - каждого города в отдельности и всех вместе. Эти города являются источниками и хранителями истории, самобытности народов России, их национальной культуры и традиций, центрами тяготения в системах расселения значительных и прежде всего сельских территорий [4].

В 60-80-е гг. XX в. проблемы малых и средних городов решались лишь формально: разрабатывались многочисленные постановления государственных органов, при их фактическом не выполнении, целевая программа их развития отсутствовала. При этом упор делался на централизованные и дотационные механизмы при слабом участии и низкой дееспособности самих городов и местных органов власти, действовал остаточный принцип их финансирования. Это стало одной из основных причин депрессивного состояния большого числа малых и средних городских поселений.

В период экономических реформ конца XX в. – начала XXI в. жители малых и средних городов стали наименее социально и экономически защищены. Кризис поразил все сферы жизнедеятельности.

В целом лишь 20 % малых городов имеют нормативные показатели развития городской среды. Острой проблемой небольших городов является недостаточный уровень развития социально-культурной инфраструктуры, ее некомплексность и нарастание процессов распада; малые города значительно отстают от больших по уровню развития сферы обслуживания; в условиях рыночных отношений многим предприятиям стало невыгодно содержать объекты социальной сферы, а их передача на баланс органов местного самоуправления неэффективна из-за недостатка средств.

В большинстве малых и средних городов сложились неблагоприятная социально-демографическая ситуация, технологическая отсталость большинства сфер. Немного менее 40 % городов обеспечены телефонами

в соответствии с нормативами. Положение усугубляют многократно возросшие транспортные тарифы и цены на услуги связи.

Одной из основных и можно сказать важнейшей причиной отставания развития малых городов является отсутствие достаточной правовой базы их развития и функционирования. Действующее законодательство сохраняет многие черты и недостатки многоуровневой административно-командной структуры управления, существенно ограничивает полномочия местных представительных и исполнительных органов, неудовлетворительно решает вопросы распределения полномочий между городским, региональным и федеральным уровнями управления, не в полной мере способствует развитию рыночного механизма [5]. Учредители Конституции РФ с одной стороны, забыв, что ныне существующие субъекты РФ возникли не в 1992-1993 гг., а еще в 1917 г., изменили их правовой статус, предоставив неопределенно широкий объем прав, с другой же стороны, закрепили различные принципы их построения – национально- и административно-территориальные. Следствием такого положения стала не только фактическая, но и формальная асимметрия субъектов России, и как следствие и городов и сельских поселений, входящих в данные субъекты, и их населения.

Каким же образом проявляется фактическое неравенство субъектного состава России? Объективной реальностью является тот факт, что Российская Федерация – это многонациональное, поликонфессиональное государство, занявшее огромное географическое пространство. Кроме того, субъектный состав Российской Федерации очень разнообразен, что является отличительной чертой отечественного федерализма в сравнении с другими федеративными государствами. В этой связи естественны и взаимосвязаны между собой различия в количественном составе населения того или иного региона, экономической развитости, климате и т.д.

Немало важной проблемой является недостаточная разработанность вопросов правового административного статуса малых городов, их взаимосвязи и разграничения полномочий в рамках административных районов, в том числе в зонах влияния крупных городов [6].

Таким образом, дисбаланс в уровнях развития различных субъектов Федерации, и, как следствие, больших и малых городов страны представляет собой серьезное препятствие на пути развития всего российского общества и должен быть преодолен в кратчайшие сроки. Проблема развития и саморазвития субъектов Федерации, малых и средних городов России включает в себя широкий комплекс задач, решение которых на федеральном, региональном и местном уровнях возможно преимущественно программными методами.

Список литературы

1. Коженко Я.В., Курилкина О.А. Государственное принуждение как элемент механизма правового регулирования федеративных отношений в современной России // Юристы-Правовед. 2006. №1. С. 25.
2. Костина О. Специфика малых городов // Кадровик. Кадровый менеджмент. 2006. №9. С. 12.
3. Мамычев А.Ю., Самойлова И.Н. Функциональные и институциональные свойства государственной власти // Философия права. 2012. № 4 (53).
4. Митина Т.Е. Использование новых технологий для сокращения документооборота в системе судебного делопроизводства // Законодательство и экономика. 2006. №8. С. 26.
5. Пашковский П.В. Политико-правовое обеспечение региональной безопасности России: проблемы и стратегии // Философия права. 2008. №6.
6. Постановление Правительства РФ от 28 июня 1996 г. № 762 «Об утверждении федеральной комплексной программы развития малых и средних городов Российской Федерации в условиях экономической реформы» // Российская газета. 1996. № 121.
7. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 мая 2014 г. № 869-р «О внесении изменений в распоряжение Правительства РФ от 17 октября 2009 г. № 1555-р» // www.garant.ru
8. www.kremlin.ru.

О ПРОБЛЕМАХ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛНОМОЧИЙ ОРГАНАМИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Гонтарь С.Г.

Орловский государственный университет, г.Орёл

Определив место местного самоуправления, как института власти, Конституция Российской Федерации 1993 года [1] указала на то, что местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно, оно обеспечивает именно самостоятельное решение населением вопросов местного значения, которые закреплены в

Федеральном законе от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [2].

Реализуя вопросы местного значения, для органов местного самоуправления исключительную важность для осуществления задач имеет такой инструмент, как муниципальные финансы.

В условиях сложившейся реальности сельские поселения и муниципальные районы практически полностью зависят от помощи вышестоящих бюджетов, в этой ситуации особенно трудно сельским поселениям, чьи собственные доходы минимальны, при этом обязанностей у этого уровня власти довольно много. В соответствии с Федеральным законом от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [2] на этот уровень возложено около 40 функций. С такими ограниченными финансовыми ресурсами качественно реализовать собственные полномочия очень трудно, если не сказать, что практически невозможно. В этих условиях большинство сельских администраций вынуждено передавать и передает на районный уровень те функции, которые они не в состоянии исполнить самостоятельно. Однако, часты и такие ситуации, когда районные органы местного самоуправления не идут навстречу органам местного самоуправления сельских поселений по тем же финансовым причинам. Таким образом, ситуация складывается так, что по закону местное самоуправление в сельских поселениях существует, а доходов, и, следовательно, стимулов к развитию территорий в поселениях не имеется.

Зачастую органы местного самоуправления забывают о том, что муниципальные финансы – это не только финансы, которые поступают из бюджетов федерального и регионального уровней, но и собственные средства муниципального образования, образуемые за счет деятельности органов местного самоуправления (доходы от штрафов, аренды муниципальной собственности и др.). Соотношение источников муниципальных финансов и определяет самостоятельность муниципальных образований. Ведь если в структуре местных финансов преимущественное положение занимают федеральные и региональные средства, то появляется определенная зависимость от государства, которая заключается в ограничении целевого направления средств на нужды населения муниципального образования. В этих условиях органы местного самоуправления должны стремиться к увеличению именно собственных доходов, образуемых за счет их деятельности.

Но самостоятельность местных финансов зависит также в значительной степени не только от самой финансовой деятельности органов местного самоуправления, но и от степени профессионализма органов, занимающихся организацией финансовой работы, в связи с чем, необходимо четко выстроить финансовые отношения, включая порядок предоставления межбюджетных трансфертов, эффективно использовать механизмы стимулирования финансовой самостоятельности муниципальных образований.

Заметим, что органы местного самоуправления часто забывают о том, что вопросы местного значения – это их обязанность, их полномочия, предусмотренные действующим законодательством, за неисполнение или ненадлежащее исполнение которых наступает различного рода ответственность, в том числе и уголовная, а также может быть применена, предусмотренная Федеральным законом от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [2], процедура удаления главы муниципального образования в отставку.

Безусловно, дополнительные источники доходов нужны, но муниципальные образования должны сами самостоятельно хотеть и решать вопросы местного значения, например, путем выявления административных правонарушений, привлечения к административной ответственности, взимания штрафов. Однако, на деле выходит, что никакого стимула наводить порядок в муниципальных образованиях, следить за благоустройством и решением иных вопросов местного значения у глав муниципальных образований не имеется, а ведь расширение доходной базы, особенно сельского местного самоуправления, напрямую зависит именно от их инициативы. Главам муниципальных образований нужно поощрять создание новых производств и рабочих мест, поддерживать предпринимательство на селе, стараться сделать свое муниципальное образование привлекательным для инвесторов, молодежи, поддерживать инициативу людей.

Кроме финансовых проблем на селе, безусловно, существует такая проблема, как дефицит кадров. Три специалиста сельской администрации просто не в состоянии эффективно реализовать все возложенные на них полномочия, да и управленческих, профессиональных, в том числе юридических и экономических, знаний явно недостаточно. Именно поэтому в ряде субъектов проводятся мероприятия по повышению квалификации муниципальных служащих, принимаются соответствующие программы повышения эффективности муниципального управления [3].

На основании изложенного, полагаем, что именно грамотное руководство, организация работы, а главное – желание пополнить свой бюджет финансами, стремление решить самостоятельно вопросы местного самоуправления, как того требует действующее законодательство, – все это поможет достичь определенных положительных результатов в развитии муниципальных образований.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации [Текст] // М., 2007.
2. Федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822. (с изм. и доп.).
3. Государственная программа Орловской области «Повышение эффективности государственного и муниципального управления в Орловской области, поддержка институтов гражданского общества», утвержденная постановлением Правительства Орловской области от 29 ноября 2012 года № 444 «Повышение эффективности государственного и муниципального управления в Орловской области, поддержка институтов гражданского общества» [Электронный ресурс] // Государственная специализированная информационная система «Портал Орловской области - публичный информационный центр» <http://www.adm.orl.ru>, 21.12.2012.

СЕКЦИЯ №3.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.03)

К ВОПРОСУ О ПРАКТИКЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ФИКТИВНЫХ БРАКОВ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ИНОСТРАННЫМИ ГРАЖДДАНАМИ

Дадаян Е.В., Сторожева А.Н.

ФГБОУ ВПО «Красноярский государственный аграрный университет», г. Красноярск

На сегодняшний день российское законодательство признает брак, заключенный исключительно в органах записи актов гражданского состояния. Это означает, что брак, заключенный на территории РФ любым иным способом и в других учреждениях, кроме органа ЗАГС, не признается государством и не порождает никаких правовых последствий. Законодательство РФ не устанавливает запрета для вступления российских граждан в брак с иностранцами и не предусматривает необходимости получения разрешения на такой брак. Однако не все браки заключаются с целью создания семьи.

В последнее время стремительно распространяются фиктивные браки. Фиктивный брак - это юридическое оформление брака без намерения создать семью, направленный на достижение иных целей (ст. 27 СК РФ). Как правило, это получение иностранным супругом вида на жительство в стране пребывания или получение определенных льгот от государства. По данным Федеральной миграционной службы России в последние годы на Российскую Федерацию усиливается миграционное давление со стороны ряда иностранных государств. Такое давление сопровождается предпринимаемыми попытками легализации иностранных граждан на территории РФ в целях получения разрешений на временное проживание и гражданства РФ. Так в силу ст. 6 ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» разрешение на временное проживание может быть выдано иностранному гражданину в пределах квоты, утвержденной Правительством РФ, если иное не установлено настоящим Федеральным законом. Срок действия разрешения на временное проживание составляет три года. Квота на выдачу иностранным гражданам разрешений на временное проживание ежегодно утверждается Правительством РФ по предложениям исполнительных органов государственной власти субъектов РФ с учетом демографической ситуации в соответствующем субъекте РФ и возможностей данного субъекта по обустройству иностранных граждан. Без учета утвержденной Правительством РФ квоты разрешение на временное проживание может быть выдано иностранному гражданину, в том числе состоящему в браке с гражданином РФ, имеющим место жительства в РФ. Некоторые иностранные граждане предпринимают попытку обойти указанное положение закона, путем заключения фиктивных браков.

По мнению адвоката Людмилы Айвар, причины заключения фиктивного брака у людей самые разные. Одни идут на это, чтобы легко заработать, другие, чтобы легализоваться по месту нахождения, получить работу при наличии регистрации. Многие думают, «а что тут такого». Чтобы не пугать вторую половину даже придумали модные названия «деловой», «коммерческий». Например, брак заключаемый в Москве стоит от 80 и до 200 тысяч рублей, в Красноярске от 2 до 5 тысяч рублей, в зарубежных странах цены на такие браки довольно

выше, а именно в Германии от 5 тысяч до 17 тысяч евро, в США от 10 до 12 тысяч евро, во Франции цены выше до 20 тысяч евро. Ведь «фиктивный» звучит как нечто незаконное. И предложений по коммерческому браку сегодня, действительно, очень много. Но и опасностей не меньше, так как такой брак заключается, и никто не знает о его фиктивности, кроме тех, кто его заключает. По закону сейчас брак можно признать фиктивным только в случае, если одна из сторон не знала о том, что это псевдобрак. То есть признание брака фиктивным тоже имеет определенные ограничения.

Фиктивный брак признается недействительным. Признание брака недействительным производится судом. Дела данной категории подлежат рассмотрению в исковом производстве. В соответствии с п. 1 ст. 25 СК РФ брак, расторгнутый в судебном порядке, считается прекращенным со дня вступления решения суда в законную силу. Что же касается фиктивного брака, то брак признается недействительным со дня его заключения. Суд обязан в течение трех дней со дня вступления в законную силу решения суда о признании брака недействительным направить выписку из этого решения суда в орган записи актов гражданского состояния по месту государственной регистрации заключения брака (п.3 ст.27 СК РФ).

Брак, признанный судом недействительным, не порождает прав и обязанностей супругов, соответственно, такой брак не влечет права супруга, являющегося иностранным гражданином, на получение разрешения на временное проживание. Одновременно следует заметить, что ст. 30 Семейного кодекса РФ предусматривает ряд специальных гарантий для добросовестного супруга, т.е. супруга, который не знал и не мог знать о наличии обстоятельств, вследствие действия которых брак может быть признан недействительным. Факт признания брака недействительным не может выступать в качестве абсолютного основания отказа в выдаче разрешения либо его аннулирования. Закон позволяет иностранному гражданину, даже в случае признания заключенного им брака недействительным, получить разрешение в общем порядке. Согласно п.1 ст. 28 СК РФ требовать признания брака недействительным вправе прокурор, а также не знавший о фиктивности брака супруг в случае заключения фиктивного брака. Положения абзацев первого и пятого пункта 1 статьи 28 Семейного кодекса Российской Федерации, наделяющие прокурора правом требовать признания брака недействительным по мотивам его фиктивности, направлены на защиту государственных и общественных интересов. Соответственно, предъявление прокурором в суд заявления о признании фиктивного брака недействительным в порядке части первой статьи 45 ГПК РФ осуществляется в защиту интересов Российской Федерации. Так прокурор Центрального района г. Красноярск в интересах Российской Федерации в лице УФМС России по Красноярскому краю предъявил исковое заявление о признании брака недействительным (фиктивным). Ответчиками по делу выступили Агентство ЗАГС Красноярского края в лице Территориального отдела по Центральному району г. Красноярск, а так же гражданин Азербайджана М. и гражданка России Ш. В судебном заседании было установлено, что гражданка Ш. за денежное вознаграждение в сумме 3000 рублей по предложению знакомого заключила фиктивный брак. С предполагаемым супругом М. ответчица не виделась ни разу, совместно не проживала, общего хозяйства не вела. При таких обстоятельствах суд решил признать брак недействительным, аннулировать актовую запись о заключении брака.

Не всегда суды удовлетворяют требования прокурора о признании брака недействительным. Так, прокурор Казачинского района обратился в суд с заявлением в интересах граждан Р., М. и других о признании недействительным ввиду фиктивности брака между Ш. и М. В обоснование своего заявления прокурор сослался на то, что брак, заключенный между ответчиками, не направлен на создание семьи, а его целью является приобретение М. права пользования квартирой в с. Казачинском по ул. (...) кв. (...). Решением Казачинского районного суда от 6 июня 2001 года заявление прокурора было удовлетворено, брак между Ш. и М. признан недействительным. Отменяя указанное решение по кассационной жалобе ответчицы М., судебная коллегия указала на следующие обстоятельства.

Прокурор вправе обратиться в суд с требованием о признании брака недействительным, если он является фиктивным. Однако такое требование прокурор может предъявить в интересах конкретного лица (физического или юридического), чьи права нарушены заключением фиктивного брака. В данном случае в качестве истцов при обращении в суд прокурор указал Р., М. и других. В то же время ни в заявлении прокурора, ни в решении суда не указано, какие права Р. и М. оказались нарушенными в связи с заключением брака, признанного фиктивным. Ни одно из указанных лиц прав на квартиру по ул. (...) кв. (...) в с. Казачинском не имело, поэтому признание по суду недействительным брака между М. и Ш. не влекло каких-либо изменений в правах и обязанностях этих лиц. При изложенных обстоятельствах решение суда не может быть признано законным и обоснованным, поскольку постановлено без надлежащего истца по делу.

Вызывает определенные сложности сам процесс доказывания фиктивности брака, который включает в себя опрос супругов, их родственников, свидетелей, проверку факта совместного проживания и т.п. Представляется, что в основе фиктивного брака лежит, прежде всего, личная (материальная) заинтересованность сторон.

С целью выявления признаков фиктивности брака ФМС России рекомендует свои территориальным органам запрашивать органы, регистрирующие акты гражданского состояния, отделы ЗАГС о заключенных браках иностранных граждан с гражданами РФ. При выявлении фиктивности брака материалы направлять в прокуратуру с целью предъявления иска в суд. К признакам фиктивности брака следует относить не только вступление в брак с целью получения денежного вознаграждения, но и косвенные признаки фиктивности брака, такие как проживание супругов по различным адресам или в разных субъектах РФ; отсутствие у супругов совместных детей, а также наличие детей, рожденных в период брака, родителем которых один из супругов не является; неведение совместного домашнего хозяйства, несмотря на наличие достаточных жилищных условий; редкое общение супругов до подачи заявления о регистрации и после заключения брака, незнание общего языка; значительная разница в возрасте супругов; наличие у одного или обоих супругов еще одного зарегистрированного брака, признаваемого иностранным государством и заключенного в соответствии с его обычаями и традициями; признание фиктивным ранее заключенного брака одного или обоих супругов как заключенного без намерения создать семью; получения от супругов, близких родственников, знакомых не совпадающих сведений об обстоятельствах знакомства супругов, их семейной жизни; незнание родственниками, друзьями, соседями, знакомыми, либо коллегами по работе одного или обоих супругов об их браке; асоциальный образ жизни супруга-россиянина и другие.

Следует обратить внимание, что российское законодательство не предусматривает никакой ответственности за заключение фиктивного брака. Поэтому привлечь лиц, заключивших фиктивный брак без целей создания семьи, к административной либо уголовной ответственности не представляется возможным, так как отсутствуют соответствующие в законодательстве нормы. Кроме того, в настоящее время отсутствует и единый механизм контроля за фиктивными браками в России.

Современный фиктивный (коммерческий) брак – достаточно опасное явление и законодатель борется с ним путем ужесточения последствий. Но за счет увеличившейся миграции, этот вариант псевдосемьи все равно существует и как показывает практика такой брак очень просто заключить.

Таким образом, мы видим, что заключение брака без цели создания семьи, с целью получения разрешения на временное проживание на территории Российской Федерации нарушает семейное законодательство, а так же законодательство РФ, регламентирующее миграционную политику государства, направленную на защиту основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов граждан Российской Федерации, на обеспечение национальной безопасности Российской Федерации и общественной безопасности путем противодействия незаконной миграции и иным противоправным проявлениям.

Список литературы

1. Альбиков И.Р. Некоторые особенности и тенденции современного развития фиктивного брака в Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2014. № 3. С. 3 - 6.
2. Ефремова О.Н., Бевзюк Е.А. Комментарий к Федеральному закону от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (постатейный)/под ред. А.Е. Епифанова, В.М. Абдрашитова//Подготовлен для системы Консультант Плюс, 2013.
3. Решение Центрального районного суда г. Красноярск по делу №2-1985/2013// centr.krk.sudrf.ru (дата доступа 22.09.2014).

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОЛЛЕКТИВНОГО ДОМИНИРОВАНИЯ

Шахаева А.М.

Дагестанский государственный университет, г.Махачкала

Конкуренция, являясь важным элементом рыночных отношений, заставляет предпринимателей соперничать между собой, и таким образом способствует достижению наилучших социальных и хозяйственных результатов. Содержанием конкуренции является наиболее полное удовлетворение нужд потребителя, а также борьба за расширение доли на рынке, удешевление продукции и повышение ее качества. Она не позволяет экономической власти концентрироваться в одних руках и тем самым препятствует злоупотреблению этой властью. Злоупотребление доминирующим положением на товарном рынке запрещено Федеральным законом от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции».

В настоящее время правонарушения в форме злоупотребления доминирующим положением на товарных рынках достаточно распространены.

Так, в 2008 году Новосибирским территориальным управлением ФАС России было рассмотрено 59 заявлений по признакам злоупотребления доминирующим положением на рынке, в 2009 году - 75, в 2010 - 67, в 2011 - 102, в 2012 - 109, в 2013 - 122, в первом полугодии 2014 - 84 таких заявления.

Практика работы российских антимонопольных органов показывает, что количество таких нарушений с каждым годом увеличивается, что естественно требует пристального внимания к этой проблеме.

Следовательно, проблемы, касающиеся формирования, применения и совершенствования конкурентного (антимонопольного) законодательства и в первую очередь ответственности за нарушение антимонопольного законодательства.

Итак, законодатель закрепил правила определения доминирующего положения субъекта, базируясь на экономической природе концепции доминирования, при этом выделив три критерия.

В соответствии с ч. 1 ст. 5 закона доминирующим признается положение хозяйствующего субъекта (или нескольких хозяйствующих субъектов) на рынке определенного товара, дающее такому субъекту (субъектам):

1) возможность оказывать решающее влияние на общие условия обращения товара на соответствующем товарном рынке; и (или)

2) устранять с этого товарного рынка других хозяйствующих субъектов; и (или)

3) затруднять доступ на этот товарный рынок другим хозяйствующим субъектам.

Данные критерии, по сути, относятся к характеристикам поведения хозяйствующих субъектов на рынке. Например, поведение субъекта может быть таковым, что он устанавливает барьеры, затрудняет доступ на рынок и т.п.

В развитие подхода о том, что возможность доминирования обычно связывается с той долей, которую компания занимает на рынке, и в дополнение к критериям, предусмотренным ч. 1 ст. 5 закона, законодатель в п. 1 и 2 ч. 1 ст. 5 устанавливает, что доминирующим признается субъект, доля которого на рынке свыше 50% (если не будет доказано иное). Субъект, доля которого составляет от 35 до 50%, может быть признан доминирующим, если антимонопольным органом будет доказан ряд условий, касающихся структуры рынка. Доля менее 35% не предполагает доминирования, если не будет доказано обратное.

Необходимость указанной нормы (п. 1 и 2 ч. 1 ст. 5 закона) состоит в том, чтобы снизить высокие издержки доказывания факта доминирования. Поскольку практика и экономический анализ показывают, что, например, при доле 50% и выше с большой степенью уверенности можно предположить, что компания занимает доминирующее положение на рынке, законодатель установил презумпцию доминирования. Указанная презумпция может быть опровергнута заинтересованной стороной, на которую, однако, в данном случае перекладывается бремя доказывания.

Несмотря на то, что ч. 1 ст. 5 закона предусматривает, что доля менее 35% не предполагает доминирования, из этого правила предусмотрено исключение. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 5 доминирующим признается положение каждого хозяйствующего субъекта, применительно к которому выполняются определенные условия: совокупная доля не более чем пяти хозяйствующих субъектов превышает 70%, а доля каждого из них не менее 8%; в течение длительного периода (не менее года) относительные размеры долей были подвержены малозначительным изменениям; доступ на товарный рынок затруднен и др.

Условия, предусмотренные ч. 3 ст. 5 закона и необходимые для признания субъектов коллективно доминирующими, в отличие от условий, предусмотренных ч. 1 ст. 5, относятся не к поведению хозяйствующих субъектов на рынке, а к структуре самого рынка.

Думается, что указанные условия, предусмотренные ч. 1 ст. 5 и ч. 3 ст. 5 закона являются взаимодополняющими по отношению друг к другу. Поэтому для признания субъектов коллективно доминирующими необходимо совокупное выполнение двух видов условий, перечисленных ч. 1 и 3 ст. 5 закона.

Одновременное выполнение двух видов условий, относящихся к структуре рынка и относящихся к фактическому поведению (взаимоотношениям) хозяйствующих субъектов на рынке для признания их коллективно доминирующими, является абсолютно оправданным шагом законодателя. В том случае, когда каждый из хозяйствующих субъектов действует самостоятельно, конкурентная борьба между ними может быть ожесточенной, что само по себе и является целью антимонопольного регулирования.

Необходимо отметить, что подобные связи необязательно являются неправомерными для целей антимонопольного права (в противном случае таких участников признали бы сторонами картельного сговора). Данные связи являются лишь необходимым инструментом для того, чтобы решить, должны ли определенные независимые участники рынка рассматриваться как один субъект-монопольст.

Если в конечном итоге такие связи между участниками рынка будут обнаружены и стороны будут признаны коллективно доминирующими, следующим шагом будет решение вопроса о том, злоупотребляют ли они коллективным доминированием.

Здесь важно отметить, что подход, выработанный антимонопольным органом и фактически подтвержденный ВАС РФ в постановлении от 25 мая 2010 допускает установление коллективного доминирования только на основе удовлетворения требований ч. 3 ст. 5 закона без анализа взаимоотношений сторон, их возможности влиять на конкуренцию, вытеснять с рынка иных хозяйствующих субъектов, затруднять доступ на рынок.

Кроме того, практика применения ст. 10 допускает, что, установив факт коллективного доминирования, хозяйствующий субъект может быть признан злоупотребляющим доминирующим положением за его индивидуальные действия на рынке.

Данный подход противоречит общемировой практике применения концепции коллективного доминирования и, думается, не соответствует Конституции РФ.

Согласно Конституции РФ в Российской Федерации гарантируются единство экономического пространства, свобода экономической деятельности, поддержка конкуренции (ст. 8); каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (ч. 1 ст. 34); не допускается экономическая деятельность, направленная на монополизацию и недобросовестную конкуренцию (ч. 2 ст.34).

Кроме того, ст.71 Конституции РФ предусматривает, что установление основ федеральной политики в области экономического развития РФ, установление правовых основ единого рынка, основы ценовой политики, федеральные экономические службы находятся в ведении РФ.

По смыслу названных конституционных положений нормативно-правовое регулирование в сфере защиты конкуренции относится к компетенции законодателя, который обладает достаточно широкой дискрецией в выборе конкретных направлений и содержания конкурентной политики, самостоятельно решает вопрос о целесообразности того или иного способа регулирования, руководствуясь при этом конституционными принципами регулирования экономических отношений.

Тем не менее, в силу ч. 1 ст. 34, ч. 3 ст. 55 Конституции РФ ограничения предпринимательской деятельности субъекта должны быть основаны на конституционных принципах равенства, справедливости и соразмерности, которые исключают возможность произвольного и неограниченного вмешательства в предпринимательскую деятельность, обеспечивая соблюдение баланса частных и публичных интересов.

Установление факта коллективного доминирования путем суммирования долей участников рынка без учета их фактических взаимоотношений не имеет под собой экономического основания и препятствует развитию конкурентной среды.

Более того, такая ситуация может привести к нарушению конституционного принципа баланса частных и публичных интересов.

Список литературы

1. Приведенные данные взяты из ежегодных отчетов Новосибирского территориального управления ФАС России // <http://fas.gov.ru>
2. Постановление ВАС РФ от 25 мая 2010 № 16678/09 // СПС «Консультант Плюс».
3. 1.СЗ РФ. 2006. №31 (часть 1). Ст. 3434.

ПОНЯТИЕ И ОБЩИЕ ПРИЗНАКИ БИРЖЕВОЙ СДЕЛКИ

Вашкевич С.В.

Белорусский государственный университет, г.Минск

Организация торгов является самоцелью деятельности биржи. Одним из центральных показателей биржевой активности, и в первую очередь фьючерсной торговли, является количество заключаемых на биржевых торгах сделок.

Ю.Д. Филипов под биржевой сделкой понимал торговые сделки, заключаемые в биржевом помещении в установленное биржевое время, предметом которых являются заменимые ценности, допущенные к обращению и

котировке на данной бирже, сформулировав таким образом еще более века назад особенности сделок, совершаемых на биржевых торгах [3, с. 50-51].

И как отмечает Г.Ф. Шершеневич, чтобы отразить специфику биржевой сделки, «следует обратиться не к её юридической природе, а к условиям, в которых сделка совершается» [4, с. 558]. Из группы договоров купли-продажи биржевая сделка выделена рядом определяющих признаков: составом участников, предметом и порядком своего заключения.

При этом биржевую сделку в её принятом в цивилистической литературе понимании следует также выделять из целого ряда иных договоров, которые заключаются в ходе биржевой деятельности. Так, между организатором торгов и будущим участником заключается, как правило, долгосрочный договор на допуск к торгам. Имеют непосредственное отношение к биржевым торгам также договор на брокерское обслуживание и договоры на оказание клиринговых, депозитарных и иных услуг структурными подразделениями биржи. Э. С. Петросян поясняет, что из понятия «биржевые сделки» следует исключить все договоры, в которых биржа выступает не в качестве организатора торгов, а как хозяйствующий субъект, без каких-либо особенностей и исключений и является стороной сделки [2, с. 49].

В свою очередь общепринятым является употребление понятия «биржевой сделки» именно в её узком смысле, который включает лишь сделки, заключаемые на бирже между участниками торгов по поводу биржевого товара.

Рассмотрим признаки биржевой сделки, выделяющие её из круга договоров купли-продажи: особый состав участников, предмет, а также порядок заключения.

К категории участников торгов, т.е. лиц имеющих право на заключение биржевой сделки со стороны покупателя и (или) продавца относятся члены биржи, посетители торгов. Осуществляют это право участия в ходе биржевых торгов трейдеры, т.е. представители участников биржевой торговли, уполномоченные заключать биржевые сделки, а также брокеры, т.е. участники биржевой торговли, оказывающие клиентам посреднические услуги по совершению биржевых сделок. Состав лиц, имеющих право на заключение биржевых сделок, напрямую зависит от открытого либо закрытого характера биржи, а также критериев и условий допуска к биржевым торгам.

Выступать же стороной биржевой сделки самой бирже, её работникам запрещено. Подобный запрет вытекает из самой сущности биржевой организации и задач её деятельности и, как правило, закрепляется законодательно.

Следующим признаком биржевой сделки является то, что совершается такая сделка в отношении имущества определенного рода и качества, допущенного к обращению на бирже. На фондовой бирже под объектом биржевой сделки понимаются выраженные в ценных бумагах имущественные права, а на товарных биржах биржевой товар, отвечающий ряду требований. Подобный ряд признаков, которым должен соответствовать биржевой товар прослеживается в юридической литературе и, как правило, закрепляется в легальном определении биржевого товара. К подобным признакам относят оборотоспособность, массовость, наличие родовых признаков, способность к стандартизации.

При этом Г.А. Васильев обращает внимание на тот факт, что современное западное законодательство дает довольно широкое толкование термина «биржевой товар». В него включают как осязаемые предметы, так и неосязаемые ценности, такие как услуги, права, проценты. Подобная условность обосновывает возможность торговли на фьючерсных биржах неосязаемыми ценностями (индексами цен, банковскими процентами, ипотекой и т. д.) [1, с. 72].

Признаком биржевой сделки, а также необходимым её условием признается порядок и место её совершения. Порядок заключения биржевых сделок может существенно отличаться в зависимости от вида сделки, её предмета, правил биржевых торгов конкретной биржи и сложившейся биржевой практики. Однако общий характер биржевых торгов отражает механизм подачи участниками торгов заявок на совершение сделки. Сделка совершается в случае, если конкретные заявки участников на покупку и на продажу удовлетворяют условиям друг друга.

Сама заключенная биржевая сделка является основанием для оформления и подписания сторонами сделки биржевого договора. Все биржевые договоры, заключенные по результатам биржевых торгов, подлежат обязательной регистрации на товарной бирже. Порядок и сроки подписания и регистрации биржевого договора также определяются биржей.

Одной из отличительных особенностей биржевой сделки зачастую называется место её совершения [2, с. 51]. Обратим при этом внимание, что еще в дореволюционной России сделка могла признаваться биржевой и в случае внебиржевого её заключения, при условии посредничества маклера [4, с. 558].

К настоящему времени критерий места заключения биржевой сделки как её отличительный признак утратил свою актуальность, поскольку используемые в ходе биржевых торгов технологии позволяют сторонам заключать сделки без непосредственного присутствия на биржевой площадке. Определяющим в данном вопросе нам видится тот факт, что сделка совершается в торговой системе биржи под контролем её представителей, фиксируется и подлежит последующему оформлению.

Подобное толкование может дать предпосылку к опосредованному присутствию участников торгов на бирже, поскольку место совершения договора согласно ст. 444 Гражданского кодекса Российской Федерации является диспозитивным условием, то стороны могут указать биржу местом совершения сделки. Однако, на наш взгляд, применение подобной условности в данном случае не является обоснованием уникальности биржевой сделки. Поэтому признак места заключения может быть исключен из перечня основных особенностей биржевых сделок.

Таким образом, рассмотрение особенностей биржевой сделки как разновидности договора купли-продажи позволяет сделать вывод о том, что:

1. под биржевой сделкой следует понимать договор купли-продажи, заключенный между участниками биржевых торгов в ходе биржевых торгов в отношении объекта биржевой торговли, в установленном порядке оформленный и зарегистрированный биржей.
2. В современных условиях развития электронных форм торговли с использованием удаленного доступа представляет сложность в определении критерий места совершения сделки.
3. Место совершения сделки может не являться обязательным признаком биржевой сделки, поскольку время и место совершения сделки вполне охватываются смыслом биржевого порядка заключения сделок, предусмотренного правилами биржевой торговли на конкретной бирже.

Список литературы

1. Васильев, Г. А. Товарные биржи: Практ. пособие / Г. А. Васильев, Н. Г. Каменева. – Москва : Высшая школа, 1991. – 111 с.
2. Петросян, Э. С. Правовое регулирование биржевых сделок (на примере фьючерсного контракта): диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Э. С. Петросян. – Москва, 2003. – 187 с.
3. Филипов, Ю. Д. Биржа / Ю. Д. Филипов – СПб. : тип. В. О. Кришбаума, 1912. – 201 с.
4. Шершеневич, Г. Ф. Курс торгового права. – 4-е изд. СПб. : Изд. Бр. Башмаковых, 1908. Том 2. Товар. Торговые сделки. – 624 с.

СЕКЦИЯ №4.

ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.05)

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА МАЛОИМУЩИХ ГРАЖДАН НА СОЦИАЛЬНУЮ ЗАЩИТУ В УСЛОВИЯХ БЮДЖЕТНОЙ ПОЛИТИКИ

Егорова З.А., Чаплыгина М.И.

Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск

Право граждан Российской Федерации на социальную защиту закреплено в Конституции Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. [1], которая в статье 7 провозгласила, что Российская Федерация является социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Конкретизация этого положения содержится в статье 39 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой каждому гарантируется социальное обеспечение в случае нетрудоспособности, для воспитания детей и иных случаях, установленных законом.

«В постановлении Правительства РФ от 15 апреля 2014 года №296 утверждена новая редакция государственной программы «Социальная поддержка граждан». Целями госпрограммы, разработанной Минтрудом России, являются создание условий для роста благосостояния граждан – получателей мер социальной поддержки и повышение доступности социального обслуживания населения. В госпрограмме выделено четыре

подпрограммы: «Развитие мер социальной поддержки отдельных категорий граждан», «Модернизация и развитие социального обслуживания населения», «Совершенствование социальной поддержки семьи и детей», «Повышение эффективности государственной поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций».

В рамках госпрограммы решаются следующие задачи:

- выполнение обязательств государства по социальной поддержке граждан;
- обеспечение потребностей граждан старших возрастов, инвалидов, включая детей-инвалидов, семей и детей в социальном обслуживании;
- создание благоприятных условий для жизнедеятельности семьи, функционирования института семьи, рождения детей;
- повышение роли сектора негосударственных некоммерческих организаций в предоставлении социальных услуг.

Объём финансового обеспечения реализации государственной программы за счёт средств федерального бюджета за период с 2013 по 2020 год составляет 9473 млрд. рублей, в том числе в 2014 году – 1089 млрд. рублей, в 2015 году – 1161 млрд. рублей, в 2016 году – 1178 млрд. рублей. Расходы консолидированных бюджетов субъектов Федерации на реализацию госпрограммы в 2014 году планируются в объёме 16,4 млрд. рублей.

Эффективность реализации госпрограммы определяется достижением следующих показателей:

- снижение численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума от общей численности населения с 11,1 до 9%;
- увеличение доли граждан, получивших социальные услуги в учреждениях социального обслуживания населения, в общем числе обратившихся за этими услугами граждан с 97,9 до 100%;
- увеличение доли малоимущих граждан, получивших государственную социальную помощь на основании социального контракта, в общей численности малоимущих граждан, получивших государственную социальную помощь, с 1,1 до 10%;
- увеличение соотношения средней заработной платы социальных работников, включая социальных работников медицинских и образовательных организаций, со средней заработной платой в регионе с 49,3 до 100%;
- увеличение суммарного коэффициента рождаемости с 1,707 до 1,817%;
- увеличение доли детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, переданных на воспитание в семьи, в общей численности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, с 79 до 85%;
- увеличение количества социально ориентированных некоммерческих организаций, за исключением государственных и муниципальных учреждений, осуществляющих деятельность по социальной поддержке и защите граждан, с 9700 до 10 400 организаций;
- увеличение количества социально ориентированных некоммерческих организаций, которым оказана финансовая поддержка, с 1800 до 2150 организаций».[5]

Таким образом, государство постоянно формирует меры, направленные на формирование стабильно развивающегося общества. По существу, защита малоимущих граждан, предусмотренная рядом нормативных правовых актов и государственных программ – это конституционная обязанность государства по социальной защите граждан, имеющая постоянный характер и требующая от него значительной активности.

Социальная политика представляет собой часть общей политики государства, которая касается отношений между социальными группами, между обществом в целом и его членами, связанных с изменениями в социальной структуре, ростом благосостояния граждан, улучшением их жизни, удовлетворением их материальных и духовных потребностей, совершенствованием образа жизни. Она ориентирована на самые различные слои, группы населения и включает в себя:

- борьбу с безработицей;
- государственное регулирование минимального размера оплаты труда;
- общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях и на предприятиях, а также на конкурсной основе, бесплатность высшего образования;
- бесплатную медицинскую помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения и т.д.»[6, С. 3]

В соответствии с российским законодательством социальная помощь в отношении малоимущих граждан может выражаться в денежных выплатах, в виде социальных пособий, субсидии и т.д. или в натуральной помощи, например продукты питания, одежда, обувь, медикаменты и т.д.

Малоимущие граждане могут получать материальную поддержку как на федеральном, так и на региональном уровне. Региональные меры социальной помощи разнообразны и различаются в зависимости от субъекта Российской Федерации, в котором проживает семья. В качестве таких мер можно назвать:

- Жилищные меры поддержки (льготы по оплате жилого помещения и коммунальных услуг, получение жилья по договору социального найма)[2];
- Налоговые льготы [3];
- Льготы при поступлении в высшие образовательные учреждения, право на социальные стипендии;
- Оказание бесплатной юридической помощи[4].

Присвоение гражданину статуса малоимущего осуществляется на основании его дохода и стоимости имущества, находящегося в его собственности, а за величину дохода обычно принимается прожиточный минимум в субъекте Российской Федерации.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 №6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ); Официальный Интернет-портал правовой информации –<http://www.pravo.gov.ru>.- 11.04.2014.
2. "Жилищный кодекс Российской Федерации" от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 21.07.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2014) // Собрание законодательства РФ" 2005.- № 1 (часть 1).- ст. 14.- 3 января ; Официальный интернет - портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.- 22.07.2014
3. "Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая)" от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 21.07.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2014)// "Собрание законодательства РФ".2000.- № 32.- ст. 3340.- 7 августа ; Официальный Интернет-портал правовой информации – <http://www.pravo.gov.ru> .- 22.07.2014
4. Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ "О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации" (ред. от 21.07.2014) // Официальный Интернет-портал правовой информации – <http://www.pravo.gov.ru> .-21.11.2011; Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.- 22.07.2014
5. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 296 "Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Социальная поддержка граждан" Интернет ресурс: сайт Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации <http://www.rosmintrud.ru/social/social/207>
6. Голоманчук Э.В. Реализация конституционных социальных и экономических прав граждан Российской Федерации через программную социальную политику // Философия права. - №5. – 2011. – С. 3.

СЕКЦИЯ №5.

ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО; АГРАРНОЕ ПРАВО; ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.06)

ПОНЯТИЯ «ЗАГРЯЗНЕНИЕ НЕДР» И «ПОВРЕЖДЕНИЕ НЕДР»

Куделькин Н.С.

Институт государства и права РАН, г.Москва

Согласно Преамбуле Закона Российской Федерации от 21 февраля 1992 года № 2395-1 «О недрах¹⁵», недра являются частью земной коры, расположенной ниже почвенного слоя, а при его отсутствии - ниже земной поверхности и дна водоемов и водотоков, простирающейся до глубин, доступных для геологического изучения и освоения.

¹⁵ СЗ РФ. 1995. № 10. Ст 823.

В конце XX века из недр извлекалось более 100 млрд. т полезных ископаемых, то есть около 20 т на каждого жителя планеты. При этом 90% добываемых из недр пород остается в отвалах. Большое количество пород рассеивается по поверхности земли при перевозках полезных ископаемых к местам их переработки¹⁶.

Роль минерально-сырьевого комплекса в социальной и экономической жизни Российской Федерации переоценить невозможно. Он является главным конкурентным преимуществом нашей страны на мировой арене, донором государственного бюджета, двигателем, который способен обеспечить модернизацию российской промышленности и ее переход на новый технологический уклад. И в среднесрочной перспективе позиция России в глобальной экономике и геополитике будет в значительной мере зависеть от себестоимости, количества и качества извлекаемого из недр минерального сырья¹⁷. Все это указывает на то, что на недра оказывается огромная антропогенная нагрузка, которая со временем будет только увеличиваться. Ввиду чего, вопросы, связанные с загрязнением и повреждением недр, являются одними из самых важных и актуальных на сегодняшний день как в России, так и в мире.

Поскольку недра являются одним из природных объектов, представляется целесообразным рассмотреть общие вопросы, связанные с загрязнением окружающей среды.

Итак, согласно статье 1 Федерального закона «Об охране окружающей среды»¹⁸, под загрязнением окружающей среды понимается поступление в нее вещества и (или) энергии, свойства, местоположение или количество которых оказывают негативное воздействие на окружающую среду. При этом загрязняющим веществом считается вещество или смесь веществ, количество и (или) концентрация которых превышают установленные для химических веществ, в том числе радиоактивных, иных веществ и микроорганизмов, нормативы и оказывают негативное воздействие на окружающую среду.

В естественных науках существуют различные подходы к понятию «загрязнение окружающей среды». Одно из определений этого термина в экологии звучит как «неблагоприятное изменение нашего окружения, являющееся полностью или в основном побочным результатом деятельности человека» (Б. Небел, 1994). Также к загрязнению относят внесение в ту или иную экологическую систему несвойственных ей живых и (или) неживых компонентов, физических или структурных изменений, прерывающих или нарушающих процессы круговорота и обмена веществ, потока энергии с непременным следствием в виде снижения продуктивности или разрушения этой экосистемы¹⁹.

Французский ученый Ф. Рамад определял загрязнение как «неблагоприятное изменение окружающей среды, которое целиком или частично является результатом человеческой деятельности, прямо или косвенно меняет распределение приходящей энергии, уровни радиации, физико-химические свойства окружающей среды и условия существования живых существ»²⁰.

Естественнонаучный словарь определяет загрязнение как привнесение в среду или возникновение в ней новых (нехарактерных для нее) физических, химических или биологических агентов, или превышение естественного среднесуточного уровня концентрации тех же агентов в рассматриваемый период²¹.

В науке различают следующие виды загрязнения окружающей среды: химическое, физическое и биологическое. Обратим внимание на тот факт, что применительно к недрам основным видом загрязнения будет являться химическое: например, загрязнение недр веществами и материалами в случае их захоронения, осуществленного с нарушением правил, или загрязнение недр (в частности подземных вод) при разработке их ресурсов. Одним из источников загрязнения недр являются предприятия нефте-газового комплекса. Газо- и нефтепромысловое бурение скважин, изменение естественного газо-, гидро- и термодинамического режимов месторождений в процессе их эксплуатации, а также их преждевременное истощение могут быть причиной нарушения инженерно-геологического баланса. Серьезным источником загрязнения недр являются буровые растворы, зона проникновения которых в пласт бывает весьма значительной, а также буровой шлам, содержащий различные химические реагенты, применяемые в бурении, в том числе и весьма токсичные²².

Несмотря на то, что недра - это объект неживой природы, и как таковой жизни в них нет, от их состояния во многом зависят различные показатели всех существующих природных сред, поскольку недра в прямом смысле слова являются основой жизнедеятельности на Земле. Кроме того, загрязнение из недр может

¹⁶ См.: http://ekologyprom.ru/upravlenie-prirodopolzovaniem/248-ohrana_nedr_principy_ohrany_nedr.html (03.09.2014).

¹⁷ См. подробнее: Государственный доклад «О состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов Российской Федерации в 2011 году». М.: МПР России. 2012.

¹⁸ СЗ РФ. 2002 № 2. Ст. 133.

¹⁹ <http://slovari.yandex.ru/dict/bezopasnost/article/bez/bez-0203.htm> (05.04.2014).

²⁰ См.: Передельский Л.В. Экология: Учебник. М.: Проспект, 2008. С. 231.

²¹ См.: http://slovari.yandex.ru/dict/gl_natural/article/121/121_565.htm (05.04.2008).

²² См.: <http://ru-ecology.info/post/100923604100002/> (11.09.2014).

распространиться на любую составляющую окружающей среды (морскую среду, почвы, поверхностные воды, атмосферный воздух и т.п.). Например, подземные воды поддерживают питание родников, обеспечивают по дачу влаги корням растений, оберегают реки и озера от обмеления, используются в хозяйственно-питьевых и иных нуждах человека, применяются для лечебных целей. Растущая техногенная нагрузка на окружающую среду привела к тому, что подземные воды подверглись загрязнению. Стремительно уменьшаются запасы питьевой воды на планете, ухудшается ее качество. Все это сказывается на здоровье людей, разнообразии животного и растительного мира. В напорные водоносные горизонты химические загрязнения поступают из подземных вод по стволу водозаборной или разведочной скважины при ее плохой изоляции от смежных водоносных горизонтов. Химические загрязнения в водоносных горизонтах могут распространяться на огромные расстояния²³. Загрязнение подземных вод при добыче нефти может происходить не только в результате ее разлива, но также и при откачке попутных вод, закачке вод для поддержания пластового давления и других причин. Оно продолжается и захватывает огромные площади при транспортировке и переработке нефти и использовании нефтепродуктов в различных областях человеческой деятельности. На пути технологической цепочки от добычи до использования нефти образуется множество соединений с различными свойствами. Поэтому загрязнение подземных вод нефтью и нефтепродуктами на всех этапах движения их по технологической цепочке представляет собой разнообразные схемы взаимодействия воды с какими-либо органическими соединениями²⁴.

Большую угрозу для подземных вод представляет добыча сланцевого газа. Наиболее часто обсуждаемой проблемой является загрязнение грунтовых вод. Суть проблемы заключается в том, что при проведении ГРП (гидравлический разрыв пласта) в глубоких образованиях сланца могут возникнуть микротрещины, через которые метан и жидкости для ГРП могут мигрировать в вышележащие водоносные горизонты, предназначенные для отбора питьевой воды. Практически единственным способом загрязнения подземных источников питьевых вод может быть плохое цементирование затрубного пространства обсадных колонн. В настоящее время существует широкий круг мероприятий, позволяющий определить качество цементирования и решить подобную проблему. Постоянный контроль и тестирование также позволят производителям и регулирующим органам предотвращать такие катастрофы²⁵.

Рассмотрение вопроса повреждения недр следует начать с определения понятия «повреждение», под которым можно понимать как процесс, направленный на негативное изменение свойств какого-либо объекта, так и результат деятельности, в результате которой объект утрачивает частично или полностью свои естественные свойства.

Следует обратить внимание на тот факт, что осуществление практически всех видов недропользования связано, в той или иной мере, с повреждением недр. Например, открытая разработка - способ добычи полезных ископаемых, при котором процессы выемки вскрышных пород и полезного ископаемого осуществляются в открытых пространствах на земной поверхности, что приводит к разрушению ландшафтов и требует их рекультивации²⁶. Один из крупнейших разрезов «Кузбасс разрез угля» введен в эксплуатацию в 1949 году. Первым в мировой и отечественной практике в 1966 году начал добычу коксующегося угля открытым способом²⁷.

Поэтому в определении понятия «повреждение недр» необходим юридический критерий, с помощью которого можно определять, когда такие действия являются незаконными. По нашему мнению, в качестве такого критерия можно использовать «осуществление деятельности с нарушением законодательства», например, пользование недрами без лицензии. Само состояние повреждения недр следует характеризовать существенным негативным изменением их естественных свойств (не связанным с загрязнением), в результате которого они становятся опасными для людей, либо (и) непригодными для разработки и освоения, либо (и) их природная и экономическая ценность значительно снижается.

Подводя итог выше сказанному, сформулируем понятия «загрязнение недр» и «повреждение недр».

Под «загрязнением недр» следует понимать привнесение, с нарушением установленных законодательством правил, человека в недра веществ или энергии, в количестве, достаточном для того, чтобы вызвать негативные изменения свойств данного природного объекта, либо создать такую угрозу.

²³ См. подробнее: Димакова Н.А., Шарапов Р.В. Проблема загрязнения подземных вод // Современные наукоемкие технологии. 2013. № 2. С. 79-82.

²⁴ См.: http://studopedia.net/9_45085_zagryaznenie-podzemnih-vod.html (11.09.2014).

²⁵ Сорокин С.Н., Горячев А.А. Основные проблемы и перспективы добычи сланцевого газа // http://www.eriras.ru/files/Sorokin_Goryachev_OEPEE_slanec.pdf (11.09.2014).

²⁶ [http://ru-ecology.info/term/3431/\(11.09.2014\)](http://ru-ecology.info/term/3431/(11.09.2014)).

²⁷ [http://www.kru.ru/ru/about/about/bachat-sk/\(11.09.2014\)](http://www.kru.ru/ru/about/about/bachat-sk/(11.09.2014)).

«Повреждением недр» следует считать осуществление какой-либо деятельности (воздействия) с нарушением установленных законом требований, в результате которой происходят существенные негативные изменения естественных свойств недр (не связанные с загрязнением), в результате чего они становятся опасными для людей, либо (и) непригодными для разработки и освоения, либо (и) их природная и экономическая ценность значительно снижается.

Отметим, что в сформулированных выше определениях загрязнение и повреждение недр рассматриваются как процесс, а не как результат.

Список законодательных и иных нормативных актов

1. Конституция Российской Федерации // Российская газета. 1993. № 237.
2. Закон Российской Федерации от 21 февраля 1992 № 2395-1 «О недрах» // СЗ РФ. 1995. № 10. Ст 823.
3. Федеральный закон от 10 января 2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // СЗ РФ. 2002. № 2. Ст 133.
4. Государственный доклад «О состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов Российской Федерации в 2011 году». М.: МПР России. 2012.

Список литературы

1. http://ekologyprom.ru/upravlenie-prirodopolzovaniem/248-ohrana_nedr_principy_ohrany_nedr.html (03.09.2014).
2. <http://ru-ecology.info/post/100923604100002/> (11.09.2014).
3. <http://ru-ecology.info/term/3431/> (11.09.2014).
4. <http://slovari.yandex.ru/dict/bezopasnost/article/bez/bez-0203.htm> (05. 04. 2014).
5. http://slovari.yandex.ru/dict/gl_natural/article/121/121_565.htm (05. 04. 2008).
6. http://studopedia.net/9_45085_zagryaznenie-podzemnih-vod.html (11.09.2014).
7. <http://www.kru.ru/ru/about/about/bachatsk/> (11.09.2014).
8. Димакова Н.А., Шарапов Р.В. Проблема загрязнения подземных вод // Современные наукоемкие технологии. 2013. № 2 . С. 79-82.
9. Передельский Л.В. Экология: Учебник. М.: Проспект, 2008. С. 231.
10. Сорокин С.Н., Горячев А.А. Основные проблемы и перспективы добычи сланцевого газа // www.eriras.ru/files/Sorokin_Goryachev_OEPEE_slanec.pdf (11.09.2014).

СЕКЦИЯ №6.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.08)

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В РФ

Быстрова Ю.В.

Орловский государственный университет, г.Орёл

В общей части к средствам относятся обстоятельства, указанные, например, в ст.ст. 62, 63, 65, 66, 68, 75, 76 УК РФ. С помощью данных обстоятельств дифференцируется ответственность в целом за все преступления, включая экономические.

В особенной же части средствами дифференциации уголовной ответственности являются, прежде всего, квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки.

Стоит отметить, что процессы дифференциации ответственности за экономические преступления в УК РФ были предметом детального анализа.

«Сердцевина» процесса дифференциации - это использование законодателем квалифицирующих признаков для установления новых рамок наказуемости экономических преступлений.

В гл. 22 УК при дифференциации уголовной ответственности используются различные квалифицирующие признаки.

1. Крупный размер. Был отнесен признак, предусмотренный п. «б» ч. 2 ст. 175 УК, а именно: совершение преступления в отношении автомобиля и иного имущества в крупном размере. Другой признак (совершение деяния в отношении нефти и продуктов ее переработки), собственно, и отличается своеобразием, позволяющим выделить его в самостоятельный вид квалифицирующих обстоятельств.

2. Применительно к ст. 178 УК РФ законодатель на сегодняшний день отказался от градирования ответственности за недопущение, ограничение или устранение конкуренции по признаку совершения этих деяний в составе группы лиц по предварительному сговору и организованной группы. Одной из возможных причин данного изменения ст. 178 УК является распространенность в практике групповых способов совершения преступных деяний по недопущению, ограничению или устранению конкуренции. Вместе с тем общепризнано следующее правило конструирования квалифицированных составов, относящееся к содержанию квалифицирующих обстоятельств: «Обстоятельства, которым придается статус квалифицирующих признаков, не должны быть нормой для большинства преступлений с основным составом». Применительно к ст. 178 УК групповой способ совершения преступления выступал нормой, что и было учтено законодателем.

Наиболее часто законодатель дифференцирует ответственность за экономические преступления посредством признака «организованная группа», на втором месте по частоте употребления идет «группа лиц по предварительному сговору» и на третьем месте - «особо крупный размер».

Дифференциация ответственности в гл. 22 УК произведена законодателем недостаточно системно. Существуют признаки, которые, безусловно, заслуживают более серьезного внимания законодателя при решении вопросов дифференциации ответственности и наказания в рамках главы 22 (например, посягательство с причинением значительного ущерба, совершение преступления должностным лицом). Сферу применения отдельных признаков можно было бы расширить, о чем свидетельствует практика применения уголовного закона.

Совершенно очевидно, что уровень дифференциации ответственности за экономические преступления по УК РФ недостаточно высок, по крайней мере, в сравнении с иными главами Кодекса. Повышение этого уровня должно производиться за счет насыщения гл. 22 дифференцирующими признаками, как использованными в Кодексе, так и неиспользованными. В части предложений по введению новых квалифицирующих признаков положительный опыт может принести изучение зарубежного опыта.

Отдельные новые признаки, неизвестные действующему УК РФ, предлагается ввести и в научной среде. Так, представляется криминологически обоснованной идея Б.В. Волженкина о дополнении ряда статей гл. 22 УК квалифицирующим признаком «с использованием созданной для этой цели лжепредпринимательской организации» [1]. Особо актуально данная идея стала после исключения из УК ст. 173.

Недостаточно продуманная дифференциация ответственности в гл. 22 УК объясняется тем фактом, что «в период разработки нового УК 1996 г. внимание законодателя было сосредоточено на формулировании многочисленных новых норм анализируемой главы, в этих условиях вопросы дифференциации наказания отошли как бы на задний план, оказались второстепенными, что сказалось в конечном счете на качестве закона, повлекло некачественную и неполную дифференциацию» [2]. Характерно, что с момента принятия УК 1996 г. законодатель делает определенные шаги по углублению дифференциации ответственности [3], хотя и в явно недостаточные.

К сожалению, не всегда выглядит взвешенной дифференциация ответственности за преступления, имеющие единый групповой объект. Это можно проследить, например, на преступлениях против установленного порядка внешнеэкономической деятельности. Так, в ст. 188 УК ответственность за контрабанду дифференцирована по признаку организованной группы, а в ст.ст. 189, 190 и 194 УК этот признак вовсе не упомянут. При этом в ст.ст. 189 и 194 УК его отсутствие труднообъяснимо еще и потому, что квалифицированный состав незаконных экспорта и передачи соответствующих предметов и квалифицированный состав уклонения от уплаты таможенных платежей включают признак группы лиц по предварительному сговору.

Анализ главы 22 УК выявляет бессистемность в использовании законодателем одноименных квалифицирующих признаков. Например, признак организованной группы в одних статьях является квалифицирующим (ч. 2 ст. 171, ч. 2 ст. 171.1, ч. 2 ст. 172 УК и т.д.), в других - особо квалифицирующим (ч. 3 ст. 175, ч. 3 ст. 178 УК и т.п.), а в ряде статей - «особо» квалифицирующим (ч. 4 ст. 174 и др.). При этом признак организованной группы в одних случаях используется в «вертикальной связке» с признаком группы лиц по предварительному сговору (например, в ст.ст. 174, 174.1, 175 УК). В других случаях этот признак не использован в сочетании с признаком группы лиц по предварительному сговору, то есть только он сам градирует ответственность (например, в ч. 2 ст. 171, ч. 2 ст. 172, ч. 2 ст. 181 УК).

В третьих случаях признакам организованной группы и группы лиц по предварительному сговору законодатель придает одно дифференцирующее значение, то есть указывает их вместе в одной части статьи гл. 22 (например, в ч. 3 ст. 180, ч. 2 ст. 185 УК). Следует согласиться с тем, что последний прием усиливает ощущение неупорядоченности процесса дифференциации, поскольку разноуровневые признаки нелогично размещать в

одной части статьи. Совершенно очевидно, что с позиций логики такой разницей в использовании одноименных признаков при дифференциации ответственности за родственные преступления (с одним родовым объектом) недопустим.

Чтобы усовершенствовать дифференциацию ответственности в гл. 22 УК необходимо конструирование квалифицированных составов преступлений по «блоковому» принципу изложения квалифицирующих обстоятельств. Речь идет об изложении устойчивых сочетаний признаков как по горизонтали (в пределах одной части статьи), так и по вертикали (при переходе от квалифицирующих к особо квалифицирующим признакам) [2].

Сегодня эта идея при регламентации и совершенствовании преступлений в сфере экономической деятельности реализована далеко не в полной мере. Только два блока: «в особо крупном размере или организованной группой» и «группой лиц по предварительному сговору либо лицом с использованием своего служебного положения» - встречаются в статьях главы четыре и три раза (соответственно ч. 2 ст. 171, 171.1, 171.2, 172; ч. 3 ст. 174, 174.1 и ч. 2 ст. 178). «Вертикальная связка» законодателем использована всего два раза: «группа лиц по предварительному сговору - организованная группа». В ч. 2 ст. 185 она явилась основанием выделения квалифицированного вида посягательства, а в ч. 3 ст. 180 - особо квалифицированного вида.

С учетом изложенного трудно не согласиться с критикой существующего подхода законодателя к дифференциации в главе 22 УК. Вряд ли логично и оправдано, например, отсутствие в главе 22 УК вертикали типа: группа лиц по предварительному сговору (ч. 2) - организованная группа (ч. 3); крупный размер (ч. 2) - особо крупный размер (ч. 3); крупный ущерб (ч. 2) - особо крупный ущерб (ч. 3). Поэтому в ходе совершенствования дифференциации ответственности в гл. 22 УК законодателю следует уделить большее внимание устойчивым сочетаниям квалифицирующих признаков.

Список литературы

1. Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности (экономические преступления). С-Пб., 2002. С. 129.
2. Крутиков Л.Л., Дулатбеков Н.О. Экономические преступления (вопросы дифференциации и индивидуализации ответственности и наказания): учеб. пособие. Ярославль, 2001. С. 61.
3. Крутиков Л.Л. Квалифицированные виды посягательств в сфере экономики (сравнительный анализ) // Налоговые и иные экономические преступления: сб. науч. статей. Вып. 2. Ярославль, 2000. С. 3-21.

ЗАКОНОПРОЕКТ О САМООБОРОНЕ: ХАРАКТЕРИСТИКА И ПОПРАВКИ

Гамаюнова А.В.

Алтайский Государственный Университет, г.Барнаул

Неприкосновенность частной собственности в нашей стране - настолько несущественное понятие, что право людей защищать ее любыми способами является уголовно наказуемым деянием. Закон запрещает ставить капканы и ловушки, натягивать проволоку под напряжением и использовать технические устройства, способные причинить вред драгоценному здоровью воров. Если воры по вине владельца частной территории покалечатся - в тюрьму сядет собственник, а не воры. Вопрос самообороны действительно чаще становится актуальным в доме, нежели на улице. Причем защищать свою жизнь обычно приходится либо от собственных домочадцев, либо от друзей, совершенно добровольно приглашенных в гости. Поэтому не менее, чем защита жилища, важно поддержание здоровой атмосферы в семье и подбор круга общения.

Конечно, это не означает, что защищаться от посторонних злоумышленников не нужно. В Госдуму весной 2014 года были внесены на рассмотрение два законопроекта о расширении понятия самообороны. Согласно одному из них, россияне смогут безнаказанно применять насилие к злоумышленникам, незаконно проникшим в их дома или автомобили (даже если незваный гость не успел высказать агрессивных намерений непосредственно в адрес хозяина). Во втором законопроекте не только устанавливается право граждан защищать свое жилище, но и конкретизируются признаки угрожающего поведения (причинение вреда здоровью, устная угроза, демонстрация оружия, и т.д.). Если их примут, у россиян, которые не пожелали покорно принимать роль жертвы, будет больше шансов остаться на свободе.

В мае текущего года более 100 тыс. пользователей портала "Российская общественная инициатива" проголосовали за расширение понятия самообороны: предлагается разрешить россиянам применять насилие к злоумышленникам, проникшим в их дома. Согласно концепции сайта РОИ, 100 тыс. подписей –

минимальный порог для выдвижения законодательной инициативы на федеральном уровне. Инициатива, выдвинутая общественным движением "Право на оружие" при поддержке Общественной палаты РФ, первой за время существования сайта набрала нужное количество подписей. [1]

В ст. 37 УК РФ ("Необходимая оборона") говорится, что не является преступлением вред, нанесенный нападавшему с целью защиты личности и прав обороняющегося либо других лиц, а также интересов общества и государства. А согласно ст. 38 УК РФ ("Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление"), безнаказанно наносить вред преступникам можно и после того, как они довели свой умысел до конца. При этом обороняющийся должен соразмерять свои силы с действиями напавших преступников и не должен переходить в своих действиях определенную границу. В противном случае он может попасть под действие ст. 114 УК РФ ("Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, совершенное при превышении мер необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление") или ст. 108 УК РФ ("Убийство, совершенное при превышении мер необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление"). Максимальное наказание по этим статьям – два и три года лишения свободы соответственно. Поэтому по законодательству оборона возможна только от противоправных действий, совершаемых другим человеком. Посягательство должно содержать в себе объективные признаки преступления. [3]

Отметим, что посягательство должно быть «наличным», то есть к моменту начала обороны оно должно начаться, но еще не закончиться. Сейчас степень ответственности обороняющегося зависит от того, превысил ли он пределы необходимой самообороны. И доказать, что превышения не было, бывает очень трудно. Суть законодательной инициативы, с которой выступил сенатор Евгений Тарло, заключается в том, что в ситуации, когда преступник нападает на жертву, обороняющаяся сторона вправе наносить упреждающий вред нападающему. То есть обороняющийся в момент нападения не обязан задумываться над соразмерностью своих действий и вправе отбиваться от преступников любыми подручными средствами вплоть до причинения смертельных травм.

- У нас сейчас довольно неоднозначная ситуация. Если на человека напали пятеро бандитов, то не дай бог он кому-нибудь выбил глаз или порезал. Если те же пятеро насильников напали на женщину, то она не должна никому простреливать ногу из травматического пистолета, ее же ведь посадят, - говорит сенатор Евгений Тарло. - Нужно так пересмотреть законодательство, чтобы поменять судебную практику. Суды исходят из того, что при нападении обороняющийся должен так рассчитывать свою силу, чтобы не причинить нападающему несоразмерного вреда. В большинстве случаев вообще невозможно соразмерить меру обороны и силу нападения, особенно когда нападавшие вооружены и превосходят силой и числом.

- В законодательстве есть вещи совершенно недоказуемые. Как доказать реальность угрозы вашей жизни и здоровью, если вы сумели отбиться от бандита и при этом нанесли ему серьезный вред? Например, по закону вы можете применять насилие, если нападающий представляет угрозу для вашей жизни. Допустим, сидите вы у себя дома, смотрите телевизор, и заходит человек с ножом. Вот опасен он для вас или нет? Однако, ударив его кочергой по голове, вы в 9 случаях из 10 сядете. Потому что у нас оправдательных приговоров 10%. То есть 9 из 10 граждан в такой ситуации сядутся, - согласен с актуальностью проблемы депутат Госдумы Александр Журавлев. [2]

Председатель организации «Право на оружие» Мария Бутина тоже считает, что законодательство в большинстве случаев не на стороне обороняющегося. Поэтому советует гражданам знать закон.

- Если вы оборонялись с применением разрешенного оружия, той же травматике, то вы обязаны сообщить об этом в течение суток. Иначе в суде это будет трактоваться не в вашу пользу, - рассказывает она, отмечая, что нередко единственным средством доказать свою правоту для оборонявшегося является апеллирование к общественности. - Если вы, очевидно, несправедливо подвергаетесь обвинению в преступлении, которое вы не совершали, - привлекайте общественность. Несмотря на то, что у нас, в России, не прецедентное право, наши следственные органы очень внимательно прислушиваются к народному мнению. [2]

Случаи, когда оборонявшиеся несут уголовную ответственность за свои действия, нередки для нашей страны. В 2009 году Невский суд приговорил к 8 месяцам колонии-поселения мужчину, на которого было совершено нападение. На него шли с ножом - он ответил ударом палкой. Нападающий умер. В 2012 году Тверской суд Москвы приговорил к 3 годам колонии студентку Плехановского университета, открывшую огонь из травматического оружия по хулиганам в столичном метро напавшего с ножом на ее друга. Ее признали виновной по статье «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью». Кроме того, внесенный законопроект конкретизирует случаи необходимой самообороны, когда обороняющийся не несет уголовной ответственности за то, что сделал с тем, кто на него напал. Пускай даже убил. Поправки к УК, внесенные в Госдуму, должны в

будущем исключить подобную несправедливость. Они устанавливают случаи, когда опасность для жизни обороняющегося является очевидной и он может и должен стрелять и резать, не думая о последствиях:

- 1) если ему или кому-то, кого он пытается защитить, уже причинен угрожающий жизни вред;
- 2) если в его адрес прозвучала устная угроза опасного для его жизни насилия и нападающий продемонстрировал оружие или предметы, которые могут быть использованы им в качестве оружия;
- 3) если посягательство на него совершается группой лиц с явным намерением осуществить насилие;
- 4) если он видит, что нападающий пытается привести в действие взрывные устройства;
- 5) если с помощью оружия его принуждают совершить тяжкое преступление;
- 6) если его самого или какого-то другого человека у него на виду пытается изнасиловать тот, кто явно сильнее физически.

В отличие от большинства вносимых в Госдуму законопроектов предложенные поправки к ст. 37 УК РФ - разумны, актуальны и востребованы. Но приняты они, скорее всего, не будут. Верховный суд и Правительство РФ уже дали на них отрицательные отзывы. Таким образом, право защищать себя и свою собственность, по всей видимости, останется тем же, чем было - заветной мечтой, практическая реализация которой грозит тюремным заключением.

Список литературы

1. Борцова Т. Самооборона без ответственности [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ : информационно – правовой портал. 2014. URL: <http://www.garant.ru/article/549827/>
2. Сивкова А., Гарсия Р. Гражданам расширят право на самооборону [Электронный ресурс] // Известия.ru: ежедневная газета. 2014. URL: <http://izvestia.ru/news/566887>
3. Уголовный кодекс РФ. – Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2010. – 159 с.

К ВОПРОСУ О МОТИВАЦИИ И ЦЕЛИ В МЕХАНИЗМЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ СОУЧАСТНИКОВ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ (СТ.СТ. 204, 289, 290, 291, 291.1 УК РФ)

Икрянникова А.С.

Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Волгоград

Мотивация является начальной точкой любого поведенческого акта и играет в нем главенствующую роль.²⁸ Мотивация интерпретируется разными авторами по-своему – это и «процесс возникновения, формирования мотива преступного поведения и его цели»²⁹; и «процесс возникновения, формирования, развития, изменения, корректировки мотивов, постановки целей и принятия решения»³⁰; и «процесс внутренней аргументации»³¹; и «совокупность мотивов личности в их развитии, взаимодействии и реализации»³².

Анализ приведенных позиций показывает, что мотивация рассматривается либо как процесс, характеризующийся возникновением, формированием, развитием, корректировкой мотивов, внутренней аргументацией (динамический подход); либо как совокупность мотивов в процессе их развития, взаимодействия или реализации (структурный подход).

В.Н. Кудрявцев в своих работах отмечал, что «мотивация» имеет три значения – это³³:

- метод самоуправления личности через систему устойчивых побуждений, т.е. через мотивы;
- процесс формирования мотива преступления, его развития, а затем и реализации в фактических преступных действиях;
- характеристика совокупности мотивов, свойственных тому или иному лицу или той или иной форме поведения.

Во всех трех значениях мотивация неразрывно связана с наличием некоторой совокупности, а иногда и системы мотивов. Мотив чаще всего определяется как «внутреннее побуждение к действию, желание,

²⁸ См.: Зелинский А.Ф. Криминология. Курс лекций. Харьков, 1996. С. 86.

²⁹ Криминология: учебник для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. / под ред. проф. А. И. Долговой. М.: ИНФРА-М, 2010. С. 60.

³⁰ Антонян Ю.М. Криминология. Избранные лекции. М., 2004. С. 119.

³¹ Криминология / под ред. Н.Ф. Кузнецовой и В.В. Лунеева. М., 2004. С. 186.

³² Там же.

³³ См.: Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования. М., 1998. С.38-39.

определяемое потребностями, интересами чувствами, возникшими и обострившимися под влиянием внешней среды и конкретной ситуации»³⁴; «внутренний, субъективный смысл поведения»³⁵, сформировавшееся «под влиянием социальной среды и жизненного опыта личности побуждение, которое является внутренней непосредственной причинной преступной деятельности и выражает личностное отношение к тому, на что направлена преступная деятельность»³⁶; «психологическая причина деятельности человека»³⁷; «центральный элемент мотивации, ее конечный результат»³⁸. Следовательно, *мотив* – это внутреннее побуждение личности к действию, внутренняя, психологическая причина поведения человека, обусловленная его потребностями, интересами, чувствами и ценностными ориентациями.

Мотивацию преступного поведения соучастника коррупционного преступления рассмотрим через содержание мотивов в их взаимосвязи и взаимодействии.

Главным элементом мотива преступного поведения выступают потребности. В отличие от других преступлений, при совершении которых наиболее значимыми могут быть потребности в безопасности (например, мнимая оборона – убийство человека, который, по мнению убийцы, мог причинить ему физический вред), в социальном общении (совершение преступления (например, кражи) для получения признания в определенной социальной группе, с которой преступник хочет общаться), в знаниях (совершение преступления (например, взлом сайта банка) в целях получения определенных криминальных навыков), при соучастии в коррупционных преступлениях на первый план выходят потребности материальные.

Изучение уголовных дел³⁹ показало, что в подавляющем большинстве случаев документы, характеризующие материальное положение соучастников коррупционных преступлений до совершения ими указанных деяний, отсутствовали. Тем не менее, в ряде эпизодов соучастники, обосновывая свое преступное поведение, на допросах говорили о небольшой и даже мизерной заработной плате, о денежных затруднениях и т.п. В этой связи в ходе анкетирования соучастников коррупционных преступлений⁴⁰ мы попытались выяснить предшествовавшее их деянию материальное положение и его способность удовлетворить потребности осужденных (см. Табл.1).

Таблица 1

Результаты опроса осужденных по определению уровня их материальных потребностей до совершения ими коррупционного преступления в соучастии

Наименование уровня материальных потребностей соучастников коррупционных преступлений	Данные опроса осужденных об их способности обеспечить свои потребности
Потребности минимальные (базовые условия жизнедеятельности человека)	- не мог себе ничего позволить – 18,3%
Потребности нормальные (реализуя которые человек обеспечивает себе нормальную жизнедеятельность)	- мог обеспечить себя, своих близких (свою семью) всем необходимым – 38,7%;
Повышенные потребности (удовлетворение которых предполагает наличие избыточных возможностей)	- мог себе позволить купить новый автомобиль – 15,1%; - имел возможность приобрести дорогую недвижимость – 9,7%; - отдыхал периодически на элитных курортах – 6,4%; - выезжал за границу – 7,5%

³⁴ Криминология: учебник для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. / под ред. проф. А. И. Долговой. С. 60.

³⁵ Антонян Ю.М. Криминология. Избранные лекции. С. 119.

³⁶ Криминология / под ред. Н.Ф. Кузнецовой и В.В. Лунева. С. 186.

³⁷ Криминология / под ред. С.Я. Лебедева, М.А. Кочубей. М., 2007. С. 137.

³⁸ Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права. Томск, 1981. С. 115.

³⁹ Автором изучено 42 уголовных дела, рассмотренных Волгоградским областным судом и районными, городскими судами г. Волгограда и Волгоградской области за период 2009-2014 гг. о преступлениях, совершенных в соучастии (ст. 204, 289, 290, 291, 291.1 УК РФ).

⁴⁰ Автором проведено анкетирование по специально разработанной анкете при организационной поддержке ФКУ «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний» 93 осужденных – соучастников преступлений (ст.ст.204, 289, 290, 291, 291.1 УК РФ, отбывающих наказание в виде лишения свободы за коррупционные преступления, совершенные в соучастии (статьи 204, 289, 290, 291, 291.1 УК) в УФСИН России по Владимирской области, Липецкой области, г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, Приморскому краю, Республике Коми, Самарской области и др. (опрос проводился в октябре-декабре 2012 г.)

Как видно из Табл.1., 18,3% осужденных своим заработком не могли обеспечить себе и своей семье базовые условия жизни. Именно это обстоятельство в совокупности с другими элементами мотива (интересами, чувствами, ценностными ориентациями) и вынудило данных лиц к выбору криминального варианта поведения.

38,7 % осужденных до совершения преступления могли обеспечить себя, своих близких (свою семью) всем необходимым, однако пошли на совершение преступления для обеспечения своих завышенных потребностей.

Остальные 43%, несмотря на имеющуюся возможность удовлетворения потребностей высокого уровня (купить новый автомобиль - 15,1%; приобрести дорогую недвижимость - 6,8 %; отдохнуть на элитном курорте - 9,7 %; выехать по путевкам за границу - 7,5 %), продолжали преступное поведение.

Такая ситуация вполне согласуется с социальным положением большей части осужденных, которые до совершения преступления были работниками правоохранительных органов, государственными или муниципальными служащими, лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих или иных организациях, и не имели существенных финансовых проблем. Именно поэтому в большинстве изученных нами уголовных дел (92,8%) в качестве мотива совершения коррупционного преступления фигурируют «корыстная заинтересованность» и «корыстные побуждения».

Однако в некоторых случаях суд в качестве мотива указывал «иную личную заинтересованность», «товарищеские побуждения» или вообще не ссылаясь на мотив совершения преступления, хотя речь шла именно о корыстном мотиве, так как преступления были связаны с вымогательством взятки.

Например, определяя мотив соучастников преступления, суд в приговоре указал, что действия подсудимых О. и Т., каждого в отдельности, совершались умышленно, из иной личной заинтересованности, из товарищеских побуждений, с целью заработать авторитет в глазах лиц, которым они оказывали содействие в передаче денежного вознаграждения. При этом они осознавали, что денежные средства передаются от К. должностному лицу ГУВД в качестве взятки, а О. и Т. при передаче денежных средств являются посредниками.⁴¹

В иных случаях суд, конкретно не указывая на мотивы соучастников деяния, пришел к выводу, что подсудимые А. и Б. договорились между собой о вымогательстве взятки у потерпевшей, используя при этом свое должностное положение,⁴² не ссылаясь в приговоре на мотив пособничества в коммерческом подкупе.⁴³

Полученные результаты свидетельствуют о том, что доминирующими мотивами совершения коррупционных преступлений соучастниками выступают корысть или, как отмечается в приговорах судов, корыстные побуждения, корыстная заинтересованность, а также невозможность совершения коррупционного преступления единолично и невозможность решения возникающей проблемы иным способом. Наименее значимыми мотивами оказались деловые обязательства и желание самоутвердиться.

Эксперты сошлись во мнении, что среди мотивов, побудивших преступников к совместному совершению коррупционных преступлений, наиболее популярными были корыстолюбие (87%), возможность продвижения по службе (40,5%) и самоуверенность (23,9%)⁴⁴.

Следовательно, осужденные и эксперты были единодушны в преобладании корыстных мотивов при выборе коррупционного варианта поведения преступниками. Причем «расчетливость» осужденных объяснялась экспертами наличием у преступников «соответствующего должностного положения», а «расточительность» и «самоуверенность» коррупционеров – «желанием поддерживать свой высокий уровень материальной обеспеченности».

Наряду с мотивом в мотивации определенную роль в механизме преступного поведения играет наличие целей совершения преступления, то есть того результата, к которому хотят прийти соучастники коррупционного деяния. Цель совершения коррупционного преступления в соучастии предопределяется характером самого деяния, формой соучастия, ролью соучастников и складывающейся ситуацией. У соучастников коррупционного преступления под влиянием имеющихся потребностей появляется желание достичь определенного криминального результата. Реализация преступных намерений может быть несколько отложена из-за временных затрат на соотнесение криминальной установки с существующими нормами поведения, сопоставление

⁴¹ Уголовное дело № 1-326/2009 // Архив Центрального районного суда г. Волгограда.

⁴² Уголовное дело № 2-29/2010 // Архив Волгоградского областного суда.

⁴³ Уголовное дело № 1-231/2013 // Архив Центрального районного суда г. Волгограда.

⁴⁴ В качестве экспертов выступали следователи следственных подразделений ГУ МВД России по Волгоградской области руководители и следователи органов внутренних дел, проходившие обучение на факультете повышения квалификации ВА МВД РФ, руководители и следователи следственного комитета России по Волгоградской области, судьи Волгоградского областного суда и некоторых районных судов г. Волгограда, прокуроры Волгоградской областной прокуратуры, государственные гражданские служащие Волгоградской области (сотрудники управления общественной безопасности и взаимодействия с правоохранительными органами и воинскими подразделениями аппарата Губернатора и Правительства Волгоградской области), преподаватели кафедр уголовно-правовой специализации Волгоградской академии МВД Российской Федерации. (Всего опрошено 309 экспертов, опрос проводился в феврале-апреле 2012 г.).

возможных выгод и потерь, анализ практики выявления, пресечения таких преступлений, установленных санкций за его совершение и т.д.

Результаты проведенного нами анкетирования, в общем, подтвердили наши выводы. Большинство осужденных точно знали, зачем они совершают коррупционное преступление и куда намерены потратить незаконно полученные деньги: возратить кредит (18,3%), купить одежду, предметы быта (15,1%); потратить на развлечения (8,6%), накопить на приобретение транспорта (12,9%). Некоторые респонденты рассчитывали с помощью этих средств продолжить свою преступную деятельность, в обход существующих правил (конкурсов) поступив на новую работу (службу) (3,2%) или заняв вышестоящую должность (5,4%). Причем практически каждый десятый осужденный был готов пойти на подкуп должностных лиц, чтобы избежать ответственности за ранее совершенное правонарушение (8,6%).

32,3% респондентов были уверены в своей безнаказанности. Остальные осужденные осознавали некоторую опасность своего преступного поведения, но все же не отказались от задуманного. Свой выбор они аргументировали «низкой вероятностью раскрытия преступления» – 93,3%; «наличием связей в правоохранительных органах, что позволило бы избежать уголовного преследования» – 60%. Некоторые осужденные были уверены, что в случае изобличения и привлечения к уголовной ответственности они смогут добиться назначения минимального наказания, не связанного с лишением свободы – 46,7%.

На основании изложенного сформулируем некоторые выводы.

1. Главным элементом мотива преступного поведения соучастников коррупционного преступления выступают потребности. При соучастии в коррупционных преступлениях на первый план выходят потребности материальные.

2. Доминирующими мотивами совершения коррупционных преступлений соучастниками выступают корыстные побуждения, а также невозможность совершения коррупционного преступления единолично и невозможность решения возникающей проблемы иным способом.

3. Цель совершения коррупционного преступления в соучастии предопределяется характером самого деяния, формой соучастия, ролью соучастников и складывающейся ситуацией.

В большинстве своем соучастники коррупционных преступлений точно знали, зачем они совершают преступление и куда намерены потратить незаконно полученные деньги.

Список литературы

1. Антонян Ю.М. Криминология. Избранные лекции. М., 2004. С. 119.
2. Зелинский А.Ф. Криминология. Курс лекций. Харьков, 1996. С. 86.
3. Криминология: учебник для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. / под ред. проф. А.И. Долговой. М.: ИНФРА-М, 2010. С. 60.
4. Криминология / под ред. Н.Ф. Кузнецовой и В.В. Лунеева. М., 2004. С. 186.
5. Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования. М., 1998. С.38-39.
6. Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права. Томск, 1981. С. 115.
7. Уголовное дело № 1-326/2009 // Архив Центрального районного суда г. Волгограда.
8. Уголовное дело № 2-29/2010 // Архив Волгоградского областного суда.
9. Уголовное дело № 1-231/2013 // Архив Центрального районного суда г. Волгограда.

К ВОПРОСУ О НАЗНАЧЕНИИ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ШТРАФА РОССИЙСКИМИ СУДАМИ

Баженов О.Н.

Орловский государственный университет, г.Орёл

Судебная практика назначения наказания свидетельствует об определенных недостатках в механизме правового регулирования системы наказаний. При назначении судами наказания не всегда правильно применяется закон, а сама законодательная основа механизма назначения наказания нуждается в совершенствовании.

Согласно ст. 6 УК РФ справедливость назначенного наказания заключается в его соответствии характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствами его совершения и личности виновного.

В соответствии с общими положениями назначения наказания, указанными в ст. 60 УК РФ, при назначении наказания, кроме того, учитываются обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи.

Во многих статьях УК РФ говорится об учете личности виновного при назначении наказания, однако понятие и признаки, подлежащие учету, не конкретизированы. Нет четких указаний, в какой мере критерии назначения наказания должны обуславливать размер наказания, назначенного судом. Некоторые общие и специальные правила назначения наказания не вполне согласованы и создают коллизию, например, предусмотренные ч.2 ст. 60 УК РФ. По мнению В.Н. Бурлакова, «судьи пытаются восполнить проблемы правового механизма назначения наказания за счет практического опыта, которого порой оказывается недостаточным из-за отсутствия необходимых теоретических знаний [2].

Проведенный нами анализ материалов уголовных дел свидетельствует о том, что при вынесении приговора к штрафу суды очень редко ссылались на отягчающие обстоятельства, указанные в ст. 63 УК РФ. Это рецидив преступлений (0,5% приговоров), тяжесть последствий (1%), совершение преступлений по предварительному сговору (0,7%).

Относительно чаще встречаются такие обстоятельства, которые законом прямо не отнесены к отягчающим, как «тяжесть преступления» (3%) и такие характеризующие личность преступника качества, как судимость (0,25%), его отрицательная характеристика (0,4%), то, что он не работает (3%), совершил преступление в период испытательного срока (0,75%) и «скрывался от следствия» (0,25%).

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем постановлении от 11.01.2007 № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» обращает внимание судов на то, что «в соответствии со статьей 63 УК РФ перечень отягчающих наказание обстоятельств является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит, а их установление имеет существенное значение для правильного решения вопроса об индивидуализации наказания».

Гораздо обстоятельнее суды использовали смягчающие обстоятельства, как предусмотренные, так и не предусмотренные ч.1 ст. 61 УК РФ (поскольку их перечень, предусмотренный в ст. 61 УК РФ не является исчерпывающим), в частности, положительную характеристику - в 70% приговоров; совершение впервые преступления небольшой или средней тяжести – 23%, наличие малолетних детей, находящихся на иждивении – 15%, признание вины - в 52% приговоров; раскаяние - в 44% приговоров; отсутствие судимости - в 75% приговоров; молодой возраст - в 7% приговоров; способствование расследованию - в 24% приговоров и т.д. Похожая картина представлена в материалах и других специалистов в частности, Уткиной С.С. [3].

Исследования говорят о том, что в приговорах практически не встречается конкретной мотивировки назначения осужденным именно штрафа, а не какой-либо иной (формально более строгой) меры наказания, не связанной с лишением свободы. Полагаем, что этим нарушается упомянутое выше положение ч.1 ст. 60 УК РФ.

Изучение материалов уголовных дел показало, что при назначении наказания в виде штрафа суды исходили, прежде всего, из оценки личности виновных, не без оснований усматривая в ней и ее социальном окружении возможность достижения целей наказания применением штрафа.

Можно отметить, что осужденные к штрафу имеют в целом сравнительно высокий уровень социализации, что в совокупности с оценкой характера и тяжести совершенного преступления давало суду основания для назначения штрафа как такового.

В Уголовном кодексе не содержится критериев, по которым суду следует избирать именно штраф из числа санкций, предусмотренных за конкретное преступление. Поэтому на практике первым этапом решения этого вопроса являются данные, приводящие суд к убеждению, что осужденного нецелесообразно лишать свободы. В дальнейшем он учитывает имущественное положение виновного и, прежде всего, его способность уплатить штраф. Последний назначается, если такая возможность существует, и осужденный не нуждается в контроле за его поведением в течение определенного срока. Когда штраф уплачен быть не может, суду ничего не остается, как в любом случае прибегнуть к замене штрафа иным видом наказания.

Вместе с тем закон определяет особые требования к установлению размера штрафа. В ст. 46 УК РФ говорится, что «размер штрафа определяется судом с учетом тяжести совершенного преступления и с учетом имущественного положения осужденного и его семьи, а также с учетом возможности получения, осужденным заработной платы или иного дохода. С учетом тех же обстоятельств суд может назначить штраф с рассрочкой выплаты определенными частями на срок до пяти лет».

Тем не менее, в каждом третьем уголовном деле нет данных об имущественном положении виновных, в том числе о размере заработка или иного дохода осужденного. Наличие конкретного имущества устанавливалось только в 5% случаев назначения штрафа, а в 3% производилась его опись.

Сравнительный анализ показал, что “медиана” штрафных санкций, которые предусмотрены различными статьями, составляет около 300 тыс. рублей, а средний назначенный по этим статьям штраф – 100 тыс. рублей, то есть более чем в 2,5 раза ниже “медианы” санкции. Таким образом стремление законодателя к ужесточению “штрафных” санкций, проявившееся в Уголовном кодексе РФ, особенно в его редакции от 2011, 2012 и 2013 года, существенным образом “амортизируется” судебной практикой.

В ходе проведенного исследования было установлено, что в 4,5% уголовных дел суд прибегал к штрафу на основании ст. 64 УК РФ в порядке перехода к более мягкому наказанию по ст. 119, 161, 213, 228 УК РФ. Однако отсутствие должной мотивировки в большей части приговоров позволяет усомниться в обоснованности, а, следовательно, в законности таких решений.

Еще более неосновательным, а точнее, незаконным является использование судами ст. 64 УК РФ для назначения штрафа ниже низшего предела, установленного не санкцией статьи Особенной части, а Общей частью УК РФ. В одном из таких приговоров суд исчислил штраф в размере заработка виновного за два дня [1].

И хотя тенденция смягчения наказания штрафом в судебной практике вполне объяснима с учетом низкого уровня материального положения большинства населения, нарушения закона недопустимы.

Таким образом можно констатировать, что, в законодательстве и судебной практике по отношению к штрафу по разным причинам налицо противоречивые тенденции. Во-первых, законодатель стремится к расширению числа санкций со штрафом. Судебная практика же использует менее чем пятую часть составов преступлений, за которые возможен штраф, причем в подавляющем большинстве случаев его назначения (более чем в 80%) данное наказание в качестве основного назначается, преимущественно по семи-восми видам преступлений.

Во-вторых, законодатель придерживается линии на повышение размера штрафа.

Судебная практика, более реально учитывая положение вещей, серьезно корректирует суммы назначаемых штрафов в сторону их уменьшения (в среднем в 2,5-раза по сравнению с “медианой” установленных законом “штрафных” санкций за соответствующие преступления). Причем порой выходя за рамки закона.

Представляется, что в перспективе, с учетом значительного роста штрафов в качестве наказаний, предусмотренных в санкциях, данное противоречие будет нарастать.

Список литературы

1. Архив Заводского районного суда г. Орла. Дело № 1-237/00.
2. Бурлаков В.Н. Состояние и развитие института назначения наказания в уголовном праве России // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы IX Международной научно-практической конференции (26-27 января 2012г.) М., Проспект, 2012. С. 239.
3. Уткина С.С. Уголовное наказание в виде штрафа. Дисс. к.ю.н., Томск. 2004. С. 87.

К ВОПРОСУ О РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ОСУЖДЕННОГО ПОСЛЕ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ

Тусупов М.Р.

Карагандинская академия МВД РК им. Б. Бейсенова, Казахстан, г. Караганда

Реализация концепции демократического, светского, правового и социального государства, высшими ценностями которого являются человек, его жизнь, права и свободы, невозможна без неукоснительного соблюдения гражданами Республики Казахстан национального законодательства. Гуманизация уголовного права является одним из поручений, данных Президентом РК в Послании народу страны «Новое десятилетие - новый экономический подъем - новые возможности Казахстана». Отличительной чертой проявления гуманизма в Казахстане должны стать усовершенствование уголовного законодательства и дальнейшая реализация принципов реабилитационно-восстановительного правосудия.

Переходя к рассмотрению понятия наказания, отметим, что определений данного явления существует великое множество. Мы придерживаемся точки зрения Н.О. Дулатбекова, который считает, что наказание – это мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда; применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключается в предусмотренном уголовным Кодексом лишении или ограничении прав и свобод данного лица. Наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений как осужденным, так и другим лицом. Лицу, признанному виновным в совершении преступления, назначается

справедливое наказание [1, С. 65-66]. Данное определение наиболее полно отражает суть понятия наказания и его основные признаки:

1. Наказание представляет собой меру государственного принуждения;
2. Наказание устанавливается государством;
3. Наказание может быть применено к лицу, совершившему преступление только судом на основании вынесенного приговора.

Согласно ч. 2 ст. 38 УК РК: «Наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений, как осужденным, так и другими лицами. Наказание не имеет своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства». Принцип гуманизма, лежащий в основе наказания, предполагает не кару преступника, а нацеленность в будущее – профилактику повторного совершения преступления. Таким образом, наказание преследует три основные цели:

1. восстановление социальной справедливости;
2. исправление осужденного;
3. предупреждение совершения новых преступлений.

Остановимся подробнее на втором пункте – исправлении осужденного. Под исправлением осужденного будем понимать «такой результат действия уголовного наказания, при котором осужденный после отбывания наказания воздерживается от совершения новых преступлений не из страха перед наказанием, а в силу того, что примененное к нему наказание активизировало в нем «дремавшее» до этого представление о «неправильности», аморальности преступлений, способствовало мобилизации его воли для воздержания от новых преступлений и обусловило сильнейшие эмоционально-чувственные переживания, которые во многом помогли ему переоценить свое поведение, имевшее место до осуждения к уголовному наказанию» [3].

Отмечается, что «... под сущностью исправления осужденных следует понимать их ресоциализацию» [2, С. 19]. Ресоциализация дефинируется как повторное усвоение субъектом социального опыта после выхода из исправительного учреждения. Локальное течение данного процесса может быть различным: внутри исправительного учреждения – когда осужденный встает на путь исправления путем существующих режимов строго характера внутри специального учреждения, где он отбывает наказание; после выхода на свободу – когда осужденный должен вновь встать на путь положительной личности.

Однако в случае применения наказания личность осужденного не может в корне поменяться с отрицательной на положительную; наказание может выступать лишь способствующим фактором для начала процесса изменения личности осужденного в лучшую сторону. Однако процесс воспитательного воздействия на личность может привести и к обратному эффекту – когда личность осужденного может еще более отдалиться от адекватных способов поведения и морально-этических норм, принятых в данном обществе, что зачастую можно наблюдать на практике.

С целью недопущения выше обозначенного работникам исправительного учреждения необходимо знать личность каждого осужденного для их успешной ресоциализации. Двухнаправленная деятельность органов, осуществляющих наказание, создание модели новой жизни общества, а также исполнение наказания в рамках своего учреждения должна способствовать формированию у субъекта положительных качеств при отсутствии негативного воздействия на его психику.

Резюмируя, отметим, что применение наказания к преступникам в казахстанском уголовном праве не является целью – оно ориентировано на восстановление социальной справедливости, исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений.

Процесс исправления манифестируется как приведение осужденного в состояние, суть которого состоит в понимании и готовности осужденного не совершать преступлений в силу того, что это может привести к негативному воздействию на окружающих людей. Наказание не способно ввести человека в общество, однако оно может заставить субъекта заглянуть в прошлое и увидеть положительные стороны функционирования людей в обществе. Поэтому уголовное наказание, реализуя ценностно-ориентирующее действие, должно быть детерминировано структурой ценностей в обществе при воздействии не только на осужденных, но и на других граждан с целью профилактики совершения ими преступлений, что может быть достигнуто в процессе ресоциализации осужденного субъекта.

Список литературы

1. Дулатбеков Н.О., Амандыкова С.К., Турлаев А.В. Основы государства и права современного Казахстана. – Астана: Изд-во «Фолиант», 2000.

2. Мелентьев М.П. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу РФ и Минимальным стандартным правилам обращения с заключенными. – М., 1997. – С. 19-20.
3. Мицкевич А.Ф. Уголовное наказание: понятие, цели и механизмы действия. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005.

КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ СОТРУДНИКА ОВД: ТЕОРЕТИКО - МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЕКЦИИ

Машекуашева М.Х.

Северо-Кавказский институт повышения квалификации сотрудников МВД России (филиал)
Краснодарского университета, г. Нальчик

Профессиональную подготовленность сотрудника органов внутренних дел образует сумма профессиональных знаний, навыков и умений, которыми он обладает. Психологическая подготовленность является совокупностью сформированных и развитых психологических характеристик, отвечающих психологическим особенностям оперативно-служебной (боевой) деятельности и выступающих необходимым внутренним условием ее успешного осуществления. Именно этот вид подготовки играет важную роль в преодолении психологических трудностей профессиональной деятельности, и тем самым, в обеспечении успешного решения стоящих перед ними задач [5].

Рассматривая профессиональную компетентность, подчеркнем неаддитивность феномена компетентности. Функциональные компоненты концепта компетентности могут выступать лишь планами анализа и интерпретации реалий пространства высшего образования и личностных проявлений его субъектов, т.е. средовых характеристик системы высшего образования.

Структура профессиональной компетентности специалиста любого профиля, по мнению А.Г. Пашкова [3] включает:

- практическую (специальную) компетентность как высокий уровень знаний, техники и технологий, используемых в профессиональном труде и обеспечивающих возможность профессионального роста специалиста, смену профиля работы, результативность творческой деятельности;

- социальную компетентность, подразумевающую способность брать на себя ответственность и принимать решения, участвовать в совместном принятии решений, регулировать конфликты ненасильственным путем, продуктивно взаимодействовать с представителями других культур и религий;

- психологическую компетентность как понимание того, что без культуры эмоциональной восприимчивости, без умений и навыков рефлексии, без опыта эмпатийного межличностного взаимодействия и самореализации профессионализм остается частичным, неполным;

- информационную компетентность - владение новыми инновационными педагогическими и информационными технологиями;

- коммуникативную компетентность, предполагающую знание иностранных языков, высокий уровень культуры речи;

- экологическую компетентность, основывающуюся на знании общих законов развития природы и общества, на экологической ответственности за профессиональную деятельность;

- валеологическую компетентность, означающую наличие знаний и умений в области сохранения здоровья, в вопросах здорового образа жизни.

Успешность профессиональной карьеры специалиста по окончании вуза и реализация полученных им знаний, умений и навыков в практической деятельности зависит от профессиональной компетентности специалиста.

Профессиональной компетентностью является степень квалификации специалиста, позволяющая ему успешно решать стоящие перед ним профессиональные задачи, осуществлять продуктивную профессиональную деятельность и актуализировать свои личностные ресурсы.

Профессиональная компетентность представляет собой владение, обладание совокупностью компетенций, включающих его личное отношение к ней и предмету деятельности, а также способность и готовность решать проблемы и задачи, возникающие в профессиональной деятельности с использованием знаний, учебного и жизненного опыта, ценностей и наклонностей. Закономерно, что - сложный, длительный процесс, ведущий к профессионализму специалиста и предполагающий совокупность психофизиологических, психических и личностных изменений, происходящих в человеке в процессе овладения и длительного выполнения деятельности,

обеспечивающий качественно новый, более эффективный уровень решения сложных профессиональных задач, которое понимается как становление профессиональной компетентности. Следовательно, становление профессиональной компетентности сотрудника спецподразделений заключается в системном единстве психолого-педагогических знаний, опыта, свойств и личностных качеств, позволяющих эффективно осуществлять профессиональную деятельность и целенаправленно организовывать процессы профессионального общения.

Группы компетенций – результат образовательной деятельности, развиваемые у сотрудников спецподразделений:

- Ключевые компетенции - общие компетенции человека, которые необходимы для социально продуктивной деятельности любого современного специалиста (концептуальные, инструментальные, ценностно-этические, интегративные, контекстуальные, адаптационные).

- Базовые компетенции - умения в определённой профессиональной области (компетенции в области самообразования, коммуникативные, организационные, научно-исследовательские).

- Специальные компетенции - умения необходимые для выполнения конкретной профессиональной ситуации (проективные, прогностические, конструктивные, аналитические, развивающие, рефлексивные).

С точки зрения формальных характеристик феномен компетентности рассматривается нами как переживание.

Понятие «переживание» имеет различные варианты интерпретации в отечественной психологии.

Базовыми для его построения компетентности основаниями, таким образом, выступили культурно-исторический подход в психологии, теории мотивации и концепты гуманистической психологии [2].

Рис.1. Составляющие профессиональной компетентности специалиста (А.Г. Пашков).

Переживание своего соответствия профессиональным требованиям, в частности и требованиям ситуации, вообще, при акцентировании внимания на значимости для субъекта внешних условий в гуманистической психологии интерпретируется как конгруэнтность и эго-идентичность.

Рассмотрение феномена компетентности в разных методологических проекциях, позволило сформировать синтетический концепт компетентности. Базовыми для его построения основаниями, таким образом, выступили культурно-исторический подход в психологии, теории мотивации и концепты гуманистической психологии.

Вместе с тем, переживание в достаточной степени феноменологически согласуется с компетентностным аспектом отражения себя субъектом профессиональной деятельности, т.к., во-первых, компетентность как переживание обозначает личностный уровень эмоционального отражения действительности [1];

во-вторых, переживание компетентности как отношения подразумевает актуализацию личностного смысла происходящих событий и собственных состояний [3]; и, наконец, компетентность как переживание согласуется с его (переживания) пониманием как формы существования психического и индивидуального сознания [4].

Интегральный характер переживания как формы психического релевантен компетентности как внутреннему концепту собственной успешности - неуспешности субъекта профессиональной деятельности, т.к. она (компетентность) имеет признаки идентификационного процесса и мотивационного состояния [5].

Список литературы

1. Варданын Ю.В. Стрoение и развитие профессиональной компетентности специалиста с высшим образованием (на материалах подготовки педагога и психолога): Автореф. дис. док. пед. наук: 13.00.08. М. 1999.- 48 с.
2. Зеер Э. Ф. Модернизация профессионального образования: компетентностный подход / Э. Ф. Зеер, А. М. Павлова, Э.Э. Сыманюк. М.: Московский психолого-социальный институт, 2005.-216 с.
3. Кочесокова З.Х., Машекуашева М.Х. Коммуникативные компетенции сотрудников полиции как фактор эффективности профессиональной деятельности. Научный журнал./ Современные наукоемкие технологии. Москва. РАЕ. 2014. № 4. С. 167-168.
4. Tutukov A.U., Kochesokova Z.H., Mashekuasheva M.H. Some problems in relationships verbal and nonverbal communication in professional activities police. // В сборнике: Applied and Fundamental Studies Proceedings of the 3rd International Academic Conference. Publishing House Science and Innovation Center, Ltd.. 2013. С. 478-481.
5. Лосанова Ф.М. Первая краевая задача в интегральной постановке для уравнения дробной диффузии // Математическое моделирование фрактальных процессов, родственные проблемы анализа и информатики Материалы Второй Международной конференции молодых ученых. 2012. С. 146-147.

О КАТЕГОРИИ «СПЕЦИАЛЬНАЯ ВМЕНЯЕМОСТЬ» КАК ПРЕДПОСЫЛКИ ВИНОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ

Мирошниченко Н.В.

ФГБОУ ВПО «Ставропольский государственный аграрный университет», г.Ставрополь

По общему правилу, вина есть психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию, предусмотренному уголовным законом, и к его общественно опасным последствиям[9, с.14]. Предпосылкой наличия такого отношения в строгом соответствии с принципом вины справедливо рассматривать вменяемость. Как верно пишет В.Г. Павлов, именно вменяемость лица, совершившего преступление, дает основание ставить вопрос о его виновности, а в дальнейшем, следовательно, об уголовной ответственности и наказании; установление вменяемости преступника предшествует установлению в соответствии с принципами уголовного закона его виновности, которая доказывается как на стадии предварительного следствия, так и в суде[7, с.51].

Понятие вменяемости не относится к разряду простых и однозначно трактуемых. В самом общем представлении вменяемость соотносится со способностью лица осознавать смысл и значение своих поступков и руководить ими. Различия в теоретических концепциях начинаются с выяснения вопроса об основаниях такой способности и возможных различиях в ее качестве. Здесь существует два принципиальных подхода: 1) «узкий» (он же традиционный), в рамках которого вменяемость соотносится исключительно с отсутствием у лица психических заболеваний или с отсутствием их влияния на способность этого лица к сознательно-волевому действию; 2) «широкий», в рамках которого способность к сознательно-волевым поступкам связывается не только с медицинскими, но и иными, в том числе социальными, обстоятельствами – возрастом, уровнем развития, образования и пр. [8, с.214-216].

Обращение к этому теоретическому вопросу, казалось бы, далекому от проблем борьбы с преступлениями, совершаемыми в процессе выполнения профессиональных функций, оправдано одним значимым обстоятельством. В отечественной науке последней трети прошлого столетия при обсуждении категории вменяемости в рамках ее широкой трактовки возникла идея так называемой «специальной вменяемости». Как указывал Р.И. Михеев, она была сконструирована для дифференциации вменяемости в целях учета психофизиологических особенностей операторов технических систем, выполняющих в условиях научно-технической революции специальную работу в сфере «человек – техника», связанную с экстремальными ситуациями и нервно-психологическими перегрузками[5, с.19]. Применительно к проблемам ответственности за

преступления, связанные с нарушением профессиональных обязанностей, категория специальной вменяемости имеет значение, прежде всего, для понимания вины лиц, совершающих преступления при нарушении специальных правил безопасного производства работ или оказания услуг.

Ярким выразителем и активным сторонником категории специальной вменяемости выступает М.С. Гринберг. Исследуя сложные проблемы ответственности за «технические преступления», он пишет, что во многих случаях вменяемый субъект в традиционном значении слова уподобляется невменяемому, но не вследствие психической болезни, а из-за несоответствия «психофизиологических и иных» возможностей человека повышенному объему требований к управлению сложной техникой, хотя для бытовой или «обычной» трудовой жизнедеятельности этих возможностей достаточно [2, с.104-108]. Развивая эти идеи, А.В. Курсаев предлагает понимать под «специальной вменяемостью» наличие у лица специальных психофизиологических качеств, обусловленных занятием определенной профессиональной или иной деятельностью, в том числе наличие комплекса знаний, умений и навыков для занятия данной деятельностью, делающих возможным преодоление экстремальных ситуаций и нервно-психических перегрузок при предотвращении преступного вреда [4, с.8-9]. Л.А. Арчибасова, в свою очередь, разработала определение «специальной невменяемости» под которой понимает «установленный на основании заключения эксперта факт неспособности лица предотвратить предвидимые им вредные последствия вследствие несоответствия его психофизиологических качеств требованиям экстремальных условий или нервно-психическим перегрузкам, не связанным с психическим расстройством или иным болезненным состоянием психики» [1, с.7].

Не углубляясь в содержательную критику предложенных дефиниций, отметим, что сама по себе идея специальной вменяемости (невменяемости), при всей ее внешней привлекательности, на наш взгляд, не является оптимальным вариантом решения вопроса о психологическом основании уголовной ответственности отдельных категорий специальных субъектов. И не только потому, что вменяемость как способность к сознательно-волевому поведению в нашем понимании может быть связана исключительно с медицинскими критериями [6, с.354-359]. Дело в том, что призванная оградить операторов технических систем от необоснованных уголовных обвинений, эта конструкция, напротив, ставит их в крайне невыгодное положение. Ведь если способность к преодолению стрессовых ситуаций и нервно-психических перегрузок признавать вменяемостью, то следом необходимо сделать вывод о том, что такая способность презюмируется уже в силу самого факта выполнения лицом той или иной деятельности, самим фактом включения его в систему отношений, урегулированных соответствующими правилами и стандартами безопасного производства работ. В противном случае может возникнуть парадоксальная с точки зрения логики права ситуация, при которой презюмируемо способный к специальной деятельности субъект будет объявлен презюмируемо неспособным к ответственности за результаты своей деятельности. Применительно к общей проблеме вменяемости А.Г. Кибальник верно отмечает: «Презюмируемая вменяемость субъекта имеет своим прямым следствием вывод о том, что каждый человек, достигший возраста уголовной ответственности и обладающий «разумом и свободной волей», в силах произвести любой акт поведения, в т.ч. и преступный. Вследствие этого производным от презумпции вменяемости является положение о том, что любое лицо может стать общим субъектом материального правоотношения уголовной ответственности» [3, с.179]. Исходя из этого, правильным будет признать, что презумпция специальной вменяемости фактически перекладывает бремя доказывания неспособности к ответственности на самого субъекта – оператора технических систем, что вне сомнений, снижает уровень правовых гарантий личности в сфере уголовно-правовых отношений.

Придерживаясь концепции неделимости вменяемости на общую и специальную, полную и ограниченную, согласимся с авторитетным мнением Р.И. Михеева о том, что за виды вменяемости в отечественном праве на самом деле выдаются личностные (психогенетические, возрастные, профессиональные) особенности личности виновного, которые требуют юридической оценки при дифференциации и индивидуализации ответственности на основе общих принципов уголовного права в рамках, прежде всего, учения о вине [5, с.16,19,45].

Интересно отметить, что к такому же выводу приходят и представители психологической науки, теоретический багаж которой собственно положен в основу дифференциации видов вменяемости. О.Д. Ситковская указывает: «Мы не видим с позиций психологии необходимости введения понятия «специальная вменяемость», так как реально существующая проблема решается либо в рамках базовых понятий вменяемость-невменяемость, либо психологического механизма способности к ответственности за неосторожную вину» [10, с.190].

Таким образом, вменяемость, будучи общей предпосылкой виновной ответственности, не имеет специфики в отношении лиц, совершающих преступления при исполнении профессиональных обязанностей, в том числе в сфере взаимодействия «человек – техника». Наличие вменяемости является необходимым условием выяснения наличия вины и ее оценки, а также предпосылкой для установления обстоятельств, исключających вину.

Список литературы

1. Арчибасова Л.А. Невинное причинение вреда. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005.
2. Гринберг М.С. Еще раз о специальной вменяемости и о юридически значимой причинной связи // Государство и право. 2007. № 3.
3. Кибальник А.Г. О системном характере презумпции вменяемости // Системность в уголовном праве. Материалы II Российского Конгресса уголовного права / Отв. ред. В.С. Комиссаров. М., 2007.
4. Курсаев А.В. Дифференциация уголовной ответственности за неосторожное сопричинение вреда. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.
5. Михеев Р.И. Уголовная ответственность лиц с психофизическими особенностями и психогенетическими аномалиями (спорные вопросы правовой теории и трудности практической деятельности органов правопорядка). Учебное пособие. Хабаровск, 1989.
6. Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций. В 3 т. Т. 1. Общая часть. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2007.
7. Павлов В. Г. Субъект преступления и уголовная ответственность. СПб., 2000.
8. Пудовочкин Ю.Е. Учение о составе преступления. Учебное пособие. М., 2009.
9. Рарог А.И. Субъективная сторона и квалификация преступлений. М., 2001.
10. Ситковская О.Д. Психология уголовной ответственности. М., 1998. С.

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РЕФОРМИРОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Поликарпова И.В.

Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов

Статья написана по заданию Министерства образования и науки РФ № 29.1367.2014/к на выполнение научно-исследовательской работы в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности

Развитие уголовного законодательства государств - участников СНГ (в том числе бывших) представляет несомненный интерес, учитывая их общий первоначальный правовой замысел и последующее индивидуальное развитие.

Содержание уголовного законодательства всех 12-ти стран СНГ на момент принятия УК РФ 1996 г. позволяло причислить их к сформировавшейся в XX веке «восточной ветви» континентальной системы права, обладающей рядом особенностей, отличающих их от большинства других стран этой правовой семьи.

В этой связи особо актуальным представляется проведение сравнительно-правового анализа среди уголовных законов стран СНГ, для выявления того, какие отличительные черты УК РФ 1996 г. оказались «жизнеспособными», востребованными среди стран «восточной ветви» континентальной правовой семьи, а какие не выдержали проверку временем в странах СНГ.

Отправной точкой для исследования является текст УК РФ 1996 г. на момент его принятия, который позволяет нам выделить следующие 10 базовых положений, несвойственных для многих стран континентальной системы права: 1) полная кодификация уголовного законодательства; 2) отсутствие категории «уголовных проступков» и их аналогов, при жестком разделении уголовного права с административным (преступлений и правонарушений) по признаку присутствия или отсутствия общественной опасности; 3) отказ от административной преюдиции в уголовном праве, опять-таки при жестком разделении уголовного права с административным; 4) полный отказ от уголовной ответственности юридических лиц; 5) выделение приготовления к преступлению в качестве самостоятельной стадии преступления в рамках Общей части уголовного закона, с открытым перечнем вариантов подготовительной деятельности; 6) выделение в Общей части УК четырех видов соучастников (исполнителя, подстрекателя, организатора, пособника); 7) наличие судимости как самостоятельного уголовно-правового института; 8) наличие в уголовном праве института амнистии как основания для освобождения от уголовной ответственности или наказания; 9) включение в УК принудительных мер медицинского характера в качестве самостоятельного уголовно-правового института; 10) наличие полной конфискации имущества как вида наказания.

Перейдем теперь к более детальному рассмотрению данных признаков.

1. Полная кодификация уголовного законодательства. Для абсолютного большинства стран континентальной системы права не характерно сосредоточение всех уголовно-правовых норм в одном законодательном акте. Среди стран СНГ (в том числе и тех, которые прекратили свое членство в этой организации) только Грузия пошла по этому пути, приняв в 2005 г. уголовный закон «Об организованной преступности и рэкете». В целом же страны СНГ не отказались от полной кодификации уголовного законодательства и, как показывают проводимые реформы, не собираются от неё отказываться.

2. Отсутствие в уголовном законе категории «уголовных проступков» и их аналогов. Одной из важных отличительных особенностей отечественной правовой системы по сравнению с большинством европейских стран, принадлежащих к континентальной правовой семье, можно признать «жесткое» разделение уголовного права с административным правом – разграничение преступления и административного правонарушения по признаку присутствия или отсутствия общественной опасности.

В докладе ОБСЭ по уголовному правосудию для Центральной Азии, в частности, отмечается, что в постсоветских странах к категории административных правонарушений часто относят нарушения, которые могут иметь серьезные последствия для нарушителя и могут рассматриваться как преступные по существу. Согласно законодательству этих стран, лица, совершившие такие административные правонарушения, не имеют процессуальных гарантий, которыми обладают лица, совершившие уголовные преступления. ЕСПЧ счел, что понятие уголовного преступления является автономной концепцией, которая не подлежит четкой классификации. Это означает, что даже если правонарушение квалифицируется как административное, оно может быть уголовным по сути и требовать соблюдения правовых процедур, обычно ассоциируемых с уголовными преступлениями [4].

Подобная ситуация (противопоставление преступлений и административных правонарушений) в качестве своего логичного следствия имеет перманентное обсуждение двух альтернативных способов «снятия напряжения» между этими двумя отраслями права:

- использование административной преюдиции в уголовном праве;
- переход к европейской модели, а именно, выделению в преступном деянии наряду с преступлением менее опасного деяния – проступка.

В настоящее время лишь три страны (из двенадцати исследуемых нами) в условиях регулирования административных правонарушений отдельно от преступлений продолжают обходиться без уголовных проступков и административной преюдиции: Молдова, Азербайджан и Армения.

Непосредственно категорию уголовных проступков в своем законодательстве уже закрепили Украина и Казахстан. Согласно ст. 79 УК Казахстана уголовные проступки не влекут за собой судимость.

В других странах СНГ целесообразность внедрения категории уголовных проступков активно обсуждается на уровне теории.

Таким образом, можно сделать вывод, что правовыми предпосылками включения в уголовное законодательство категории уголовных проступков, являются: 1) противопоставление преступлений и административных правонарушений как категорий отдельных отраслей права и 2) отсутствие процессуальных гарантий при совершении наиболее опасных административных правонарушений, которыми обладают лица, совершившие преступления небольшой тяжести.

Социально-правовой предпосылкой для появления уголовных проступков в национальном законодательстве можно признать позицию ОБСЭ по данному вопросу, которую вынуждены учитывать страны, стремящиеся к более глубокой интеграции с европейским сообществом.

3. Отказ от административной преюдиции в уголовном праве.

Одним из принципиальных новшеств принятого в 1996 г. УК РФ стал отказ от административной преюдиции. Как показала практика, российский законодатель не смог долго продержаться без неё. В настоящее время административная преюдиция применяется при конструировании составов преступлений в 7-ми из 10-ти стран СНГ, отказавшихся от категории уголовных проступков: Беларусь, Грузия, Кыргызстан, Россия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан. Таким образом, можно предположить, что административная преюдиция является вынужденной мерой, правовой предпосылкой для которой, опять-таки, выступает разведение преступлений и административных правонарушений по самостоятельным отраслям права, и нежелание законодателя ввести в уголовный оборот категорию проступков.

4. Полный отказ от уголовной ответственности юридических лиц.

Уголовная ответственность юридических лиц еще один камень преткновения в науке уголовного права. Интересно то, что в обоих предварительных проектах УК РФ 1996 г. предусматривался институт уголовной ответственности юридических лиц, однако при принятии уголовного кодекса законодатель отказался от юридического лица как субъекта преступления. В настоящее время идея дополнения УК РФ нормами об

уголовно-правовых мерах в отношении юридических лиц активно продвигается представителями Следственного комитета РФ (ими разработан соответствующий законопроект).

Среди стран СНГ лишь одна страна сразу же включила данный институт в свой национальный уголовный кодекс, принятый после развала СССР - Молдова. Чуть позже (в 2006 г.) парламент Грузии дополнил свой УК новым разделом - Раздел шестой¹ «Уголовная ответственность юридического лица», в котором подробно прописал виды наказаний для юридических лиц, порядок и условия их применения. Спустя шесть лет (в 2012 г.) в УК Азербайджана появляется новая глава - Глава 15.2 «Уголовно-правовые меры, применяемые к юридическим лицам». По аналогичному пути в 2014 году пошел и украинский парламент, включив в УК Украины Раздел 14-1 «Меры уголовно-правового характера для юридических лиц».

Итак, в процессе развития уголовного законодательства отказ от уголовной ответственности юридических лиц не поддержали 4 из 12-ти рассматриваемых нами стран (Молдова, Грузия, Азербайджан и Украина). Вероятность отказа России от этой идеи также весьма высока (учитывая высокий лоббистский потенциал Следственного комитета РФ).

Формально *правовых* предпосылок для введения уголовной ответственности юридических лиц в странах СНГ - нет. Административная ответственность юридических лиц в странах СНГ (в том числе России) отчасти представляет собой вариант квазиуголовной ответственности, в связи с чем, в данных государствах отсутствуют и социальные предпосылки для непосредственного включения в уголовные кодексы норм об ответственности юридических лиц, так как все те «уголовно-правовые» меры, которые, в частности, предлагаются в вышеупомянутом проекте Следственного комитета РФ, спокойно можно прописать в административном законодательстве.

Таким образом, реальной социально-правовой предпосылкой для введения уголовной ответственности юридических лиц в странах СНГ можно признать лишь давление некоторых международных организаций. Именно на основе рекомендаций ОЭСР вопросы уголовной ответственности юридических лиц прорабатывались в Грузии, Азербайджане и Украине (как странах-участницах Стамбульского плана действий по борьбе с коррупцией для стран Восточной Европы и Центральной Азии).

5. Выделение приготовления к преступлению в качестве самостоятельной стадии преступления. Выделение приготовления к преступлению в качестве самостоятельной стадии преступления в рамках Общей части уголовного закона, с открытым перечнем вариантов подготовительной деятельности характерно для уголовных кодексов всех стран СНГ и одновременно не свойственно абсолютному большинству остальных государств континентальной правовой семьи. В странах англо-американской системы, а также во многих государствах континентальной системы права (Испании, Италии, Норвегии, большинстве стран Латинской Америки, Франции и её бывших колониях) институт приготовления к преступлению отсутствует как таковой. Наказуемыми в тех или иных случаях могут признаваться только отдельные виды подготовительных действий (сговор, подстрекательство) [3, С.175].

Первое, на что хочется обратить внимание – за все время действия УК РФ 1996 г. единственной главой, в которую ни разу не было внесено ни одного изменения, является глава 6 «Неоконченное преступление», что свидетельствует о верном (жизнеспособном) подходе отечественного законодателя к выделению трех самостоятельных стадий преступления. Аналогичная ситуация наблюдается во всех 12-ти изучаемых нами странах – все они сохранили стадию приготовления в Общей части своих уголовных кодексов. Таким образом, ни правовых, ни социальных предпосылок для отказа от имеющейся концепции неоконченного преступления не наблюдается.

6. Выделение в Общей части УК четырех видов соучастников (исполнителя, подстрекателя, организатора, пособника).

Результатом развития науки уголовного права стран СНГ в данном направлении (происходившей в упорной борьбе мнений и теоретических взглядов), явилась самостоятельная концепция института соучастия (во многом основанная на акцессорной теории), в которой исполнитель включается в число соучастников, наряду с тремя другими разновидностями соучастников: подстрекателем, организатором и пособником. Подобный подход позволяет говорить о таких формах соучастия как «простое» и «сложное» соучастие, что не характерно для абсолютного числа капиталистических стран континентальной системы права, как не характерно и выделение фигуры организатора в качестве самостоятельного вида соучастника. Из всех стран СНГ (в том числе бывших), только Грузия формально не включает исполнителя в число соучастников, выделяя его отдельно. Это явствует уже из названия самой ст.25 УК Грузии «Ответственность исполнителей и соучастников». В целом же ни одна из 12-ти рассматриваемых нами стран с момента принятия УК РФ 1996 г. не отказалась от использования вышеупомянутого «квартета» при регулировании вопросов ответственности за преступления, совершенные в

соучастия, в связи с чем предложенная в УК РФ теоретическая конструкция института соучастия может быть признана успешной.

7. Наличие судимости как самостоятельного уголовно-правового института. Судимость – один из наиболее спорных юридических институтов в современном уголовном праве, практически не встречающийся в законодательстве зарубежных стран в том виде, как она прописана в уголовных кодексах стран СНГ. Как показала история, за прошедшие 18 лет с момента принятия УК РФ 1996 г. ни одна из рассматриваемых нами стран не отказалась от института судимости в уголовном законодательстве и не подвергла его серьезной трансформации. Каких-либо правовых либо социальных предпосылок для отказа от данного института в настоящее время не наблюдается.

8. Наличие в уголовном праве института амнистии как основания для освобождения от уголовной ответственности или наказания. Амнистия – давний институт, известный подавляющему числу государств, но регламентируется и применяется данный институт везде по-разному. В научной литературе регулярно высказываются тезисы о необходимости исключения института амнистии из уголовного закона. В уголовном законодательстве целого ряда развитых государств Европы, относящихся к континентальной правовой семье, институт амнистии как основание для освобождения от уголовной ответственности или наказания отсутствует, например, в Германии, Испании, Нидерландах, Польше, Норвегии, Швеции. К настоящему времени ни одна из стран СНГ (в том числе бывших) не исключила данный вид освобождения от уголовной ответственности (наказания) из своих УК, что подтверждает востребованность этих государств в амнистии и отсутствии предпосылок для её ликвидации.

9. Включение в УК принудительных мер медицинского характера в качестве самостоятельного уголовно-правового института. В научной литературе уже неоднократно отмечалось, что включение принудительных мер медицинского характера в Общую часть уголовного кодекса в качестве самостоятельного института можно признать отличительной особенностью всех стран бывшего СССР – правовое регулирование назначения и применения принудительных мер медицинского характера в России и странах Романо-германской семьи существенно отличаются [2, С.13]. С момента принятия УК РФ 1996 г. лишь одна страна-участница СНГ (Грузия) пересмотрела свою позицию по данному вопросу и исключила в 2007 г. соответствующий раздел из своего УК. В целом, как показал опыт практически всех стран СНГ, включение принудительных мер медицинского характера в качестве самостоятельного института в уголовный закон оказалось востребованным на практике и каких-либо серьезных предпосылок для отказа от этой позиции не предвидится.

10. Наличие полной конфискации имущества как вида наказания. Принимая в 1996 г. УК РФ российский законодатель воспринял опыт СССР и оставил так называемую полную конфискацию имущества в системе механизма уголовно-правового регулирования. Последующее исключение в 2003 году полной конфискации имущества из российской системы уголовных наказаний вызвало широчайшую критику и споры среди российских специалистов в области уголовного права [1, С.20].

Не оценивая правильность данного решения, укажем лишь, что по такому же пути пошли еще семь стран СНГ: Туркменистан, Кыргызстан, Молдова, Азербайджан, Грузия, Казахстан, Узбекистан. В настоящее время полная конфискация имущества (в том числе имущества полученного законным путем) осталась лишь в УК 4-х из 12-ти исследуемых нами стран: Республики Беларусь, Украине, Таджикистане и Армении. Таким образом, отказ от полной конфискации имущества как вида уголовного наказания является четко обозначенной тенденцией в реформировании уголовного законодательства стран-участниц СНГ, предпосылки которой по большей части носят а) социальный характер - осознание законодателем несправедливости полной конфискации имущества в отношении родственников осужденного, б) социально-правовой – нежелание становится «белыми воронами» на фоне развитых стран, большая часть которых отказалась от подобной конфискации имущества.

Итак, проведенный сравнительно-правовой анализ позволил нам проверить «жизнеспособность» особенностей уголовного законодательства стран и прийти к выводу, что процесс его реформирования еще не завершен.

Список литературы

1. Волженкин Б.В. Загадки конфискации // Правоведение. 2008. №2. С.20.
2. Герасина Ю.А. Принудительные меры медицинского характера: понятие, виды, применение: автореферат дисс. канд. юрид. наук., М., 2013.
3. Додонов В.Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть. Монография. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2009.
4. Четвертый экспертный форум по уголовному правосудию для Центральной Азии. Итоговый отчет. 29-31 октября 2012 г. Алматы, Казахстан. Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе. Бюро по

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПРАВОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ УК РФ 1996 Г⁴⁵

Хутов К.М.

ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов

Разработка и принятие УК РФ 1996 г. имеют свою не безынтересную и длительную историю, которая довольно подробно описывается в юридической литературе⁴⁶. В период с 1988 по 1994 г. в России было подготовлено свыше десяти проектных работ⁴⁷. Первый и наиболее известный проект Уголовного кодекса России был разработан в 1991-1992 г.г. рабочей группой, созданной при Министерстве юстиции РФ⁴⁸.

Данный проект УК исходил из следующих концептуальных положений: 1) оптимального обновления УК, интенсификации уголовно-правовых мер борьбы с преступностью; 2) всеобъемлющей реализации принципов законности, справедливости, равенства (вины), гуманизма; 3) приоритетности охраны жизни и здоровья гражданина; 4) верховенства международного уголовного права над внутринациональным; 5) неуклонного следования двум генеральным направлениям уголовно-правовой политики: суровой ответственности за тяжкие преступления и криминальный рецидивизм, с одной стороны, декриминализации преступлений и либерализации наказания в отношении преступлений небольшой тяжести и случайных правонарушителей - с другой; 6) всемерного повышения профилактических возможностей уголовного закона⁴⁹.

Вот как описывает этот проект один из главных его разработчиков - Б.В. Волженкин. В данном проекте была впервые выделена самостоятельная глава об уголовной ответственности за преступления против мира и безопасности человечества. Принципиально новыми подходами отличались глава о хозяйственных преступлениях, где была сделана попытка отразить кардинальные перемены, происходившие в условиях перехода к рыночной экономике, следствием чего являлось появление в проекте УК статей об ответственности за лжепредпринимательство, получение кредита путем обмана, нарушение порядка выпуска (эмиссии) ценных бумаг, ложное и злостное банкротство, нарушение антимонопольного законодательства, незаконное использование товарного знака, коммерческий подкуп, разглашение коммерческой тайны, промышленный шпионаж и др. Глава о должностных преступлениях основывалась на новом понимании должностных преступлений как совершаемых только публичными служащими. В проект были включены самостоятельные главы об экологических и транспортных преступлениях⁵⁰.

Впервые в законопроектной практике была применена оригинальная методика унификации и оптимизации санкций с применением ЭВМ, прошедшая экспертизу во Франции. Она отработывалась группой программистов под руководством профессора С.В. Бородин. Ее применение позволило устранить умозрительность конструирования санкций и четко их систематизировать⁵¹.

Проект был в октябре 1992 г. внесен Президентом РФ в Верховный Совет РФ для доработки и рассмотрения. Однако в силу обострившихся противоречий между Верховным Советом и Президентом и других причин, главным образом субъективного характера, данный проект не был рассмотрен Верховным Советом⁵².

В октябре 1994 года в Государственную Думу были внесены два проекта УК РФ. Один – Президентом, другой – альтернативный – депутатами В.И. Илюхиным и В.Д. Филимоновым, который базировался на первом

⁴⁵ Статья написана по заданию Министерства образования и науки РФ № 29.1367.2014/к на выполнение научно-исследовательской работы в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности.

⁴⁶ См., напр.: Курс уголовного права. В 5 т. Т. 1. Общая часть: Учение о преступлении / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М.: Зерцало, 2002. С. 56-57; Кузнецова Н.Ф. К истории проектов уголовных кодексов Российской Федерации // Вестник Московского университета. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1995, № 2. - С. 54-63 и др.

⁴⁷ См.: Российское уголовное право. Общая и Особенная части: учебник. В 3 т. Т. 1. Общая часть. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. докт. юрид. наук, проф. Н.А. Лопашенко. - М.: Юрлитинформ, 2014. С. 23 (автор главы – Н.А. Лопашенко).

⁴⁸ См.: Энциклопедия уголовного права. Т. 1. Понятие уголовного права. – Издание профессора Малинина – ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2-е изд. СПб., 2008. С. 704-705 (автор главы – Б.В. Волженкин).

⁴⁹ См.: Полный курс уголовного права: В 5 т. / Под ред. докт. юрид. наук, проф., заслуженного деятеля науки РФ А.И. Коробеева. Т. 1: Преступление и наказание. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. С. 186 (автор главы – Н.Ф. Кузнецова).

⁵⁰ См.: Энциклопедия уголовного права. Т. 1. Понятие уголовного права. С. 705.

⁵¹ См.: Курс уголовного права. В 5 т. Т. 1. Общая часть: Учение о преступлении. С. 57 (автор главы – Н.Ф. Кузнецова); Бородин С.В. Пути оптимизации выбора санкции при разработке проектов уголовных кодексов республик (юридический аспект) // Советское государство и право. 1991. № 8. С. 73-89.

⁵² См.: Энциклопедия уголовного права. Т. 1. Понятие уголовного права. С. 706.

президентском проекте 1992 г.⁵³. Во внесенном Президентом проекте содержались дискуссионные положения, связанные с отказом от материального определения понятия преступления, введением уголовной ответственности для юридических лиц, исключением административной преюдиции, исключением исправительных работ из системы наказаний, введением еще одной разновидности неосторожной вины – преступного невежества и ряда других⁵⁴.

Выходом из сложившейся ситуации явилось создание согласительной комиссии, объединившей эти два проекта в один, который и был, в конечном итоге, рассмотрен Государственной Думой. В результате длительной законодательной процедуры, где имело место и отклонение закона Советом Федерации, и вето Президента, в 1996 году был принят ныне действующий Уголовный кодекс РФ.

Данный закон разрабатывался и принимался в непростое для России время. Этот сложный период был озаглавлен, как принято говорить, крупнейшей геополитической катастрофой XX века - распадом СССР. После обретения полной независимости в Российской Федерации настала пора коренной реформы, затрагивающей все отрасли права, в том числе и уголовное право. Если говорить о предпосылках формирования уголовного законодательства, то в первую очередь нужно обозначить существовавшие в то время первичные или базисные социально-экономические отношения, так как правовые отношения предопределяются именно материальными отношениями.

В начале 90-х г.г. в России начались радикальные экономические преобразования. Указом Президента со 2 января 1992 г. была проведена либерализация цен, приведшая к гиперинфляции в экономике, резкому падению курса рубля по отношению к твердой конвертируемой валюте, обесцениванию накоплений населения (отсутствовал инфляционный коэффициент по вкладам граждан в сберегательных кассах, поэтому все банковские вклады населения были полностью обесценены). Гиперинфляция сразу же привела к значительному снижению реального размера всех денежных доходов населения (в первую очередь, заработной платы и пенсий). В реальном секторе экономики произошел резкий спад, вызванный, в первую очередь, кризисом неплатежей, повышением цен.

Экономика, вышедшая из-под контроля правительства, страдала от финансовых спекуляций, падения курса рубля по отношению к твердой валюте. Кризис неплатежей и замена денежных расчетов бартером ухудшали общее состояние хозяйства страны. Результаты реформ стали очевидны к середине 1990-х годов. С одной стороны, в России начала формироваться многоукладная рыночная экономика, улучшились политические и экономические связи со странами Запада, была провозглашена в качестве приоритета государственной политики защита прав и свобод человека. Но в 1991-1995 гг. ВВП и промышленное производство упали более чем на 20 %, уровень жизни большинства населения резко снизился, инвестиции за 1991-1998 годы упали на 70 %⁵⁵.

Дальнейшие экономические преобразования вылились в крупномасштабную приватизацию государственных предприятий. Причем это было проведено с повсеместным и грубым нарушением закона (яркий пример - знаменитые залоговые аукционы), с реализацией государственных активов по остаточной стоимости, т.е. почти «бесплатно».

На фоне таких негативных социально-экономических факторов как обнищание подавляющего большинства населения, сопровождающегося высочайшей степенью расслоения по доходам, кризис неплатежей, мошенническая приватизация, сокращение производства и увеличение безработицы (как следствие, повышение смертности и снижение рождаемости), не мог не вырасти уровень преступности.

Большие возможности получения «легких» денег, объявленная свобода общественных отношений, а главное - ослабление государственного контроля придали реформам криминальный характер. В 1991-1993 годах, когда происходили наиболее радикальные политические и экономические перемены, произошел наибольший всплеск преступности, значительно вырос не только уровень преступности, но и доля преступлений, непосредственно направленных на жизнь, здоровье и имущество граждан. Так, количество зарегистрированных убийств или покушений на убийства в 1993 году стало в 1,8 раза больше, чем в 1991 году; тяжких телесных повреждений - в 1,6 раза; разбойных нападений - в 2,2 раза; грабежей - в 1,8 раза. В последующие годы (1994-1999) уровень преступности, по данным МВД РФ, оставался очень высоким (в среднем 1750 зарегистрированных преступлений на 100 тысяч граждан ежегодно) и в 2000 году составил 2,952 млн. зарегистрированных преступлений⁵⁶.

⁵³ См.: Полный курс уголовного права. Т. I: Преступление и наказание. С. 188.

⁵⁴ См.: Энциклопедия уголовного права. Т. 1. Понятие уголовного права. С. 707.

⁵⁵ См.: Львов Д.С., Овсиенко Ю.В. Об основных направлениях социально-экономических преобразований // Экономическая наука современной России. 1999. № 3. С. 99-114.

⁵⁶ См.: Коленникова О. А. Рыночные реформы и ослабление безопасности населения / Россия: 10 лет реформ. Социально-демографическая ситуация. М.: РИЦ ИСЭПН, 2002. С. 272—281.

Среди иных факторов, вызвавших всплеск преступности, можно отметить ухудшение нравственного состояния общества и ослабление воздействия норм морали. К этому, в свою очередь, подтолкнула произошедшая в стране смена общественно-экономической формации, сопровождавшаяся утерей существовавших идеологических ориентиров, резким снижением материальной обеспеченности населения, повальная безработица и др. Здесь также уместно будет упомянуть о хроническом недофинансировании правоохранительных органов, следствием чего становилось их ослабление, в том числе и из-за кадровых утечек, и из-за повышения их коррумпированности.

Кроме социально-экономических, необходимо выделить еще и политико-правовые предпосылки формирования уголовного законодательства. При реформировании законодательства, в первую очередь, диктовалась необходимость избавления уголовного права от существовавших советских политико-идеологических установок. Также необходимо было адекватно отреагировать на новые вызовы. В частности, необходимо было криминализовать деяния, посягающие на зарождающиеся экономические отношения, будь то незаконное предпринимательство, монополизация товарных рынков и недобросовестная конкуренция, уклонение от уплаты налогов и др.

Принятие Конституции РФ 1993 г. вызвало необходимость учета при формировании нового уголовного законодательства принципиально иной иерархии ценностей (личность – общество – государство). Конституционные нормы отныне разрешали применение смертной казни только за посягательства на жизнь; также устанавливалась равная правовая охрана различных форм собственности. Эти и иные положения следовало учитывать при принятии нового уголовного кодекса.

Приведенные выше социально-экономические и политико-правовые факторы не только свидетельствовали о своевременности реформирования уголовного законодательства, но диктовали принятие абсолютно нового уголовного закона.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ИЗНАСИЛОВАНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И В ГОСУДАРСТВЕ ИЗРАИЛЬ

Майданович Н.В.

Иркутский юридический институт (филиал) Российской правовой академии Министерства Юстиции Российской Федерации, г.Иркутск

Сексуальное влечение мужчины к женщине – это естественное явление, заложенное природой. К сожалению, в жизни встречаются и встречаются случаи, когда люди удовлетворяют свои сексуальные потребности с применением насилия. В таких ситуациях государство обязано оградить интересы потенциальных потерпевших от посягательств на их половую свободу, половую неприкосновенность и личность. Законодательства, пожалуй, всех современных государств содержат правовые нормы, охраняющие названные ценности. Однако правотворческим органам не всегда удается создать нормы, способные соответствовать требованиям времени и обстоятельств. Для того чтобы повысить качество отечественного законодательства представляется полезным не только изучение проблем национального права, но и проведение сравнительно-правового анализа норм, предусматривающих ответственность за половые преступления в других государствах.

В данной работе проведен сравнительно-правовой анализ норм уголовного права Российской Федерации и государства Израиль, устанавливающих ответственность за изнасилование совершеннолетних.

В Российской Федерации ответственность за половые преступления предусмотрена главой 18 Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее УК РФ) – «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности»[4].

В рамках данного исследования предметом анализа выступает преступление, предусмотренное ст. 131 Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее УК РФ) – «изнасилование» и соответствующая ей норма уголовного права Израиля.

Российский законодатель в ст. 131 УК РФ устанавливает ответственность за изнасилование, то есть половое сношение с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшей или к другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшей[4].

В свою очередь Пленум Верховного Суда дает разъяснение о том, что под половым сношением следует понимать совершение полового акта между мужчиной и женщиной[3].

На основании этих нормативных правовых актов представляется возможным дать уголовно-правовую

характеристику состава преступления изнасилования.

Так, непосредственным объектом изнасилования, исходя из буквы действующего российского уголовного закона, являются половая свобода и половая неприкосновенность женщины. Такой вывод следует из того, что законодатель прямо указывает на лицо, против которого может быть совершено данное деяние.

Рассматриваемое преступление имеет и дополнительный объект посягательства – это здоровье женщины. Связано это с тем, что совершение этого преступлений предполагает насилие над потерпевшей.

Субъектом изнасилования может быть только достигшее четырнадцатилетнего возраста вменяемое физическое лицо мужского пола. Половая принадлежность субъекта данного преступления очевидна из гипотезы, установленной законодателем. Лица женского пола могут привлекаться к ответственности за изнасилование только в качестве соучастников преступления, но не исполнителей.

Объективная сторона изнасилования выражается в виде действия и имеет сложную структуру: это как минимум два последовательных действия. Во-первых, применение силы к потерпевшей. Во-вторых, удовлетворение своих сексуальных потребностей с помощью традиционного полового акта между мужчиной и женщиной.

Что касается субъективной стороны изнасилования, то деяние это совершается с прямым умыслом, то есть виновный осознает, что совершает сексуальные действия против воли потерпевшей и желает удовлетворить свои сексуальные потребности.

Несколько иначе выглядит норма, предусматривающая ответственность за подобное деяние в Израиле.

Основным уголовным законом государства Израиль является «Закон об уголовном праве Израиля» 1977 г. (1977-תקן תלונשך, תלש"ך) с внесенными в него изменениями.

Необходимо отметить, что в Израиле отсутствует кодифицированное законодательство. Упомянутый закон не является кодексом, а потому список содержащихся в нем преступлений не исчерпывающий. Но его статус основного означает, что все другие нормативные правовые акты, устанавливающие ответственность за различные преступления, должны соответствовать его вступительной и общей части.

Уголовная ответственность за половые преступления содержится в «Законе об уголовном праве Израиля», что, очевидно, свидетельствует о важности объекта защиты для государства. Ответственность за половые преступления предусмотрена в ст. 345-360 Главы хей: Преступления против половой неприкосновенности Раздела йюд – Причинение вреда человеку [2, с. 183-194].

Очевидно, что родовым объектом преступлений, предусмотренных в этой главе, является человек, как носитель определенного набора прав и свобод. В данном разделе предусматривается ответственность за причинение вреда таким ценностям как жизнь, здоровье, половая неприкосновенность, свобода человека.

Видовым объектом преступлений в области половых отношений израильский законодатель называет половую неприкосновенность лиц, подвергающихся сексуальному насилию. Такой вывод можно сделать исходя из названия Главы хей – «Преступления против половой неприкосновенности».

Аналогом взятой для исследования статьи российского законодательства является ст. 345 израильского закона – «Изнасилование».

Что же является непосредственным объектом охраны при совершении изнасилования согласно Закону об уголовном праве Израиля?

Основной состав преступления предусмотрен частью (алеф) ст. 345:

«тот кто вступает в половое сношение с женщиной –

- (1) без ее свободного согласия;
- (2) при ее согласии, которое было достигнуто путем обмана относительно личности лица, вступившего с ней в половое сношение, либо характера самого деяния;
- (3) не достигшей четырнадцатилетнего возраста, несмотря на наличие ее согласия;
- (4) используя бессознательное состояние, в котором она находится либо используя какое-либо иное состояние, находясь в котором, она не может дать свободного согласия на половое сношение;
- (5) Используя тот факт, что она страдает расстройством душевной деятельности и в связи с этим проявленное ею согласие на половое сношение не было действительно свободным согласием;

- признается как совершивший изнасилование и наказывается тюремным заключением сроком на шестнадцать лет» [2, с. 183-184].

Как видно из текста нормы, потерпевшей при совершении данного преступления может быть только женщина. И соответственно, ценности, которые подлежат государственной охране – это определенные права и интересы именно женщин. Можно предположить, что непосредственный объект изнасилования совпадает с видовым объектом всей главы, то есть объектом данного деяния является половая неприкосновенность женщины.

Субъектом изнасилования может являться любое лицо, достигшее двенадцати лет. Такой вывод можно

сделать исходя из того что в ст. 34 вав сказано, что «лицо не будет подлежать уголовной ответственности за деяние, совершенное им в возрасте до двенадцати лет» [2, с. 32]. Никаких других указаний на возраст преступника в Законе нет, поэтому логично предположить, что уголовной ответственности в Израиле подлежат лица, достигшие двенадцатилетнего возраста.

Относительно пола преступника законодатель непосредственно в ст. 345 в части (гимел) дает разъяснение о том, что следует понимать под фразой «лицо, вступает в половое сношение» во всей главе о преступлениях против половой неприкосновенности – «это лицо, которое вводит какую-либо часть человеческого тела либо предмет в половой орган женщины» [2, с.184]. Как видно из текста для законодателя не важен пол лица, совершающего преступное деяние, но важно каким образом оно совершено.

Объективная сторона преступления заключается во введении какой-либо части человеческого тела либо предмета в половой орган женщины. Соответственно, реализуется в виде действия.

Логично предположить, что совершаться это деяние может только с прямым умыслом, так как действия лица, совершающего данное преступление, направлены на удовлетворение его сексуальных потребностей.

Проведя теоретико-правовой анализ норм, устанавливающих ответственность за изнасилование в законодательстве России и Израиля, можно заключить, что, несмотря на общие черты, есть и существенные различия в правовом регулировании исследуемого состава преступления.

Во-первых, непосредственным объектом изучаемого преступления отечественный законодатель называет половую свободу и половую неприкосновенность женщины. Государство Израиль называет объектом своей защиты только половую неприкосновенность потерпевшей и не берет под свою охрану половую свободу женщины, то есть свободу распоряжаться собой в области полового общения с другими лицами [1, с. 5]. Вероятно, это связано с тем, что Израиль отчасти можно назвать клерикальным государством со своей уникальной правовой системой, в котором большое влияние на политику и законодательство оказывает раввинат. Вопросы семьи по большей части относятся к ведению раввинов. До 2010 года в Израиле были запрещены любые браки кроме тех, которые были заключены в синагоге, то есть браки между мужчиной и женщиной исповедующих иудаизм [6]. Хотя браки, заключенные на территории других государств, даже однополые, признавались действительными на территории Израиля. Но в самой стране граждане не обладали абсолютной половой свободой. Только в 2010 году государство разрешило своим гражданам заключать «гражданские браки» на территории государства Израиль [7].

Во-вторых, субъектом данного деяния по российскому праву может быть только вменяемое физическое лицо мужского пола, достигшее четырнадцатилетнего возраста. В Израиле же за данное преступление привлекаются к ответственности все лица (мужского и женского пола) в возрасте от двенадцати лет. Очевидно, это тоже связано с воздействием религии на законодательство. Так, согласно законам иудаизма, когда еврейский ребёнок достигает совершеннолетия (13 лет для мальчиков и 12 для девочек), он становится ответственным за свои поступки. Этот возраст совпадает с физическим созреванием. До этого момента ответственность за соблюдение ребёнком законов и традиций иудаизма несут родители. После достижения этого возраста, дети берут всю ответственность за соблюдение этических, ритуальных и других норм иудаизма на себя и получают право участвовать во всех сферах жизни еврейской общины [5].

В-третьих, существенные различия можно выделить и в объективной стороне изнасилования. Как уже было сказано, объективная сторона изнасилования согласно УК РФ заключается в совершении полового акта между мужчиной и женщиной. Согласно законодательству Израиля изнасилование может быть совершено не только с помощью традиционного полового акта, но и путем введения какой-либо части или предмета в половой орган женщины. Такая формулировка существенно расширяет круг деяний, подлежащих квалификации по ст. 345 Закона об уголовном праве Израиля.

Представляется, что выявление различий в правовом регулировании ответственности за изнасилование между законодательством России и государства Израиль может дать пищу для размышлений правотворческим органам и способствовать совершенствованию уголовного законодательства.

Список литературы

1. Андреева Л.А. Состав преступления изнасилования в советском уголовном праве. Л., 1962. 56 с.;
2. Закон об уголовном праве Израиля. Постатейный перевод с иврита на русский язык. / пер. Марат Дорфман. Изд. второе переработанное и дополненное. Хайфа. 2010. 261 с.;
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2004 №11 (ред. от 14.06.2013) «О судебной практике по делам о преступлениях предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного Кодекса Российской Федерации» // Российская газета. № 136. 29.06.2004;
4. Уголовный Кодекс Российской Федерации // "Собрание законодательства РФ", 17.06.1996, N 25, ст. 2954;

5. <http://shater-izhaka.ru/judaism/tradition/>[электронный ресурс], (23 сен. 2014);
6. <http://threed.ru/iudaizm-segodnya/interesno/brak-v-izraile.html>[электронный ресурс], (23 сен. 2014);
7. <http://www.isra.com/lit-30179.html>[электронный ресурс], (23 сен. 2014).

СЕКЦИЯ №7. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА; ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.09)

НАРУШАЕТСЯ ЛИ ПРАВО ПОТЕРПЕВШЕГО НА ДОСТУП К ПРАВОСУДИЮ ПРИ ОСОБОМ ПОРЯДКЕ ПРИНЯТИЯ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Михайлов А.Д.

Удмуртский государственный университет, г.Ижевск

Досудебное соглашение о сотрудничестве - относительно новый институт, введенный Федеральным законом N 141-ФЗ от 29 июня 2009 года, который включил в текст УПК РФ главу 40.1 "Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве". В целом данный институт в юридической литературе рассмотрен довольно подробно, в то время как вопрос о том, не нарушаются ли права потерпевшего при заключении такого соглашения вызывает еще множество вопросов. Основной проблемой является то, что согласно пункту 61 статьи 5 УПК РФ досудебное соглашение о сотрудничестве заключается между сторонами обвинения и защиты, однако потерпевший в число участников со стороны обвинения не включен. В то же время, при применении особого порядка судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением, возражение потерпевшего является основанием для прекращения особого порядка судебного разбирательства и рассмотрения уголовного дела в общем порядке. И в том и другом случае судебное заседание проводится без проведения судебного следствия, поэтому данное положение позволяет поставить вопрос, не ограничивается ли таким образом право потерпевшего на доступ к правосудию.

Анализ публикаций по данному вопросу позволяет констатировать, что многие авторы считают отсутствие потерпевшего в числе участников соглашения о сотрудничестве необоснованным. Так, например, А.С. Каретников хоть и считает, что с содействием подозреваемого, обвиняемого или без их содействия органы расследования раскрывают преступление не только в публичных интересах, но и интересах конкретного потерпевшего, поэтому было бы неверно испрашивать согласие потерпевшего на применение того или иного способа и метода раскрытия преступления. Однако здесь же он добавляет, что такая позиция законодателя, при которой он не включает в процесс заключения досудебного соглашения о сотрудничестве потерпевшего, была бы верна, если бы он не ввел в этот институт особый порядок принятия судебного решения[2].

А.В. Смирнов считает, что правомерность заключения соглашения о сотрудничестве с подозреваемым или обвиняемым без участия и волеизъявления потерпевшего с точки зрения соблюдения конституционных требований и норм международного права весьма сомнительна. Ссылаясь на конституционное право на доступ потерпевшего к правосудию Смирнов предлагает сделать условием заключения соглашения о сотрудничестве с подозреваемым или обвиняемым согласие потерпевших от преступления[4].

В.А. Семенцов и Я.В. Лошкбанова также высказывают озабоченность отсутствием потерпевшего в числе участников досудебного соглашения о сотрудничестве, ссылаясь на то, что одна из целей досудебного соглашения о сотрудничестве - розыск имущества, добытого в результате преступления, - достигается в интересах потерпевшего и гражданского истца для возмещения вреда, но почему-то без их участия[3].

Итак, как мы видим, многие авторы подвергают критике данное положение закона, при котором потерпевший не является участником досудебного соглашения о сотрудничестве. Чтобы проследить логику законодателя по этому вопросу необходимо сравнить положения глав 40 и 40.1 УПК РФ.

В обоих случаях применения особого порядка принятия судебного решения процессуальный интерес потерпевшего очевиден, ведь он как никто другой заинтересован в назначении обвиняемому справедливого наказания, поэтому получение согласия потерпевшего логично. В обоих случаях, если выполнены все необходимые условия, обвиняемый при назначении наказания получает льготы. Однако потерпевший вполне может считать, что в этом случае его права не будут защищены должным образом и обвиняемый не получит

должного, справедливого наказания. В случае применения особого порядка при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением потерпевший может возразить против данного порядка принятия судебного решения, что является основанием прекращения особого порядка судебного разбирательства и назначения рассмотрения уголовного дела в общем порядке. В случае же заключения досудебного соглашения о сотрудничестве потерпевший такого права не имеет. В этом видится ущемление права потерпевшего на доступ к правосудию, ведь право получить справедливое решение является основной его составляющей.

Конечно, институты применения особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением и при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве имеют существенные отличия. Во-первых они отличаются целями: цели института, закрепленного в нормах главы 40 УПК, просты - сокращение материальных и процессуальных средств, затрачиваемых в процессе рассмотрения и разрешения уголовных дел, путем ликвидации судебного следствия как самой сложной, длительной и трудоемкой части судебного заседания. Цели же института досудебного соглашения о сотрудничестве, исходя из анализа норм главы 40.1 УПК РФ - полное и всестороннее раскрытие и расследование совершенного преступления, изобличение соучастников преступления, розыск имущества, добытого в результате преступления, обнаружение иных преступлений и возбуждение по ним уголовных дел. Исходя из этих целей становится понятно, почему законодателем потерпевший не включен в число участников досудебного соглашения о сотрудничестве, ведь не требуется же согласия потерпевшего каждый раз, когда подозреваемый или обвиняемый оказывают содействие следствию. Однако, как отмечалось ранее, получение обвиняемым льгот при назначении наказания может идти вразрез с законным интересом потерпевшего.

Следовательно имеет место конфликт интересов - публично-правового и частного интереса потерпевшего. Публично-правовой интерес заключается в действенной помощи обвиняемого органам предварительного следствия в раскрытии преступления, изобличении всех лиц, его совершивших, совершении иных позитивных для следствия действий и тем самым повышении эффективности деятельности следственных органов. Частный же интерес потерпевшего в данном случае заключается главным образом в назначении обвиняемому справедливого наказания, для потерпевшего не имеет значения плодотворное сотрудничество обвиняемого со следствием. Данный конфликт законодателем не разрешается, интересы потерпевшего никак не учитываются. Так, А.С. Александров, И.А. Александрова пишут, что цель института досудебного соглашения о сотрудничестве в конечном счете публичная - борьба с преступностью. Поэтому некоторые права и законные интересы потерпевшего оказались жертвой достижения этой цели[1].

Кроме этого, законодатель даже не обязывает оповещать потерпевшего о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, несмотря на то, что право получения потерпевшим процессуальных документов предусмотрено статьей 42 УПК РФ, а право потерпевшего на информацию является важнейшей гарантией права на судебную защиту и доступ к правосудию. Данной статьей также предусмотрено право потерпевшего поддерживать обвинение, которого он оказывается лишен. Предусмотренное пунктом 14 части 2 этой статьи право потерпевшего возражать против постановления приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке также игнорируется. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 N 16 "О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве" при этом обязывает суды проверять все заявленные доводы и принимать по ним мотивированное решение, однако само по себе возражение потерпевшего не является основанием для рассмотрения дела в общем порядке.

Таким образом в нормах УПК РФ, регулирующих заключение досудебного соглашения о сотрудничестве, имеются значительные противоречия и пробелы, в результате чего право потерпевшего на участие в уголовном судопроизводстве оказывается серьезно ограничено. При нынешнем положении потерпевший не может в полной мере заявлять и отстаивать свою позицию и защищать собственные права и интересы при применении особого порядка принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Кроме того, право на доступ к правосудию и судебную защиту имеет своими составляющими не только возможность участвовать в разбирательстве своего дела судом, но и получить справедливое решение. И то, и другое невозможно, если потерпевший не будет должным образом осведомлен ходе дела, позиции противной стороны, доказательствах, подтверждающих правоту каждой из сторон, участвующих в споре. Поэтому для более полного достижения целей уголовного судопроизводства участие потерпевшего в заключении досудебного соглашения о сотрудничестве является необходимым.

Список литературы

1. Александров А.С., Александрова И.А. Соглашение о досудебном сотрудничестве со следствием: правовая сущность и вопросы толкования норм, входящих в главу 40.1 УПК РФ // Уголовный процесс. 2009. N 8.

2. Каретников А.С. Нужен ли особый порядок судебного рассмотрения уголовных дел в отношении лиц, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве? // Законность. 2013. N 10.
3. Семенов В.А., Лошкобанова Я.В. Права потерпевшего при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Российский юридический журнал. 2013. N 4.
4. Смирнов А.В. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // СПС КонсультантПлюс. 2009.

УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ НА НАЧАЛЬНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Пономаренко С.И.

Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) ФГБОУ ВПО «РГЭУ (РИНХ)», г.Таганрог

Когда решается вопрос о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица, в материалах проверки по заявлению о совершенном преступлении уже фигурирует само это лицо. В отношении него уже осуществляется уголовное преследование в форме подозрения. Содержание этой деятельности, помимо мыслительной, оценочной ее части, связанной с сопоставлением различных фактических данных, позволяющих выдвинуть предположение о возможном совершителе преступного деяния, составляют также конкретные действия по собиранию и проверке этих фактических данных. Говоря иначе, изобличение как элемент уголовного преследования уже присутствует. Уголовное преследование как процессуальная функция зачастую осуществляется задолго до появления в деле фигур обвиняемого и подозреваемого, на начальном этапе предварительного расследования, и даже в стадии возбуждения уголовного дела.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство России понятие термина уголовное преследование определяет как процессуальную деятельность, осуществляемую стороной обвинения с целью изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления (п. 55 ст. 5 УПК)[1]. Буквальное толкование этой нормы закона позволяет предполагать, что начало процессуальной деятельности, именуемой уголовным преследованием, необходимо связывать с моментом приобретения соответствующим лицом статуса подозреваемого либо обвиняемого. Как известно, подозреваемый появляется в уголовном судопроизводстве в результате возбуждения дела в отношении конкретного лица, задержания либо применения меры пресечения до предъявления обвинения, уведомления о подозрении в совершении преступления, в порядке ст.223-1 (ч.1 ст.46 УПК РФ). Подобная позиция не согласуется с содержанием реальной деятельности по изобличению кого-либо в совершении преступления. Сама направленность уголовного преследования в конечном итоге предполагает возможность фактической реализации уголовной ответственности в отношении преследуемого лица. Основанием же уголовной ответственности, согласно ст. 8 УК РФ, является совершение лицом деяния, содержащего все признаки конкретного состава преступления, предусмотренного материальным законом. Таким образом, порождающим уголовную ответственность юридическим фактом является соответствующее противоправное деяние. Поэтому обязанность лица отвечать за преступление возникает с момента его совершения, а не с момента назначения ему наказания по судебному приговору.

Уголовное преследование представляет собой самостоятельную уголовно-процессуальную функцию, в содержание которой, как чаще всего обозначается в литературе, входит: возбуждение уголовного дела; задержание подозреваемого; применение к нему мер пресечения и иных мер процессуального принуждения; сбор доказательств с целью изобличения лица, виновного в совершении преступления; привлечения лица в качестве подозреваемого; составление и утверждение обвинительного заключения; представление в суд заявления частного обвинения; поддержание в суде государственного или частного обвинения; обжалование решений суда представителями стороны обвинения [2]. Уголовное преследование выступает в качестве родового понятия по отношению к целому ряду уголовно-процессуальных категорий, включая и такую категорию, как обвинение. Несмотря на то, что в литературе и в правоприменительной практике сформировалась устойчивая позиция о тождестве понятий обвинения и уголовного преследования, действующее уголовно-процессуальное законодательство под обвинением подразумевает утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в порядке, установленном УПК (п. 22 ст. 5). Поэтому высказанную достаточно давно точку зрения о том, что обвинение есть составная часть уголовного преследования и является основной его формой[3], представляется совпадающей с позицией современного законодателя. Само же официальное «утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного

уголовным законом» практически может быть облечено либо в форму вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого либо обвинительного акта. Это, в свою очередь, приводит к появлению в уголовном деле процессуальной фигуры обвиняемого. Анализ соотношения понятий «подозрение» и «подозреваемый». Тем не менее, вынуждает констатировать, что ранее действующее советское законодательство, а также современное российское уголовно-процессуальное законодательство, сформулировав понятие подозреваемого, оставило без внимания главное - понятие самого подозрения. Именно подозрение является основной побудительной причиной возникновения реального уголовного преследования конкретного лица. Подозрение - это предположение о субъекте преступления, неполная осведомленность о каких-либо фактах, обстоятельствах.

Действующий УПК РФ предполагает обязанность следователя принять процессуальное решение, ставящее лицо в положение подозреваемого, а уже затем проверять имеющееся подозрение. Это означает, что вначале человек, на основании недоказанных предположений, подвергается задержанию или аресту и лишь затем начинается проверка обоснованности подозрения. Подозрение как уголовно-процессуальная категория не может являться только версией или выражением психологического состояния следователя: оно имеет место лишь тогда, когда в отношении заподозренного лица официально выдвинут тезис подозрения в форме какого-либо процессуального акта[4]. Таким образом, законодатель, в отличие от схемы «обвинение - обвиняемый», пошел по противоположному пути - от подозреваемого к подозрению. Несмотря на явную проблемность создавшейся ситуации, вопрос о природе и сущности института подозрения остается недостаточно проработанным и на теоретическом уровне, что во многом объясняется тем обстоятельством, что в свое время авторитетный ученый-процессуалист М.С. Строгович высказал точку зрения о том, что подозреваемый – это эпизодическое лицо[5]. Таким образом, процессуальная деятельность органа дознания, дознавателя, следователя, имеющая изобличающий характер, осуществляется до появления в уголовном деле подозреваемого. Это является ничем иным, как элементом уголовного преследования - его составной частью. При этом данная часть уголовного преследования исключительно значима. Она - первичный этап уголовного преследования, на котором (в том числе) формируются сами мотивы осуществления преследования. С учетом целевой направленности этой деятельности ее надо именовать подозрением.

Для того, чтобы в постановлении о возбуждении уголовного дела указать лицо, которое совершило то или иное преступление, нужны основания. Поэтому можно утверждать, что подозрение как форма уголовного преследования возникает уже в стадии возбуждения дела в рамках проверочных действий по установлению оснований для его возбуждения, т.е. достаточных данных, указывающих на признаки преступления (ч. 2 ст. 140 УПК). Вышесказанное, как представляется, позволяет прийти к окончательному выводу о том, что подозрение является формой уголовного преследования, образующей процессуальную деятельность изобличительного характера, направленную на установление оснований для вовлечения лица, в отношении которого она осуществляется, в уголовное судопроизводство в качестве подозреваемого. Отмеченные обстоятельства позволили некоторым авторам обосновать суждение о том, что в рамках первой стадии уголовного процесса уже могло осуществляться уголовное преследование путем: 1) возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица; 2) производства таких следственных действий, как освидетельствование и назначение судебных экспертиз; 3) фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления[6].

Список литературы

1. Зинатуллин З.З., Зинатуллин Т.З. Общие проблемы обвинения и защиты по уголовным делам. Ижевск, 1997. С.9.
2. Козловский Н.А. Подозрение в советском уголовном процессе // Свердловск, 1989. С. 49
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993г.) (с изм. и доп. на 05.02.2014г.) // Российская газета от 25 декабря 1993г. № 237.
4. Пантелеев И.А. Проблема совершенствования института подозрения в уголовном процессе России // Екатеринбург, 2000. [5] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 28.12.2013) [6] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001г. № 174-ФЗ (с изм. и доп. на 04.06.2014г.) // Российская газета от 22 декабря 2001г. № 249.

УМЫСЕЛ И ЕГО ВИДЫ В УГОЛОВНОЙ ПРАКТИКЕ

Лебедева В.С.

Московский финансово-юридический университет МФЮА, г.Москва

По сравнению с предыдущими годами, представленными в отчете о состоянии преступности по данным официального сайта МВД России, уровень преступности неуклонно растет. Для раскрытия преступлений от оперативных подразделений требуется получение новых знаний, тщательный анализ оперативно- розыскной деятельности.

Это говорит о том, что количество умышленных преступлений возрастает, поэтому тщательное изучение такого вопроса как умысел преступления, является одним из важных как для студентов юридических вузов, так и для правоохранительных органов.

Умысел – это форма вины. Согласно уголовному кодексу, преступлением, совершенным умышленно, признается деяние, совершенное с прямым или косвенным умыслом.

Умысел можно характеризовать как психическое явление, при котором лицо, совершая преступление, осознает общественную опасность своих действий (бездействия), предвидит во зможность или не неизбежность наступления о бщественно опасных по следствий и же лает их, или со знательно допускает наступление этих последствий либо безразлично к ним относится.

Умышленная форма вины самая распространенная в уголовной практике.

Преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления. Преступление признается совершенным с косвенным умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность наступления общественно опасных последствий, не желало, но сознательно допускало эти последствия, либо относилось к ним безразлично.

Для прямого и косвенного умысла характерно осознание общественной о пасности своихде йствий (бездействия), а также предвидение возможности (для прямо го умысла иногда также неизбежности) наступления общественно опасных по следствий.

Отличие прямого и ко свенного умысла заключается в о сновном в во левом со держании со вершаемых действий (бездействия). Если преступление совершается с прямым умыслом, то лицо желает, чтобы на ступили предвидимые им о бщественно опасные последствия. При ко свенном умысле лицо не желает, но сознательно допускает, что в результате его действий (бездействия) могут на ступить о бщественно опасные последствия, либо относится к ним бе зразлично. Волевой элемент прямо го умысла - желание наступления о бщественно опасных последствий. Это характеризует субъективную сторону преступления.

Согласно ч . 2 ст. 25 УК со вершая пре ступление с прямым умысло м, лицо предвидит во зможность или неизбежность по следствий . При прямо м умысле виновный все гда стре мится к конечному результату (цели). Для косвенного умысла последствия не являются же лательными.

Основные признаки вины:

- наступают общественно опасные последствия.
- желание или нежелание наступления этих после дствий.

Рассмотрим на примере эти виды умысла.

У гражданина проведен обыск с це лью выявле ния про павшего имущества. По о перативно й информации, данный гра жданин был за мечен во зле офиса предприятия по здно но чью. При про ведении о быска были найдены часть пропавших ве щей, а также краски и лаки для волос с ценниками салона красоты . Выяснило сь, что в да нном салоне красоты была совершена кража именно этих пре дметов, обнаруженных у по дозреваемого, на основании полученной информации было возбуждено уго ловное де ло. Субъективная сто рона преступления ха рактеризуется прямым умысло м. Сле дует о тметить, что прямой умесе л буде т в двухуго ловныхде лах, т.к. совершены абсолютно две разные кражи и в хо де обыска по одной, которая уже квалифицируется прямым умыслом, найдены похищенные предметы друго й кражи.

Также преступления с прямым умыслом - убийство (ст. 105), кража (ст. 158), мошенничество (ст. 159) и другие.

Из материалов уголовного дела следует , гражданин П. отмечал юбиле й в ка фе. В состоянии а лкогольного опьянения о н се л за руль сво его автомоби ля и сбил пе шехода на нерегулируемом пе шеходном пе рехо де,

причинив ему тяжкий вред здоровью, а именно перелом ноги и сотрясение головного мозга. Субъективная сторона данного преступления характеризуется в виде косвенного умысла.

Примеры косвенного умысла - оставление в опасности (ст. 125), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью ст. 111 (указанный вид тяжкого вреда предполагает косвенный умысел относительно факта смерти, ввиду того что она не наступила, содеянное квалифицируется по ч. 1 ст. 111).

В отдельных видах преступлений форма вины носит сложный характер. Лицо, совершая преступление, ставит перед собой одну цель, и в результате своих действий причиняет более тяжкие последствия, возможно предвидящие, или совершенные по неосторожности. Такие преступления считают с двумя формами вины – «двойной» или «смешанной» формой вины. Предусмотренный частью 1 статьи 111 УК РФ тяжкий вред здоровью, может повлечь неосторожное последствие в виде смерти потерпевшего.

Выделяют заранее обдуманый и внезапно возникший умысел.

Заранее обдуманый умысел характеризуется тем, что между появлением намерения совершить преступление и его осуществлением имеется разрыв во времени. Преступления с таким умыслом не совершаются внезапно, а более продуманы, поэтому представляют повышенную опасность.

При внезапно возникшем умысле намерение совершить преступление возникает неожиданно под влиянием сложившейся ситуации и тут же приводится в исполнение. Это такой вид умысла, когда лицо совершает преступление в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения – аффекта. Такое состояние может быть вызвано насилием, издевательством и другими действиями. Преступления, совершенные в состоянии аффекта менее опасны, но могут быть совершены как с косвенным, так и с прямым умыслом.

Заранее обдуманый умысел так же может быть как прямым, так и косвенным. Например, если лицо разрабатывает план крупной кражи, то может допускать тот факт, что появятся свидетели, от этого могут возникнуть любые последствия, в том числе и самые тяжкие.

От степени конкретизации и определенности последствий различают умысел конкретизированный (определенный) – четкое представление о причиняемом вреде, его количественных и качественных характеристиках и не конкретизированный (неопределенный), а также альтернативный. Альтернативный умысел имеется, когда виновный предвидит одинаковую возможность наступления двух и более различных последствий. При совершении преступлений с альтернативным и неопределенным умыслом, классификация происходит в зависимости от фактически наступивших общественно опасных последствий.

Виды умысла влияют на квалификацию преступления, на степень общественной опасности, и учитываются при назначении наказания, поэтому играют огромную роль в уголовной практике.

Список литературы

1. Уголовный кодекс РФ (УК РФ) от 13.06.1996 N 63-ФЗ с изменениями и дополнениями от 21 июля 2014г.
2. Уголовное право России. Части Общая и Особенная / Под ред. А. И. Рарога. М., 2008 (Лекционный материал).
3. Личные источники из уголовной практики.

СЕКЦИЯ №8.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.10)

СЕКЦИЯ №9.

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР, ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.11)

СЕКЦИЯ №10.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО, ФИНАНСОВОЕ ПРАВО, ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.14)

ВЗАИМООТНОШЕНИЕ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ С РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВЬЮ

Шак Ю.П.

Вятский государственный гуманитарный университет, г. Киров

Конституционные принципы светскости государства и отделения религиозных объединений от государства реализуются посредством четкого разделения сфер компетенции и функций государства и религиозных объединений, которое является предпосылкой их сотрудничества на взаимно приемлемых условиях. Это разграничение сфер компетенции не означает вытеснения религии из всех областей жизни общества, отстранения религиозных объединений от участия в решении общественно значимых задач.

Реально складывающаяся система взаимоотношений между государством и религиозными объединениями в Российской Федерации постепенно приобретает характер сотрудничества (партнерства) на основе четкого разделения их функций. Эта система взаимоотношений позволяет религиозным объединениям принимать участие в различных сферах жизни общества. Подобное сотрудничество предполагает совместную деятельность в таких областях, как миротворчество на международном, межэтническом и межконфессиональном уровнях, дела милосердия и благотворительности, совместная реализация социальных программ, охрана, восстановление и развитие исторического и культурного наследия, деятельность по сохранению окружающей природной среды, совместная поддержка института семьи, материнства и детства, обеспечение свободы вероисповедания военнослужащих, лиц, находящихся в местах лишения свободы, в медицинских учреждениях и т. д.

РПЦ не видит себя существующей отдельно от государства или находящейся в реальной оппозиции к нему. Идеальным общественным строем для нее является давняя православие Руси средневековая Византия, где власть государственная и религиозная стремились действовать в симфонии (обоюдном сотрудничестве), а глава страны был и главой Церкви.⁵⁷ Именно поэтому РПЦ не может воспринять принцип отделения Церкви от государства, противоречащий не только ее сиюминутным интересам, но и всей концепции ее деятельности, основанной на соблюдении интересов государства в обмен на защиту, покровительство и финансирование. Неразделимость в головах духовенства и большей части в оцерковленных понятиях «православный», «русский» (в этническом отношении) и «российский гражданин» (в политическом и правовом отношении) приводит к нескольким принципиальным построениям.

РПЦ воспринимает себя как Церковь нескольких православных народов (в первую очередь русских), образующих (на данном этапе) свои национальные государства (но вообще стремящихся жить в едином), в которых чужаки-иноверцы (хотя бы они и являлись гражданами этих государств) «должны знать свое место». Положение о существовании «единой общины веры» — «православном народе» было официально утверждено в главе второй «Церковь и нация» основ социальной концепции РПЦ, принятых на Архиерейском соборе 2000 г.⁵⁸, и по мнению внешних критиков, явилось новаторством в богословии. В той же главе закреплён и расистский тезис о том, что «православный христианин призван любить... своих братьев по крови, живущих по всему миру».

Так как РПЦ по историческим причинам - часть фундамента современного российского государства, то любой подрыв целостности этой части (особенно со стороны внешних сил) является покушением на всю конструкцию. Поэтому само государство должно заботиться о противодействии таким чужакам, а РПЦ будет ему в этом помогать, указывая своих врагов. Поэтому областями соработничества Церкви и государства в нынешний исторический период является противодействие деятельности псевдорелигиозных структур, представляющих опасность для личности и общества.

Для того чтобы требования РПЦ МП к государству реализовались, в первую очередь ей надо найти понимание в Администрации Президента, которая в настоящее время реально контролирует основные направления политической жизни в стране. Поддержание нормальных отношений с крупнейшей конфессией

⁵⁷ Основы социальной концепции РПЦ параграф 3.4 // Сборник документов и материалов Юбилейного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви. Москва, 13-16 августа 2000. С. 179-180.

⁵⁸ Основы социальной концепции РПЦ параграф 3.4 // Сборник документов и материалов Юбилейного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви. Москва, 13-16 августа 2000. С. 175-176.

страны является одной из задач Отдела по взаимодействию с религиозными объединениями (входит в состав управления общественных Связей и гуманитарной политики) Главного управления внутренней политики. При Администрации Президента действует и совещательный орган для контактов с религиозными организациями - Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ. Представители РПЦ имеют в нем несомненное преимущество. В состав Совета входят пять архиереев РПЦ, другие конфессии представлены только своими руководителями. В составе Совета имеются также несколько государственных чиновников и светские эксперты. Сам Патриарх регулярно встречается с Президентом России и их отношения можно определить как теплые. На этих встречах или в кулуарных беседах чиновником более низкого ранга МП удачно лоббирует в Администрации Президента некоторые инициативы. Однако по принципиальным вопросам, которыми являются придание православию де-юре статуса государственной религии, оказание РПЦ масштабной финансовой поддержки, изменения в законодательстве, направленные на ограничение свободы совести, возвращение значительного количества изъятой собственности, введение православного образования в школах, Президент и его Администрация отказывают МП в удовлетворении претензий. Пока не ясно, чем вызвана столь сдержанная позиция - уважением президента законов и международной правовой практики, малым ли реальным политическим весом МП или отсутствием необходимости делать популистские шаги в условиях высокого рейтинга нынешнего главы РФ. Примечательно, что в период высокой популярности Ельцина в 1991-1992 гг. РПЦ имела наибольшую в своей истории независимость от российского государства. Однако Церковь энергично избавилась от ненужной свободы, как только первое лицо государства после фактического проигрыша про-президентскими партиями парламентских выборов в декабре 1993 г. обратило внимание на РПЦ, надеясь с ее помощью найти необходимую поддержку в обществе.

Правительство России в целом (в том числе департаменты аппарата правительства) не замечено в охране интересов РПЦ. Бывало несколько случаев, когда правительство одобряло законы, косвенно играющие на руку Церкви. Произошли по инициативе политической власти (т.е. Президента страны). Вместе с тем при правительстве действует Комиссия по вопросам религиозных объединений при Правительстве РФ, во главе которой стоит Приходько Сергей Эдуардович. Комиссия имеет достаточно самостоятельную позицию по вопросам взаимоотношений с различными религиозными организациями, в частности и с РПЦ. Нередко именно она является той формальной инстанцией, в которой гаснут многие полезные (с точки зрения РПЦ) инициативы. «Я лично с настороженностью пока отношусь к такой идее. Потому что со стороны Церкви понятно, что у нее есть интересы и она готова за них бороться. У нашего государства в этой части никто ничего не понимает. Грубо говоря, государство в этой области недееспособно, а любой договор между тем, кто понимает, чего хочет, и тем, кто не понимает, изначально вреден»⁵⁹. Однако недовольство Комиссией со стороны церкви мало влияет на ее положение. Руководство министерств и государственных комитетов РФ по-разному относится к РПЦ. Главы экономических министерств и ведомств, скорее, относятся к ней негативно, видя в МП злостного неплательщика налогом, который к тому же претендует на государственное финансирование и собственность.

Российское государство не вмешивается в дела церкви. Оно дает развиваться и действовать ей по своему усмотрению, не допуская нарушений церковью государственных интересов, а так же интересов общества и человека.

Такой подход государства к отношению с церковью вполне логичен. Ведь сегодня церковь – это не только хранительница традиционных духовных ценностей, оказывающая значительное влияние на формирование культуры, но и так же активный участник общественно-политической жизни страны, самостоятельный субъект, наделенный определенными полномочиями и имеющий определенный авторитет. Следовательно, как и другие субъекты должен соблюдать «правила игры», устанавливаемые государством с целью поддержания соответствующего политического порядка. Иначе привнесение вероисповедного компонента в политическую борьбу может превратить его в религиозно окрашенное противостояние, имеющее весьма серьезные негативные последствия для общества в целом.

Список литературы

1. Основы социальной концепции РПЦ параграф 3.4 // Сборник документов и материалов Юбилейного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви. Москва, 13-16 августа 2000. С. 179-180.
2. Бабасян Н. Церковное имущество: Мы не против, если это возможно // Сайт Грани.Ru., 12.04.2001.
3. Розенбаум Ю. А. Советское государство и церковь. - М.:1985.
4. Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997г. №125-ФЗ.

⁵⁹ Бабасян Н. Церковное имущество: Мы не против, если это возможно // Сайт Грани.Ru., 12.04.2001.

ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Шак Ю.П.

Вятский государственный гуманитарный университет, г. Киров

Законопроект о передаче религиозным организациям имущества, которое после 1917 года было национализировано советским правительством, разрабатывался Министерством экономического развития РФ с 2007 года. Процесс затянулся, в частности, из-за разногласий по ряду принципиальных положений между Минэкономразвития и Минкультом РФ. Позже в дело вмешался премьер Владимир Путин, который в январе 2010 года на встрече с патриархом Кириллом заявил, что необходимо ускорить процесс передачи государством церковной собственности и придать ему правовые рамки.

Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (пункт 3 статьи 21, пункт 2 статьи 22), а также Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (пункт 2 статьи 50, пункт 1 статьи 56) указывают на право религиозных организаций на бесплатное получение в собственность или предоставление в безвозмездное пользование имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности. Однако практика применения указанных норм выявила необходимость законодательно установить важные аспекты реализации данных прав религиозных организаций, такие как: определение понятия имущества религиозного назначения; особенности распоряжения объектами, неразрывно связанными (по территориальному, архитектурному, функциональному и иным признакам) с объектами религиозного назначения, подлежащими передаче; порядок инициирования передачи; требования к составу прилагаемых документов для реализации передачи; обязанность органов государственной власти и органов местного самоуправления, осуществляющих управление и распоряжение государственным и муниципальным имуществом, передать имущество религиозного назначения религиозным организациям соответствующей конфессиональной принадлежности при наличии всех предусмотренных законом оснований для передачи; и т.д.

Данный закон сразу вызвал в обществе двоякую реакцию. Сторонники закона считают, что религиозные организации (в большей степени РПЦ) в России серьезно пострадали от советской власти и незаконно были лишены своего имущества в советский период. Например, О.А. Иванюк поддерживает возвращение Церкви исторически принадлежащего ей имущества.

Противники передачи религиозным организациям имущества против передачи такого имущества, которое представляет собой историческое и культурное наследие страны. Выступают против этого закона многие представители российской культуры. По словам петербургского реставратора Ю. Г. Боброва, уже есть несколько примеров, когда переданные церкви реликвии были утрачены навсегда. Пример Троицкого собора, в котором установили современную систему кондиционирования, отчего иконы все посыпались и потеряли свой прежний вид. В церкви пока нет структур, способных на профессиональном уровне обеспечивать всестороннее исследование, реставрацию и хранение памятников.

Однако самая большая угроза состоит в том, что отношения между церковью и государством могут повторить дореволюционный опыт, т.е. жестко обозначить привилегии РПЦ в рамках большого процесса становления РПЦ МП как собственника. Превращение какой-либо церковной организации в крупного собственника может привести к приданию церкви политических функций, сращиванию государственных и церковных структур. От этого будет страдать и государство, и религиозные организации.

Передача имущества религиозного назначения является безвозмездной только для религиозных организаций. Расходы религиозных организаций на оформление необходимых для принятия решения о передаче документов не являются платой за имущество. Они характерны для любой установленной нормативными правовыми актами процедуры оформления права собственности. А публично-правовые образования сталкиваются с необходимостью поиска иного недвижимого имущества для размещения государственных органов (органов местного самоуправления) или унитарных предприятий (учреждений), ранее располагавшихся в зданиях (сооружениях), подлежащих передаче религиозным организациям. При этом не исключено, что в государственной (муниципальной) собственности отсутствует недвижимость, пригодная для размещения соответствующих органов (организаций). Новый объект надо либо строить, либо покупать.

Закон должен обеспечить непрерывность в случае передачи зданий, строений, сооружений, располагающихся в них государственных и муниципальных учреждений в сфере образования, здравоохранения,

культуры, науки (школ, больниц, библиотек, социальных учреждений), органов обеспечения общественного порядка, безопасности и обороноспособности государства и др. государственных и муниципальных организаций.

Законопроект предполагал устранить имеющиеся пробелы в действующем законодательстве в сфере передачи религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности, а также облегчить доступ религиозным организациям к имуществу религиозного назначения для осуществления своих функций, снять остроту проблемы передачи имущества, которое уже используется религиозными организациями.

В целом закон должен способствовать реализации конституционного права граждан на свободу вероисповедания в балансе с обеспечением исполнения законодательно установленных функций публично-правовых образований, а также устранить правовую неопределенность в отношении имущества религиозного назначения, не востребованного религиозными организациями. Острым моментом является рост расходов бюджетов всех уровней бюджетной системы Российской Федерации в случае финансирования предоставления государственным и муниципальным организациям, использующим передаваемые объекты религиозного назначения, иных объектов недвижимого имущества. В результате безвозмездного отчуждения недвижимого имущества в пользу религиозных организаций происходит недополучение доходов от использования данного недвижимого имущества, находившегося в государственной или муниципальной собственности. Закон устанавливает процедуру реализации права религиозных организаций на безвозмездное получение имущества в собственность или в пользование, ранее установленного федеральными законами.

8 декабря 2011 года, через год после вступления в силу закона 2010 года «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности», была создана специальная комиссия по рассмотрению заявлений религиозных организаций о передаче такого имущества. Постановлением Правительства РФ от 12 августа 2011 года № 678 установлен порядок создания и деятельности комиссии по урегулированию разногласий, возникающих при рассмотрении заявлений религиозных организаций о передаче им в собственность или безвозмездное пользование имущества религиозного назначения. Согласно утвержденному актом правительства РФ Положению, комиссия рассматривает вопросы о передаче федерального имущества. Комиссия создается на постоянной основе Министерством экономического развития РФ. Руководство комиссией осуществляет представитель Минэкономразвития РФ. В состав комиссии входят представители Министерства обороны, Министерства культуры, Управления делами Президента РФ, Федерального агентства по управлению государственным имуществом, общественных организаций, руководящих органов (центров) религиозных организаций и специалисты в области религиоведения, культурологии, права и других областях. В состав комиссии при необходимости могут входить представители иных федеральных органов исполнительной власти. В задачи комиссии входит урегулирование разногласий, возникающих при рассмотрении заявлений религиозных организаций о передаче находящегося в федеральной собственности имущества религиозного назначения, а также рассмотрение заявлений физических и юридических лиц о возможных нарушениях их прав и (или) законных интересов в связи с принятием решения о передаче религиозной организации имущества религиозного назначения либо действиями (бездействием) уполномоченного органа в связи с рассмотрением заявления религиозной организации.

Список литературы

1. Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях».
2. Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».
3. Постановление Правительства РФ от 12 августа 2011 года № 678.

ОСНОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ТАМОЖЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Шак М.П.

Вятский государственный гуманитарный университет, г. Киров

Активное исследование вопросов ответственности за нарушение таможенного законодательства в нашей стране было обусловлено экономическими и политическими потрясениями начала 90-х годов XX века.

Интеграционные процессы, происходящие на постсоветском пространстве, а именно, вступление Российской Федерации в таможенный союз с Беларусью и Казахстаном, формирование единого экономического пространства делает исследование вопросов, связанных с ответственностью за нарушение таможенного законодательства, особенно актуальным. Проблемы, связанные с применением мер административной ответственности за совершение таможенных правонарушений, выходят за национальные рамки, они становятся предметом регулирования на межгосударственном уровне.

Неотъемлемый элемент ответственности в таможенной сфере - ее основание, то есть соответствующее правонарушение, обладающее спецификой, позволяющей отличить его от правонарушений в других сферах. На сегодняшний день правовые категории «таможенное правонарушение» и «таможенное преступление» получили широкое признание в правовой науке⁶⁰, что подтверждает специфичность таможенной ответственности и по критерию особого характера ее основания⁶¹.

В настоящее время в юридической науке нет единой точки зрения относительно количества элементов, входящих в структуру основания административной ответственности. Некоторые авторы выделяют два вида оснований применения административной ответственности: нормативное и фактическое (А.М. Азбукин, М.Н. Бирюков, И.Н. Зубов, А.К. Мустафин, А.П. Щергин, А.Ю. Якимов). Представляется более обоснованным подход, согласно которому можно выделить три основания административной ответственности: нормативное, фактическое и процессуальное. Этой позиции придерживаются В.В. Денисенко, Н.М. Конин.

Фактическое основание выражается в совершении правонарушения, нормативное основание – это предусмотренность нормами права совершенного правонарушения, процессуальное основание же заключающиеся в соблюдении особой процедуры привлечения к юридической ответственности.

Особенность нормативного основания административной ответственности, в первую очередь, заключается в большом объеме источников административного права, в бланкетности его норм. Статья 1.1 КоАП РФ говорит о двух уровнях законодательства РФ об административных правонарушениях – первый уровень составляет КоАП РФ и принимаемые в соответствии с ними федеральные законы, второй уровень – законы субъектов РФ об административных правонарушениях. в вопросах установления административной ответственности субъектами РФ, они ограничены рамками, предусмотренными статьей 1.3. КоАП РФ, согласно которой административная ответственности по вопросам, имеющим федеральное значение, в том числе административная ответственность за нарушение правил и норм, предусмотренных федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, устанавливается только на Федеральном уровне.

В КоАП РФ имеется существенная неопределенность в одном из важнейших вопросов - о разграничении законодательных полномочий при установлении составов административных правонарушений. В пункте 3 части 1 статьи 1.3 КоАП РФ сказано, что к ведению Российской Федерации относится установление административной ответственности по вопросам, имеющим федеральное значение, в том числе административной ответственности за нарушение правил и норм, предусмотренных федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации. Однако не ясно, что следует понимать под «федеральным значением» вопросов, по которым ответственность может быть установлена Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях.

Состояние нечеткой разграниченности полномочий федерального и регионального законодателей в части принятия норм особенной части законодательства об административных правонарушениях порождает и другую проблему, также имеющую конституционно-правовые корни. В частности, без ответа остается вопрос о том, вправе ли субъекты Российской Федерации принимать законы об административной ответственности по предметам совместного ведения, если такая ответственность федеральным законом не установлена.

В то же время признание Конституционным Судом Российской Федерации такого права за субъектами Федерации не снимает указанную проблему в сфере административной ответственности, поскольку существует еще немало общественных отношений, полномочия по правовому регулированию которых не четко разграничены между Российской Федерацией и ее субъектами. Существуют проблемы в толковании содержания различных предметов ведения и вопросов местного значения. Таким образом, очевидно, что данное направление развития нормативного основания административной ответственности нуждается в серьезной корректировке. В частности, КоАП РФ должен быть, по мнению многих ученых, дополнен положениями, более четко закрепляющими компетенцию субъектов Российской Федерации в области законодательства об административных правонарушениях.

⁶⁰См.: Бакаева О.Ю., Матвиенко Г.В. Таможенное право России: Учебник. М., Юристъ, 2003. С. 275-289; Бекашев К.А., Моисеев Е.Г. Таможенное право: Учебное пособие. М., 2004. С. 53-56; Попович О.М., Тихомиров Ю.С. Таможенное право: Учебное пособие для вузов. М., ЮНИТ И-ДАНА, Закон и право, 2004. С. 140-146.

Процессуальным основанием административной ответственности является акт компетентного органа о наложении конкретного административного взыскания за конкретный административный проступок на конкретное виновное лицо.

Представляется правильной точка зрения, в соответствии с которой юридическая ответственность в таможенной сфере обладает достаточными основаниями для выделения ее в отдельный правовой институт. Так, Б.Н. Габричидзе полагает, что можно говорить об институте таможенно-правовой ответственности, учитывая самостоятельный характер таможенного права как комплексной правовой отрасли, основываясь на существовании в правовой науке тенденции к обоснованию наличия в рамках отдельных отраслей права (как самостоятельных, так и комплексных) иных видов юридической ответственности: финансовой, экологической⁶².

Значение нормативных установлений, содержащихся в Таможенном Кодексе Таможенного союза определяется бланкетностью норм КоАП РФ. Так, например, ч. 1 ст. 16.2 КоАП РФ устанавливает ответственность за недекларирование по установленной форме товаров, подлежащих таможенному декларированию. При этом форма декларирования определена в статьях 180-182 Таможенного Кодекса Таможенного союза. Ч. 1 ст. 16.9 КоАП РФ устанавливает ответственность за недоставку товаров, перевозимых в соответствии с таможенным транзитом, в место доставки либо за выдачу (передачу) без разрешения таможенного органа или утрата товаров, находящихся под таможенным контролем. Понятие «место доставки» товара раскрывается в ст. 220 Таможенного Кодекса Таможенного Союза и ст. 235 ФЗ «О таможенном регулировании в РФ», а содержание понятия «товары, находящиеся под таможенным контролем» - в ст. 96 Таможенного Кодекса Таможенного Союза.

Ключевое место при определении основания юридической ответственности имеет административное правонарушение. Именно административное правонарушение, являющееся основанием для привлечения к административной ответственности, рассматривается учеными как главный признак, определяющий само понятие "административная ответственность".

В настоящее время вопросы, связанные с нарушением таможенных правил, решаются на уровне национального законодательства государств-членов Таможенного союза. Отсутствует унификация законодательства об административной ответственности и на уровне национальных законодательств государств-членов Таможенного союза. Правовые нормы в области ответственности за нарушение таможенного законодательства в государствах-членах Таможенного союза имеют серьезные отличия, что приводит к объективным противоречиям на пути к формированию единого экономического пространства.

Существенно отличаются и санкции за те правонарушения, ответственность за которые предусмотрена во всех государствах-членах Таможенного союза. Представляется, что в условиях продолжающейся интеграции необходимо устранить данные противоречия в законодательстве стран-участниц Таможенного Союза.

Список литературы

1. Бакаева О.Ю., Матвиенко Г.В. Таможенное право России: Учебник. М., Юристъ, 2003. С. 275-289
2. Бекяшев К.А., Моисеев Е.Г. Таможенное право: Учебное пособие. М., 2004. С. 53-56
3. Тимошенко И.В. Таможенное право России: Курс лекций. М., 2003. С. 306; Таможенное право. /Под ред. М.М. Рассолова, Н.Д. Эриашвили. М., 2005. С. 68-69.

ПРАВОВЫЕ И НЕПРАВОВЫЕ ФОРМЫ И МЕТОДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Коженко Я.В.

Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) ФГБОУ ВПО «РГЭУ (РИНХ)», г.Таганрог

Становление новой российской системы государственного управления проходит в условиях быстрого изменения политических, социально-экономических устоев общества, что приводит к радикальному изменению системы управления, отказу от традиционных форм и методов управления. Как справедливо подчеркивает И.Л. Бачило, проблемы стремительной эволюции и трансформации институтов государства и права, характерные для конца XX и начала XXI века, интенсивное развитие информационного общества, глобализация требуют переосмысления взаимоотношений между государством и обществом, определяя новые формы и методы

⁶²Тимошенко И.В. Таможенное право России: Курс лекций. М., 2003. С. 306; Таможенное право. Под ред. М.М. Рассолова, Н.Д. Эриашвили. М., 2005. С. 68-69.

правового регулирования данного взаимодействия. Эпоха цифры – мгновенного обмена информацией для формирования пакетов документов по запросу субъекта – взрывает ведомственные «заборы», методы и традиции работы административного аппарата [3]. Как отмечает Н. В. Черногловкин и Б.М. Лазарев сущность государства во вне проявляется через разнообразные методы и формы государственного управления. В этой связи особый интерес представляет собой анализ форм и методов государственного управления, характерных для сервисного государства [3]. В XXI веке, веке информационного общества и цифровых технологий, обостряется конкуренция между правовыми и неправовыми формами государственного управления, к сожалению, не в пользу последних. В плане классификации форм управления некоторые авторы считают целесообразным в сугубо учебных, академических целях исходить из необходимости самой общей классификации, а именно из подразделения их на два вида – правовые и неправовые. В целом, градация на правовые и неправовые формы условна, поскольку общепринятой классификации форм управленческой деятельности не существует. Так, Бахрах Д.Н., Россинский Б.В., Стариков Ю.Н. выделяют правовые и неправовые формы управления [2]. В отличие от правовых форм, в которых выражено одностороннее волеизъявление уполномоченного на реализацию управленческой компетенции государственного органа, организационные формы такой официальностью не обладают (они практически не влекут юридических последствий). Тем не менее значимость организационных форм в управленческой деятельности трудно переоценить, поскольку они позволяют учесть различные точки зрения и подходы, организовать обсуждение проблемы, достичь компромиссного соглашения [2]. В странах континентальной Европы неправовые формы управления называют неформальными управленческими действиями, к которым относят совещания, конференции, собрания, рекомендации и т. д. В России неправовые формы государственного управления становятся все более популярными как у органов исполнительной власти, так и у Президента РФ. Сложившуюся практику специалисты в области государственного управления комментируют падением ценности закона, отсутствием четкой слаженной работы бюрократического аппарата всей вертикали власти, вынуждающие Президента РФ переходить на «ручное управление» посредством расширения спектра неправовых форм управления с целью ликвидации последствий управленческих ошибок. Так, например, «путинская эпоха», озаменованная рядом политических, социально-экономических и административных преобразований, направленных на повышение эффективности всей системы государственного управления, характеризуется развитием и модернизацией не только неправовых форм (горячая линия с президентом РФ в прямом эфире, телемост-совещания и т. д.), но и внедрением инновационных форм и методов управления. Главной проблемой реализации неправовых форм государственного управления является опасность ее сведения к бюрократическим мероприятиям и созданию «видимости бурной деятельности». На подготовку и проведение формальных мероприятий затрачиваются внушительные силы и средства, а общественная отдача от них, в лучшем случае, – мизерная. Результат чаще всего один – использование государственных ресурсов в бюрократических, а нередко и в личных интересах. В этой связи особую значимость для нашей страны имеет творческое использование опыта развитых стран из реализации инновационных проектов в сфере государственного управления, что позволит сформировать действенную отечественную систему управления трансформационными процессами модернизационного характера. Актуальность исследования данных вопросов возрастает в условиях расширения полномочий региональных органов управления в осуществлении управленческих инноваций на местах. Многие из инновационных форм государственного управления применяются в мировой практике, успешно решают поставленные перед ними задачи государственного управления. Созданные межотраслевые учреждения «Centrelink», «Canberra-Cjnnnet», работающие по принципу «одного окна» и предоставляющие услуги от имени и в партнерстве с 25 федеральными министерствами и государственными агентствами на основании договора. Особенность сервисного подхода проявляется и в том, что оказание услуг осуществляется на 65 языках, что представляется весьма удобно для иностранных граждан и иммигрантов [5]. В целом, гибкая политика в области региональных отделений позволяет существенно расширить спектр предоставляемых услуг жителям поселений, которые по качеству ничем не отличаются от уровня крупных городов. К наиболее популярным формам предоставления услуг в Австралии можно отнести услуги, оказываемые посредством сети Интернет, по телефону через колл-центр, а также обычные офисы [1]. В целом, сеть «офис-агентств» представляет собой модель электронного правительства в австралийской интерпретации. Особый научно-исследовательский интерес представляет собой исследование возможностей «колл-центров» и «контакт-центров» как инновационных форм на службе государственного управления по оказанию государственных и муниципальных услуг. Государственные, политические и общественные организации используют колл-центры для организации телефонного взаимодействия с гражданами. В настоящее время контакт-центр рассматривается как современная форма государственного управления. В качестве взаимодействия государства и общества в Великобритании с 1999 года позитивно зарекомендовали себя общественные опросы населения, итоги которых были заложены в качестве приоритетных направлений

реформирования системы оказания государственных услуг. В результате появился новый подход к организации предоставления государственных услуг, получивший название «Public Value Management» [5]. Обобщая мировой опыт современных форм управления, направленных на совершенствование и повышение эффективности публичных услуг, сопоставляя с содержанием федерального закона «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [6], мы можем сделать вывод о том, что значительная часть мировых достижений в сфере управления была заимствована и нашла свое отражение в нормативно-правовом содержании закона. Как пишет И.Л. Бачило, привычный механизм взаимодействия государства и общества еще находится в тисках формулы «субъект-объект» и не позволяет с учетом эволюционных подвижек реализовать идеи позитивного государственного, отказавшись от патерналистских методов государственного управления [3]. Очевидно, важнейшую роль в политической модернизации играют организационно-управленческие формы взаимодействия государственной власти как с институтами гражданского общества в целом, так и с отдельно взятым индивидуумом в частности [4]. Поэтому без процедур информирования и доступа к информации органов государственного управления нельзя наладить функционирование обратных связей, что получили новый импульс развития благодаря научно-техническому прогрессу и развитию информационных технологий [7]. Система обратных связей в какой-то мере способна компенсировать слабость функционального представительства интересов. Она имеет различные формы: общественная экспертиза законов, административных и судебных решений, мониторинг их исполнения, требование открытой публикации чиновниками отчетов и разъяснений о принятых мерах. В рамках существующих классификаций форм управления исследователи выделяют ряд гибридных форм и методов государственного управления, требующих особого внимания, изучения и осмысления, среди которых административный договор, аутсорсинг, сетевые публичные форумы [8], круглые столы и конференции с участием представителей власти, электронное голосование, развитие услуг на базе удаленного доступа «электронное правительство»; процедуры досудебного обжалования (медиация), сетевые социальные обследования, предоставление услуг с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (с использованием портала государственных и муниципальных услуг, многофункциональных центров, универсальной электронной карты).

Список литературы

1. Байдаков С., Озеров Г., Соловьев О. Многофункциональный центр предоставления государственных услуг: модель, назначение и принципы организации. Опыт Центрального административного округа г. Москвы / С. Байдаков. – М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2013. – С.200.
2. Бахрах Д.Н., Россинский Б.В., Старилов Ю.Н. Административное право: Учебник для вузов. – М.: Норма, 2004. – С. 768.
3. Васильева А. Ф. Сервисное государство: административно-правовое исследование оказания публичных услуг в Германии и России. – М.: РАП, 2012. – С. 291.
4. Медушевский А. Н. Публичная администрация и общество: система обратных связей в информационном секторе // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2009. – № 6. – С.18.
5. Паршин М. В. Качество государственных и муниципальных услуг: на пути к сервисному государству. – М.: Статут, 2013. – С.185.
6. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (с последними изменениями и дополнениями от 5 апреля 2013 г) // <http://www.consultant.ru/>
7. Пашковский П.В. Политико-правовое обеспечение региональной безопасности России: проблемы и стратегии. // Философия права. №6 С. 118.
8. Агафонова Т.П., Самойлова И.Н. Исторический тип рационального обоснования властно-правовых отношений: постнеклассический подход // Вестник таганрогского государственного педагогического института. 2010. №1. С.4.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ БЮДЖЕТНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Шефрукова С.Т.

Майкопской государственной технологической университету, г. Майкоп

Проблемой в практике применения бюджетного законодательства является правовая неурегулированность, возникающая в связи с выявлением нарушений бюджетных нормативных правовых актов регионального уровня.

На основании сложившейся практики законы в части установления ответственности за административные правонарушения в бюджетной сфере прекратили свое действие, хотя в ряде субъектов РФ такого типа установления не оспариваются и продолжают действовать.

Верховный Суд РФ основывается на том, что регулирование ответственности за нарушение бюджетного законодательства осуществлено федеральными законами - Бюджетным кодексом РФ и Кодексом об административных правонарушениях РФ, - что делает невозможным издание законодательных актов аналогичного содержания на региональном уровне. Особенности процессуальных правил применения норм, устанавливающих ответственность за нарушения в бюджетной сфере, не позволяют применять их к подобным нарушениям, если они совершены в отношении средств региональных бюджетов. Ограничение предмета контроля и надзора Росфиннадзора лишь средствами федерального бюджета и государственных внебюджетных фондов не позволяет применять и меры бюджетно-правового характера при выявлении нарушений, связанных с использованием средств бюджета субъекта РФ.

Попытки разрешить проблему фактического отсутствия возможности применять правовые средства в форме административной ответственности, а также мер, установленных в части четвертой БК РФ, к нарушениям в использовании средств региональных бюджетов предпринимались [3].

Можно констатировать, что решение проблемы требует, прежде всего, проверки обоснованности позиции, сформулированной Верховным Судом РФ, относительно невозможности принятия субъектами РФ законов, устанавливающих административную ответственность за нарушения в бюджетной сфере. Суд исходит из того, что субъекты РФ обладают правом устанавливать административную ответственность за правонарушения в бюджетной сфере, если она не установлена федеральным законом, однако поскольку ответственность установлена в БК РФ и КоАП РФ, то субъекты РФ не могут реализовать данное полномочие.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ неопределенность нормы может быть преодолена путем систематического толкования с учетом иерархической структуры правовых норм, предполагающей, что толкование норм более низкого уровня должно осуществляться в контексте норм более высокого уровня, поскольку любая правовая норма находится в общей системе конституционно-правового и соответствующего отраслевого регулирования.

Действие норм БК РФ, устанавливающих ответственность за нарушения бюджетного законодательства РФ, на отношения, возникающие в ходе исполнения региональных и местных бюджетов, не распространяется. Предусмотренные положения распространяются на нарушения только тех порядков, которые непосредственно установлены в БК РФ. Между тем субъекты РФ обладают полномочиями устанавливать собственное правовое регулирование бюджетных отношений, в том числе: порядок составления проекта бюджета; порядок рассмотрения и утверждения проекта; порядок составления и ведения сводной бюджетной росписи; порядок исполнения бюджета по расходам и др.

Таким образом, если нарушения выявлены органами финансового контроля субъекта РФ в порядке, установленном законом или иными нормативно-правовыми актами субъекта РФ, то к этим правоотношениям не могут быть применены положения БК РФ. Следовательно, в этой части правовое регулирование федеральным законом отсутствует, и субъекты РФ не могут реализовать свое полномочие на установление ответственности за нарушение нормативных правовых актов субъектов РФ по вопросам регулирования бюджетных правоотношений.

Есть и иные положения, которые на первый взгляд можно истолковать как регулирование отношений, возникающих в связи с нарушениями в ходе исполнения не только федерального, но и иных бюджетов, в частности:

- «Неисполнение либо ненадлежащее исполнение установленного настоящим Кодексом порядка, бюджетов бюджетной системы РФ»;

- «Полномочия органов, исполняющих бюджеты субъектов РФ и местные бюджеты, в области применения мер принуждения».

Органы власти регионального уровня обязаны самостоятельными действиями обеспечивать эффективность использования бюджетных средств доступными правовыми средствами, в том числе установлением порядка осуществления финансового контроля и ответственности за выявленные нарушения. При этом закон субъекта РФ не может расширять основания, виды ответственности, порядок привлечения к ответственности, а также перечень санкций, установленных федеральным законом. Следует подчеркнуть, что установление ответственности за нарушение нормативно-правовых актов субъектов РФ по вопросам регулирования бюджетных правоотношений производится в случае и порядке, предусмотренных БК РФ, федеральными законами, принятыми в соответствии с ними законами субъектов РФ. Таким образом, это предназначается для формирования единообразного правового регулирования ответственности за нарушения бюджетного законодательства на всех уровнях бюджетной системы.

Прочее толкование не позволяет, о чем свидетельствует и правоприменительная практика, реализовать принцип самостоятельности бюджетов в части обеспечения эффективности использования средств региональных бюджетов[4].

Таким образом, закрепленные главой 28 БК РФ нормы применяются к отношениям, возникающим в результате неисполнения либо ненадлежащего исполнения порядков правового регулирования, установленных Бюджетным кодексом РФ и иными федеральными законами. На отношения, возникающие в результате неисполнения либо ненадлежащего исполнения порядков правового регулирования, установленных законами субъекта РФ, их юридическая сила не распространяется. Бюджетный кодекс РФ предусматривает полномочие субъекта РФ на установление ответственности за нарушения нормативных правовых актов субъекта РФ по вопросам регулирования бюджетных правоотношений [2].

Правовое регулирование бюджетных отношений осуществляется субъектом РФ автономно - путем формирования собственной системы нормативных правовых актов по регулированию бюджетных отношений, принимаемых в соответствии с Бюджетным кодексом РФ, то, следовательно, он имеет право устанавливать и административную ответственность за нарушение данных региональных правовых актов. Муниципальные образования не обладают полномочиями на установление административной ответственности, поэтому является обоснованным установление административной ответственности за нарушение муниципальных правовых актов по вопросам регулирования бюджетных правоотношений законом субъекта РФ. Следует подчеркнуть, что установление ответственности за отмеченные нарушения должно осуществляться в форме закона субъекта РФ об административных правонарушениях, принятого в соответствии с КоАП РФ, с учетом положений БК РФ и требований к установлению юридической ответственности, сформулированных Конституционным судом РФ. Из этого следует, что законом субъекта РФ «Об административных правонарушениях» должны быть установлены не только лица, уполномоченные осуществлять рассмотрение дел об административных правонарушениях, но и сами правонарушения (диспозиции), и назначаемые за их совершение меры ответственности (санкции).

При подготовке такого закона следует учесть следующее:

- подведомственность дел об административных правонарушениях, предусмотренных законами субъектов РФ, должна определяться в соответствии с ч. 2 ст. 22.1 КоАП РФ, которая устанавливает, что на рассмотрение дел об административных правонарушениях;

- эффективным представляется наделить полномочиями, рассматривать дела об административных правонарушениях, предусмотренных муниципальными правовыми актами, не административные комиссии муниципальных образований, а региональный контрольно-счетный орган при отсутствии контрольно-счетного органа муниципального образования.

- контрольный орган, созданный законодательным (представительным) органом субъекта Российской Федерации, финансовый орган субъекта Российской Федерации и (или) иной орган, уполномоченный органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации, вправе проводить проверки местных бюджетов - получателей межбюджетных трансфертов из бюджета субъекта Российской Федерации.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // «РГ», № 237, 25.12.1993.
2. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. №145-ФЗ (ред. от 28.12.2013, с изм. от 03.02.2014) .
3. В.В. Бочаров, В.Е. Леонтьев, Н.П. Радковская Корпоративные финансы / Юрайт, 2014.
4. Финансовое право и финансовый мониторинг в современной России / Под ред. О.Н. Горбуновой. - М., Элит, 2012.

СООТНОШЕНИЕ ИНСТИТУТОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Пашковский П.В.

Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) ФГБОУ ВПО «РГЭУ (РИНХ)», г. Таганрог

Устойчивость социально-экономического положения крупного и самодостаточного территориального образования, сохранение им политического и экономического статуса в значительной мере определяются не только наличием внешних и внутренних угроз, но и способностью и возможностью региональных структур управления своевременно оценивать внешние и внутренние угрозы безопасности социальным, экономическим и природным составляющим инфраструктуры региона, обеспечивать разработку и реализацию комплекса превентивных мероприятий противодействия источникам риска, осуществлять полномасштабные действия по ликвидации возникающих кризисных явлений и их последствий.

На стратегическом уровне планирования внутренней безопасности субъекты регионального уровня государственного управления должны стремиться к выявлению и определению интересов региона (субъекта федерации), но учитывать при этом национальные интересы государства, поскольку именно властная элита в условиях России, как правило, выступает ведущим упорядочивающим фактором функционирования регионального сообщества.

К ключевым приоритетам здесь следует отнести разработку единых основ разграничения полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации. Требования, которые могут составить основу федеральной законодательной базы по обеспечению региональной безопасности, должны иметь установку на правовую корреляцию с учетом региональных особенностей России. Практика укрепления вертикали власти, ликвидация ассиметрии федеративных отношений, приведение законодательства субъектов Федерации в соответствие с Конституцией России стали важнейшей государственной проблемой в осуществлении региональной политики.

Взаимодействие федерального и регионального уровней государственного управления оказывает большое влияние на политическую безопасность государства, от этого также зависят функционирование экономического механизма страны, хозяйственные связи, условия движения товаров, капитала и рабочей силы, а, следовательно, экономический потенциал страны, ее экономическая безопасность. Оно в значительной степени зависит от уровня политического консенсуса и политической стабильности. Если в обществе нет согласия по фундаментальным основам общественной жизни, политические противоречия между федеральными и региональными элитами таят в себе заряд политического напряжения и возможность дестабилизации в целом.

Закрепляя сложившиеся де-факто взаимоотношения центра и регионов, территориальных образований между собой, федерализм, по сути, стал следствием договора компромисса[2]. Исходя из этих предпосылок, правовые основы региональной безопасности в федеративном государстве необходимо рассматривать не как обособленный процесс, всеобщую теоретическую модель, а как явление, отражающее специфику развития той или иной страны.

В этой связи сторонники «чистой» системы национальной безопасности утверждают, что региональная безопасность не может рассматриваться в качестве самостоятельной системы и является составным элементом системы национальной безопасности. Создание же системы региональной безопасности приводит лишь к формированию дублирования функций органов государственной власти. Однако в научной литературе все больше сторонников находит позиция, согласно которой региональная система безопасности должна формироваться как отдельная подсистема национальной безопасности.

В качестве доводов в пользу данной точки зрения приводится утверждение о том, что регионы обладают собственными интересами, что обуславливает их обязательное участие в системе национальной защиты. Например, В.Е. Аксаков утверждает, что в структуре федеральных интересов доминируют интересы государства и общества в целом, а в структуре региональных интересов – интересы личности и общности[1]. Это представляется не совсем верным, т.к. законные интересы личности и групповые интересы всегда реализуются через соблюдение интересов государства и общества в целом, к тому же все они являются предметом защиты единой государственной системы. Поэтому региональные интересы интегрированы в систему национальных интересов и неразрывно связаны друг с другом. В то же время необходимо учитывать, что предметы обеспечения как национального, так и регионального уровней государственной безопасности не совпадают, а деятельность соответствующих органов государственной власти не должна дублироваться. К тому же система региональной безопасности, с точки зрения оперативности управления и понимания специфических особенностей

региональных угроз, стоит на порядок выше, нежели система национальной безопасности. Между тем выходом из сложившейся ситуации может стать четкое законодательное определение не только пределов компетенции федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов РФ, установление порядка их взаимодействия, но и определение стадийности угроз.

В этом плане следует согласиться с мнением А.Н. Фролова, что если анализировать особенности и специфику рисков и угроз на общенациональном уровне, то необходимо, в первую очередь, рассматривать объективно действующие особенности национальной безопасности применительно к конкретным территориальным сообществам – регионам[4]. Так, региональные жизненные пространства отличаются друг от друга не только уровнем террористических угроз, сепаратизма, национализма, но и разной структурой социально-политических, экономических и иных проблем. Поэтому выделение регионального уровня национальной безопасности в качестве специального института вполне оправдано и своевременно.

В этом случае акцентируется внимание на существование особой группы проблем выявления общего и особенного в рисках и угрозах национальной безопасности в различных регионах, что должно в конечном итоге интенсифицировать процесс их адекватного и эффективного разрешения и устранения возникших последствий.

Регион как субъект национальной безопасности характеризуется определенной инфраструктурной целостностью, разрушение которой и создает те или иные региональные угрозы. Однако указанная система инфраструктурных связей может возникать не только внутри одного субъекта РФ, но и между ними, причем не обязательно в непосредственно прилегающих друг к другу субъектах.

Вполне закономерным видится ее отражение в системе региональной безопасности, что требует создания многомерной организационной, правовой и административно-политической конструкции.

Следовательно, можно утверждать, что политико-правовая сущность федеративной государственности предполагает выделение двух взаимосвязанных уровней обеспечения и защиты жизненно важных интересов и потребностей граждан – федеральный и региональный. Данные уровни представляют собой системы публично-правового выражения общенациональной системы интересов личности, общества и государства с учетом этнополитических, социально-культурных и территориальных особенностей.

При этом региональная безопасность, с одной стороны, выражает специфическую систему многофакторной политико-правовой реальности отдельного территориального пространства, устойчивость и качество управленческой и социально-политической систем, а также состояние нормативной защищенности жизненно важных интересов и потребностей, стратегических ресурсных элементов региона; с другой – представляет собой подсистему национальной безопасности государства, является комплексным политико-правовым институтом в общей системе федеративной государственно-правовой организации.

В настоящее время незавершенность институционально-нормативного обеспечения взаимодействия федеральных органов власти и региональных властных институтов и структур, равно как и отсутствие механизмов согласования приоритетов правовой политики государства в сфере национальной безопасности, формирует две разновекторные тенденции. С одной стороны, усиливается давление со стороны центральных органов власти, направленное на восстановление своих властно-правовых позиций и политико-правового контроля над региональными процессами. С другой стороны, это и усиление сопротивления региональных институтов власти «реваншистской» ренцентрализаторской политике федерального центра[3]. Данные тенденции объективно ослабляют национальную систему безопасности, в том числе и безопасность конкретного территориального сообщества.

Список литературы

1. Аксаков В.Е. Правовые основы обеспечения внутренней безопасности региона (на примере Московской области): дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2003.
2. Коженко Я.В. Концепция сильного государства в контексте модернизации государственной власти в России: историко-правовой аспект // Философия права. 2010. № 4. С.56-59.
3. Пашковский П.В. Политико-правовое обеспечение региональной безопасности России: проблемы и стратегии // Философия права. 2008. № 6. С.118-120.
4. Фролов А.Н. Эффективность национальной безопасности на региональном уровне: критерии и механизмы политического обеспечения: дисс. ... канд. полит. наук. – Ростов н/Д, 2006. С.18-19.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТАМОЖЕННОГО ДЕЛА В РФ

Шак М.П.

Вятский государственный гуманитарный университет, г. Киров

Таможенно-пошлинное обложение было известно еще в Древней Руси. Так, в договоре Олега с Византией обычаи и льготы упоминаются как бытовавшие в жизни явления. В V – IV вв. до н. э. в городах Причерноморья существовали таможенные порядки. Для этого периода было характерно правило взимать мыт или мыто – сбор за провоз товара через заставы, которое в те времена существовало как норма обычного права. Мыто делилось на "сухое" – при провозе товаров по суше и мыто "водяное", взимаемое при провозе товара морским или речным путем. В XII – начале XIII в. государство фактически распалось на отдельные земли, а их владельцы на своих территориях начали вводить собственные системы пошлин, подчиненные целям личного обогащения. В это время применялись пошлины, обычно называемые проезжими и товарными⁶³.

С развитием крупного землевладения, внешней торговли и городских ремесел в XIII – XIV вв. русские города устанавливали связи с западными государствами. Так, сначала Новгород, а затем Псков и Смоленск вступили в Ганзейский торговый союз, что позволило купцам этих городов получить ряд существенных льгот при торговле с государствами северной Европы. Завоевание русских земель татара-монгольскими племенами привело к возникновению в русском языке слова "тамга", означавшее у тюркских народов знак, клеймо, тавро, ставившийся на имуществе, принадлежавшем роду. Получение ханских ярлыков сопровождалось сбором, который стал называться у русских тамгой. Впоследствии этим словом начали называть пошлины, взимаемые при торговле на рынках и ярмарках. От слова "тамга" был образован глагол "тамжить", то есть облагать товар пошлиной, а место, где товар "тамжили", стало называться таможенной. Служилый человек стал называться таможником или таможенником.

Период царствования Михаила Романова характеризуется дальнейшей дифференциацией пошлин, что наиболее ярко проявилось в пошлинах, взимаемых за вывоз товара из России. В частности, государство запретило частным лицам торговлю хлебом, дорогими мехами, персидским шелком. В Россию же был запрещен ввоз табака, потребление которого строго преследовалось, а также хлебных вин, являвшихся предметом государственной монополии.

Следующим шагом таможенного реформирования стал торговый устав 1653 г. Согласно ему, разнообразные российские таможенные пошлины были заменены единой рублевой пошлиной в размере 5% с каждого рубля цены товара, с соли – 10% от цены, с рыбы и пушнины – особые пошлины. Иностранцы купцы были обязаны платить пошлины в размере 6% от цены товара во внутренних таможнях и 2% проезжих пошлин в пограничных таможнях при вывозе российских товаров.

Новоторговый устав 1667 г. ужесточил порядок ввоза иностранных товаров, пошлина на которые увеличилась в 4 раза. Иностранцам же торговля была разрешена только в приграничных городах: в Архангельске, Новгороде, Пскове. Иностранцам также запрещалось ведение розничной торговли и обмена товарами между собой в обход таможни под угрозой конфискации товара. Однако ужесточение режима ввоза иностранных товаров способствовало расцвету контрабанды, носившей до этого преимущественно разовый характер⁶⁴.

Создание разветвленной и централизованной таможенной службы в России принято относить к концу XVII в. Новый импульс развитие внутренней торговли получило в период царствования Петра I, причиной которому послужили развитие промышленности и мануфактур сельского хозяйства. Управление таможенными сборами с 1718 г. начала осуществлять Коммерц-коллегия, являвшаяся самостоятельным управленческим ведомством. В это же время активизировалось развитие внешней торговли, немалую роль для чего сыграл принятый в 1724 году протекционистский таможенный тариф. В интересах отечественной промышленности высокими таможенными пошлинами облагались товары, производство которых в России или уже было освоено, или налаживалось.

К середине XVIII в. в России существовало 17 таможенных сборов. Процедура осмотра товаров и записи в книгах являлась же достаточно сложной, что препятствовало расширению торговли и послужило предпосылкой для проведения реформы таможни. Указ 1753 г. с января 1754 г. отменил рублевую пошлину и все 17 таможенных сборов с внутренней торговли. Для компенсации доходов казны, в среднем на 13% были увеличены пошлины с операций российских и иностранных купцов в портовых и пограничных таможнях.

⁶³ Блинов Н.М. Таможенная политика России X – XI вв – М.: Русина, 2007.

⁶⁴ Бакаева О.Ю. Становление и развитие современного таможенного права Российской Федерации. Право и политика. – 2002. – № 1

Дальнейшее развитие таможенного законодательства в России продолжилось в начале XIX в. с принятием Таможенного устава, который, в частности, определил охрану государственной границы как задачу таможенной. Помимо этого, Таможенный устав 1819 года уточнил понятие контрабанды в России, определив под этим не только провоз или пронос товаров через границу мимо таможи, но и неуказание товаров владельцами и в поданных в таможню объявлениях и грузовых документах⁶⁵.

В целом же система таможенных учреждений середины XIX в. может быть охарактеризована по Таможенному уставу 1857 г. Таможни классифицировались в зависимости от объема проводимых операций на крупнейшие, средние и малые. Ряд таможен имел филиалы, к примеру, в Санкт-Петербурге форпостом была Кронштадтская таможня. Помимо этого, некоторые таможни имели посты, называвшиеся заставами.

В 1892 году был принят новый Таможенный Устав, который упорядочил таможенную охрану на море и в прибрежных водах. В частности, таможенной полосой, в пределах которой все суда подлежали досмотру российских таможенных властей, признавалось водное пространство на протяжении трех морских миль от берега.

Новая структура таможенных органов России была определена таможенным уставом 1904 г. Согласно его положениям, таможенная система России состояла из департамента таможенных сборов, окружных и участковых таможенных управлений, таможен, застав, постов и пунктов. Нововведением в Таможенный устав 1904 г. следует признать раздел "О привозе товаров по железным дорогам", который отразил высокие темпы строительства железных дорог в России и, как следствие, адаптацию таможенных операций к этому виду транспорта⁶⁶.

В начале 20 века таможенное дело в России регулировалось Уставом 1910 года. Управление таможнями осуществлялось образованным в 1864 году в составе Министерства финансов Департаментом таможенных сборов, который находился в плохом состоянии. Большинство таможен было закрыто, а их служащие эвакуированы. Таможенная система практически была разрушена. В начале 1918 года возобновил работу Департамент таможенных сборов при Наркомате финансов. Таможенные учреждения признавались органами центральной Советской власти, никакие гражданские и военные власти, профессиональные организации не могли вмешиваться в деятельность таможен (ст. 4. 5). В целом этот декрет был крупным актом о создании советских таможенных учреждений.

Декретом СНК от 29 июня 1918 г. департамент таможенных сборов был переименован в Главное управление таможенного контроля, которое перешло в подчинение Наркомата торговли и промышленности (НКТиП); последний в 1920 году был преобразован в Народный комиссариат внешней торговли (НКВТ).

Переход в начале 20-х годов к Новой Экономической Политике восстановил утраченные после революции функции таможенных органов и обусловил интенсивное структурное развитие этой системы. В 1924 г. новый Таможенный устав законодательно закрепил систему таможенного управления. Согласно ст. 1 Устава таможенным делом на всей территории СССР управлял Наркомат внешней торговли, который осуществлял свои задачи как в центре, так и на местах через входящее в его состав Главное таможенное управление. Главным таможенным управлением (ГТУ) осуществлялась разработка планов всех таможенных мероприятий общего характера. Уставом 1924 года устанавливалась сложная четырехзвенная система управления таможенным делом (НКВТ—ГТУ - уполномоченные НКВТ, отделения ГТУ - районные таможенные инспекторские управления — таможни и таможенные посты).

Следующий этап в развитии таможенного дела в СССР начался в 1964 г., с утверждением Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 мая 1964 года нового Таможенного кодекса. По сравнению с Таможенным кодексом СССР 1928 года он был значительно меньше по объему (120 статей, сгруппированных в три раздела). Управлению таможенным делом был посвящен первый раздел Кодекса, содержащий всего 7 статей. Управление таможенным делом на территории СССР было отнесено к ведению Министерства внешней торговли и осуществлялось через входящее в его состав Главное таможенное управление (ст. 1 Кодекса).

Вплоть до принятия в 1993 г. нового Таможенного Кодекса развитие таможенного дела определялось подзаконным нормотворчеством - постановлениями Совета Министров СССР и ведомственными актами.

Существенные изменения в организацию таможенного дела были внесены Таможенным кодексом РФ и Законом "О таможенном тарифе" 1993 г. Так, предусматривалось создание двух координационных органов – Таможенно-тарифного совета и Координационного совета по борьбе с международным незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Новый Таможенный кодекс легализовал фактически уже

⁶⁵Ершов А.Д. Международные таможенные отношения. Уч. пособие. -С-П филиал РТА, 2009.

⁶⁶Калашников С.Д. Исторический опыт протекционистской таможенной политики России 1877 – 1913 г.г. Уч. Пособие, изд-е 2-е М.: РИО РТА, 2008.

сложившуюся трехзвенную систему таможенных органов: центральный таможенный орган – региональные таможенные управления – таможни.

Список литературы

1. Бакаева О.Ю. Становление и развитие современного таможенного права Российской Федерации. Право и политика. – 2002. – № 1
2. Блинов Н.М. Таможенная политика России X – XI вв – М.: Русина, 2007.
3. Бодрилина В.П. Исторические вехи организации Центрального таможенного управления в России. Таможенные ведомости. – 1995. – № 11.
4. Бутов Я.В. Таможенная политика России и ее осуществление во второй половине XIX века, изд-е 2-е – М.: РИО РТА, 2009.
5. Габричидзе Б.Н. "Становление и развитие таможенной службы", изд-е 3-е. М., ИНФРА-М, 2010.
6. Ершов А.Д. Международные таможенные отношения. Уч. пособие.-С-П филиал РТА, 2009.
7. Калашников С.Д. Исторический опыт протекционистской таможенной политики России.1877 – 1913 г.г. Уч. Пособие, изд-е 2-е М.: РИО РТА, 2008.
8. Кисловский Ю.Г. История таможни государства Российского.– М.: ИПО Автор, 2009.

СЕКЦИЯ №11.

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС; АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.15)

ПЛАН КОНФЕРЕНЦИЙ НА 2014 ГОД

Январь 2014г.

Межвузовская ежегодная научно-практическая конференция с международным участием **«Актуальные вопросы юридических наук в современных условиях»**, г.Санкт-Петербург

Прием статей для публикации: до 1 января 2014г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 февраля 2014г.

Февраль 2014г.

Межвузовская ежегодная научно-практическая конференция с международным участием **«Актуальные проблемы юриспруденции в России и за рубежом»**, г.Новосибирск

Прием статей для публикации: до 1 февраля 2014г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 марта 2014г.

Март 2014г.

Межвузовская ежегодная научно-практическая конференция с международным участием **«Актуальные вопросы юриспруденции»**, г.Екатеринбург

Прием статей для публикации: до 1 марта 2014г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 апреля 2014г.

Апрель 2014г.

Международная межвузовская научно-практическая конференция **«Теория и практика современной юридической науки»**, г.Самара

Прием статей для публикации: до 1 апреля 2014г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 мая 2014г.

Май 2014г.

Международная научно-практическая конференция **«Актуальные проблемы юриспруденции и пути решения»**, г.Омск

Прием статей для публикации: до 1 мая 2014г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 июня 2014г.

Июнь 2014г.

Международная научно-практическая конференция **«Проблемы и перспективы юриспруденции в современных условиях»**, г.Казань

Прием статей для публикации: до 1 июня 2014г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 июля 2014г.

Июль 2014г.

Международная научно-практическая конференция **«О некоторых вопросах и проблемах современной юриспруденции»**, г.Челябинск

Прием статей для публикации: до 1 июля 2014г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 августа 2014г.

Август 2014г.

Международная научно-практическая конференция **«Теоретические и практические аспекты развития юридической науки»**, г.Ростов-на-Дону

Прием статей для публикации: до 1 августа 2014г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 сентября 2014г.

Сентябрь 2014г.

Международная научно-практическая конференция **«Современная юриспруденция: актуальные вопросы и перспективы развития»**, г.Уфа

Прием статей для публикации: до 1 сентября 2014г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 октября 2014г.

Октябрь 2014г.

Международная научно-практическая конференция «**Основные проблемы и тенденции развития в современной юриспруденции**», г.Волгоград

Прием статей для публикации: до 1 октября 2014г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 ноября 2014г.

Ноябрь 2014г.

Международная научно-практическая конференция «**Проблемы современной юридической науки: актуальные вопросы**», г.Красноярск

Прием статей для публикации: до 1 ноября 2014г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 декабря 2014г.

Декабрь 2014г.

Международная научно-практическая конференция «**Проблемы и перспективы развития современной юриспруденции**», г.Воронеж

Прием статей для публикации: до 1 декабря 2014г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 января 2015г.

С более подробной информацией о международных научно-практических конференциях можно ознакомиться на официальном сайте Инновационного центра развития образования и науки www.izron.ru (раздел «Юриспруденция»).

ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
INNOVATIVE DEVELOPMENT CENTER OF EDUCATION AND SCIENCE

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

**Сборник научных трудов по итогам
международной научно-практической конференции
(7 октября 2014г.)**

**г. Волгоград
2014г.**

Печатается в авторской редакции
Компьютерная верстка авторская

Подписано в печать 08.10.2014.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 24,0.
Тираж 150 экз. Заказ № 1499.

Отпечатано по заказу ИЦРОН в ООО «Ареал»
603000, г. Нижний Новгород, ул. Студеная, д. 58